

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н. А. Добролюбова»
(НГЛУ)

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н. А. Добролюбова

Выпуск 4 (72)

Нижний Новгород
2025

Печатается по решению редакционно-издательского совета НГЛУ

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им.
Н. А. Добролюбова. Вып. 4 (72). — Н. Новгород: НГЛУ, 2025. — 214 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор

Б. А. Жигалев

Редакционная коллегия:

С. Н. Аверкина (Москва), В. А. Аннушкин (Москва), М. А. Ариян, О. В. Байкова (Киров),
Н. П. Баранова (Беларусь), В. М. Бухаров, Н. К. Гарбовский (Москва), Е. П. Глумова,
Н. А. Голубева, М. А. Грачев, Е. Н. Дмитриева, О. А. Жилина (Таиланд), А. В. Иванов,
В. И. Карасик (Москва), С. Б. Королева, Н. Ф. Коряковцева (Москва),
Л. П. Крысин (Москва), Ли Хунжу (Китай), Н. В. Макшанцева, В. А. Малинин,
Ж. В. Марфина (Луганск), М. И. Никола (Москва), А. Т. Нурманов (Узбекистан),
О. Г. Оберемко, Н. М. Петрухина (Узбекистан),
Е. Р. Поршнева, Л. В. Рацибурская, В. В. Сдобников, Н. А. Тарасюк (Курск)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008 г.

Журнал включен ВАК РФ в Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2025

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

LINGUISTICS UNIVERSITY OF NIZHNY NOVGOROD

LUNN BULLETIN

Issue 4 (72)

Nizhny Novgorod
2025

LUNN Bulletin. Issue 4 (72). — Nizhny Novgorod: Linguistics University of Nizhny Novgorod, 2025. — 214 p.

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

B. Zhigalev

Editorial Board:

S. Averkina (Moscow), V. Annushkin (Moscow),
M. Ariyan, O. Baykova (Kirov), N. Baranova (Belarus), V. Bukharov,
N. Garbovsky (Moscow), E. Glumova, N. Golubeva, M. Grachev, E. Dmitrieva,
O. Zhilina (Thailand), A. Ivanov, V. Karasik (Moscow), S. Koroleva,
N. Koryakovtseva (Moscow), L. Krysin (Moscow), Li Hongzhu (China), N. Makshantseva,
V. Malinin, Zh. Marfina (Lugansk), M. Nikola (Moscow),
A. Nurmanov (Republic of Uzbekistan), O. Oberemko,
N. Petrukhina (Republic of Uzbekistan), E. Porshneva, L. Ratsiburskaya,
V. Sdobnikov, N. Tarasyuk (Kursk)

ISSN 2072-3490

© LUNN, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА.....	9
Дискурс как понятие, слово и термин в пространстве немецкого языка и культуры (историко-лингвистический аспект) <i>Иванов А. В.</i>	9
Стратегии синхронного перевода в условиях стресса <i>Балаганов Д. В., Князева Е. Г.</i>	32
Прямые речевые акты благодарности во вьетнамском языке в сопоставлении с русским языком <i>Нгуен Т. Ш.</i>	45
Реализация текстообразующих категорий в машинном переводе <i>Петрова О. В., Родионова М. Ю.</i>	59
Ироническая похвала как инструмент непрямой коммуникации (на материале автобиографической повести Джеральда Даррела <i>My Family and Other Animals</i>) <i>Тырыгина В. А., Никифорова В. В.</i>	75
Функционально-прагматическая характеристика речевого акта соблезнования с пропозицией «теракт» <i>Логинова А. А., Бухаров В. М.</i>	91
Имена собственные как переводческая проблема в контексте интертекстуальности (на примере творчества Донны Тартт) <i>Пивень И. В., Туча А. А.</i>	107
Лексико-семантические и функциональные характеристики символов в романе В. В. Вересаева «Сестры» <i>Сухотина В. Ю.</i>	120
МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ	135
Аспект вариативности языка в полилингвальном обучении <i>Чайка К. В., Митина М. В., Малыгин В. Т.</i>	135
Нравственное воспитание младших школьников в процессе иноязычного образования <i>Дмитриева Е. Н., Малинин В. А.</i>	147

Формирование мировоззрения будущего педагога на основе традиционных духовно-нравственных ценностей и гражданско-патриотического образования <i>Сороковых Г. В., Петров В. И., Молодцов И. А.</i>	164
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР	178
Концепция пушкинского творчества в просветительских трудах А. Лютера: из истории восприятия русской литературы в Германии <i>Варнаева Ю. Н., Логинова А. А.</i>	178
Переводы М. Бэринга в «Антологии русской поэзии» С. Баура: выбор редактора, выбор переводчика <i>Королева С. Б., Васильев Е. В.</i>	191
ХРОНИКА.....	207
IV международная научная конференция «Романо-германские литературы: традиции и современность» и XXXVII международная научная конференция РАПАЛ <i>Королева С. Б.</i>	207
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	212

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE.....	9
“Discourse” as a Concept, Word, and Term in German Language and Culture (A Historical-Linguistic Perspective) <i>Andrey V. Ivanov</i>	9
Simultaneous Interpretation Strategies Under Stress <i>Dmitry V. Balaganov, Yelena G. Knyazeva</i>	32
Direct Speech Acts of Gratitude in Vietnamese in Comparison with Russian <i>Nguyen Thanh Son</i>	45
Coherence and Cohesion in Machine Translation <i>Olga V. Petrova, Maria Yu. Rodionova</i>	59
Ironic Praise as a Tool of Indirect Communication (Based on the Autobiographical Novel <i>My Family and Other Animals</i> by Gerald Durrell) <i>Valentina A. Tyryguina, Vera V. Nikiforova</i>	75
A Functional-Pragmatic Analysis of the Speech Act of Condolence with the Propositional Content “Terrorist Attack” <i>Aleksandra A. Loginova, Valeriy M. Bukharov</i>	91
Proper Nouns as a Translation Issue in the Context of Intertextuality. A Case Study of Donna Tartts’s Novels <i>Irina V. Piven, Aleksandra A. Tucha</i>	107
Lexico-Semantic and Functional Characteristics of Symbols in V. V. Veresaev’s Novel <i>The Sisters</i> . <i>Valeria Ju. Sukhotina</i>	120
CROSS-CULTURAL COMMUNICATION.	
TOPICAL ISSUES IN EDUCATION	135
The Aspect of Language Variability in Multilingual Education <i>Ksenia V. Chayka, Marina V. Mitina, Victor T. Malygin</i>	135
Integrating Moral Education into Elementary Foreign Language Instruction <i>Elena N. Dmitrieva, Valery A. Malinin</i>	147

Forming the Worldview of Future Teachers Based on Traditional Spiritual and Moral Values and Civil-Patriotic Education <i>Galina V. Sorokovykh, Vadim I. Petrov, Ilya A. Molodtsov</i>	164
CROSS-CULTURAL ASPECTS OF LITERARY DISCOURSE	178
The Conception of Pushkin’s Art in Arthur Luther’s Educational Writings: A Chapter in the German Reception of Russian Literature <i>Yulia N. Varpaeva, Aleksandra A. Loginova</i>	178
M. Baring’s Translations in <i>A Book of Russian Verse</i> by C. Bowra: Editorial and Translation Choices <i>Svetlana B. Koroleva, Evgenij V. Vasil’ev</i>	191
CHRONICLE	207
4th International Research Conference “Romance and Germanic Literatures: Tradition and Modernity” and 37th International RAPAL Conference <i>Svetlana B. Koroleva</i>	207
CONTRIBUTOR INFORMATION	212

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 811.112.2; 81'374

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-9-31

ДИСКУРС КАК ПОНЯТИЕ, СЛОВО И ТЕРМИН В ПРОСТРАНСТВЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ (историко-лингвистический аспект)

А. В. Иванов

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Статья посвящена исследованию понятия *Diskurs* в немецкоязычном лингвокультурном пространстве и лексико-терминологическим средствам, овецивающим это понятие. Цель исследования состоит в попытке проследить развитие семантики слова *Diskurs* в направлении от совокупности его общеязыковых значений к специализированному (терминологическому) значению, отражающим в целом постепенное эволюционирование во времени представлений о дискурсе как о речевом произведении или совокупности таких произведений, которые фактически реализуются носителем языка на основе его языковой компетенции в письменной или в устной форме, и выявить способы репрезентации этих представлений лексикографическими средствами. В ходе исследования используются методы историко-лингвистического, сравнительно-сопоставительного, дефиниционного и семантического анализа. Предметом исследования выступает семантическая структура слова-термина *Diskurs*, формировавшаяся с момента первого словоупотребления, зафиксированного в медицинском трактате Лоренца Фриза *Spiegel der Arztny*, изданном в 1518 г., по настоящее время. На протяжении более 500 лет слово обогатилось целым рядом общеязыковых значений, к числу которых относятся 'Darlegung, Erörterung' (XVI в.), 'Abhandlung, Unterredung', 'Worte, Rede', 'menschliche Rede', 'Geschichte, Erzählung', 'Vortrag', 'Streit' (XVII–XVIII вв.), 'Gedankenaustausch, Unterhaltung; Erörterung; 'Wortwechsel' (XIX–XX вв.). Терминологическое значение в семантической структуре слова *Diskurs* возникло во 2-й пол. XX в. и было связано поначалу с социально-философским аспектом интеллектуальной деятельности человека и немного позже — с языковой сферой. Тесная связь дискурса с понятийным аппаратом философии, социологии, лингвистики и литературоведения обусловила возникновение целого кластера терминологических единиц, которые со временем сформировали терминологическое микрополе «*Diskurs*». Интерес к дискурсу как к слову и как к термину не был стабильным, переживая подъем в XVII–XVIII вв. и снижаясь до минимума в период с начала XIX в. до начала 2-й пол. XX в.

Ключевые слова: дискурс; типология дискурса; историко-лингвистический анализ; семантическая структура слова; семантический анализ; лексикография; словарь.

Цитирование: Иванов А. В. Дискурс как понятие, слово и термин в пространстве немецкого языка и культуры (историко-лингвистический аспект) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 4 (72). С. 9–31. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-9-31.

“Discourse” as a Concept, Word, and Term in German Language and Culture (A Historical-Linguistic Perspective)

Andrey V. Ivanov

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

This study explores the concept of *Diskurs* within the German-speaking linguistic and cultural space, focusing on the lexical and terminological means through which this concept has been articulated. The primary aim is to trace the semantic development of the word “*Diskurs*” from its general-language meanings to its specialized terminological sense. This evolution reflects changing conceptions of discourse as a speech product or as a set of such products realized by native speakers on the basis of their linguistic competence in written or oral form. Particular attention is also paid to the ways in which these conceptual shifts are represented in lexicographic sources. Methodologically, the study employs historical-linguistic, comparative, definitional, and semantic analysis. The object of analysis is the semantic structure of the word “*Diskurs*,” which has developed from its earliest recorded usage – found in Lorenz Fries’ medical treatise *Spiegel der Arztny* (1518) — to the present day. Over more than five centuries, the word has accumulated a range of general-language meanings, including “*Darlegung*,” “*Erörterung*” (16th century); ‘*Abhandlung*’, ‘*Unterredung*’, ‘*Worte*’, ‘*Rede*’, ‘*menschliche Rede*’, ‘*Geschichte*’, ‘*Erzählung*’, ‘*Vortrag*’, and ‘*Streit*’ (17th–18th centuries); and ‘*Gedankenaustausch*’, ‘*Unterhaltung*’, ‘*Erörterung*’, and ‘*Wortwechsel*’ (19th–20th centuries). The terminological meaning of “*Diskurs*” emerged in the second half of the twentieth century. Initially, it was associated primarily with the socio-philosophical dimensions of human intellectual activity; later, it became firmly established within the field of linguistics. The close integration of discourse into the conceptual frameworks of philosophy, sociology, linguistics, and literary studies led to the formation of a cluster of related terminological units, eventually constituting the terminological microfield “*Diskurs*.” Interest in “*Diskurs*” as both a lexical item and a technical term has fluctuated over time. It reached a peak in the 17th and 18th centuries, followed by a period of decline that extended from the early 19th century to the first half of the twentieth century, before experiencing renewed scholarly attention in the latter half of the 20th century.

Key words: discourse; typology of discourse; historical and linguistic analysis; semantic structure of a word; semantic analysis; lexicography; dictionary.

Citation: Ivanov, Andrey V. (2025) “Discourse” as a Concept, Word, and Term in German Language and Culture (A Historical-Linguistic Perspective). *LUNN Bulletin*, 4 (72), 9–31. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-9-31.

Mephistopheles:
Nein, ein Discours wie dieser da,
Ist g'rade der, den ich am liebsten führe!
Faust (Goethe 1808: 151)

1. Введение: цель и методы исследования, характеристика языкового материала

Объектом изучения в статье выступает слово *Diskurs*, которое входит как в общий словарный фонд немецкого языка, так и в терминологические системы немецкой лингвистики и — шире — филологии. В последнем случае *Diskurs* приобретает статус термина и должен соответствовать требованиям, которые предъявляются к терминологическим единицам. Предметом исследования является семантическая структура данного слова.

Слово *Diskurs* известно уже с начала XVI в. На протяжении более 500 лет семантическая структура слова постоянно расширялась, включая ряд ассоциированных, но различных значений, объединенных одним общим признаком: соотносительностью с устным или письменным речевым высказыванием. В середине XX в. в семантике слова появилось терминологическое значение, связываемое поначалу с социально-философским аспектом интеллектуальной деятельности человека и немного позже — с языковой сферой. Тесная связь дискурса с понятийным аппаратом лингвистики и литературоведения обусловила возникновение целого кластера терминологических единиц, так или иначе имеющих отношение к дискурсу, и сделала актуальной проблему типологизации дискурса, которая до сих пор не решена.

Цель исследования состоит в попытке проследить развитие семантики слова *Diskurs* в направлении от совокупности его общеязыковых значений к специализированному (терминологическому) значению, отражающим в целом постепенное эволюционирование во времени представлений о дискурсе как о речевом произведении или совокупности таких произведений, которые фактически реализуются носителем языка на основе его языковой компетенции в письменной или в устной форме, а также выявить способы репрезентации этих представлений лексикографическими средствами. В ходе исследования используются методы историко-лингвистического, сравнительно-сопоставительного, дефиниционного и семантического анализа.

В поисках контекстов, содержащих слово *Diskurs*, было обследовано около двухсот текстовых и лексикографических источников на немецком языке, включающих беллетристические произведения, научные трактаты, одноязычные, двуязычные и многоязычные словари и глоссарии, этимологические словари. Обследованные источники охватывают период с 1518 г., когда был опубликован трактат Лоренца Фриза *Spiegel der Artzney*, по настоящее время.

2. Результаты исследования и их обсуждение

2.1. Описание и толкование слова *Diskurs* в текстовых источниках

Впервые слово *Diskurs* в форме «discurs» обнаруживается в начале XVI в. в медицинском трактате Лоренца Фриза (Lorenz Fries) *Spiegel der Arztny* в значении ‘Darlegung, Erörterung’: «So den menschen endrent vß dē gesatzten worten des ersten büchs / in welchē du ein langē discurs diser ding gesehen hast» (Fries 1518: 79 об.).

Первое словоупотребление, относящееся к XVII в., датировано 1607 г. и встречается в *Kriegsbuch, darin die Alte und Neue Militaria eigentlich beschrieben* Вильгельма Дилиха. Автор использовал слово *Diskurs* в форме мн. ч. «discursen» в значении ‘Abhandlung’ применительно к работам античных авторов, писавших о военном искусстве: «Demnach ich aber auß ernēter authorum discursen, so wohl auch oberzelter Griechischer und Lateinischer scribenten hinderlahssenen büchern erlernet unnd gesehen / daß sich die alte und neue Militia in vielen dingen vergleicht / und dero altē löbliche anordnungen anheut nützlich können imitiret werden...» (Dilich 1607: 5).

В 1610 г. в религиозном сочинении Иоганна Арндта *Vom wahren Christenthumb* слово *Diskurs* встречается в значении ‘Unterredung’ применительно к стилю или способу общения между Создателем и созданием: «Also ist auch sein verstandt [vnwandelbar u. vnbeweglich]: Derselbe darff nit von einer Creatur zur andern lauffen / vnd einen discurs halten / wie wir Menschen in vnserm verstande» (Arndt 1610: 211). В том же значении оно используется Эгидиусом Альбертинусом в плутовском романе *Der Landtstörtzer: Gusman von Alfarche oder Picaro genannt*: «Discurs von der wahren Weißheit vnnd von der weltlichen Fursichtigkeit / deßgleichen von jhrer Thorheit» (Albertinus 1615: 277). Анализ контекстов, взятых из этого романа, позволяет выявить еще одно значение слова — ‘Worte, Rede’: «AVff disen meinen discurs’ gab der Herr Graf kein andere antwort» (Ibid: 170).

Более узкое понимание дискурса как наставления или беседы применительно к политической сфере демонстрирует Георг Обреخت, рассказывая о секретах в политике: «Discurs / Von Verbesserung Land vnd Leut / Anrichtung guter Policey / vnd furnemblich von nutzlicher Erledigung grosser Außgaben / vnnd billicher Vermehrung eines jeden Regenten vnd Oberherren Jährlichen Gefällen vnd Einkommen» (Obrecht 1617: 8).

Обреخت не единственный из авторов того времени, кто использует слово *Diskurs*, сопровождая его эпитетом *politisch*. В этой связке *Diskurs* упоминается в трактате Сигизмунда Фрейбергера *Germania Pertubata et Restaurata*: «Ich verstund verwichener Zeit einen Politischen Discurs / der diese gegenwärtige Zeiten gegen der Verflrossenen hielte» (Freyberger 1650: 167). Данный контекст интересен тем, что в нем встречается новый орфографический вариант написания слова — «Discursß».

Помимо рассуждений на политические темы *Diskurs* возникает в контексте философских речей и бесед («Was ich allhier in diesem Philosophischen Discurs engezogen / hatte ich wol können verbleiben lassen» [Glauber 1658: 84]), а также бесед

о климате («aber einen Moren trägt sie gern / bis ins hundertste Jahr / und drüber: wie vor diesem / bey unserem climatischem Discurse / gedacht worden» [Erasmus 1676: 455]).

Еще одно значение слова *Diskurs* в дополнение к упомянутым выше обнаруживается в работе Иоганна Дангауэра *Catechismus Milch*, опубликованной в 1653 г. в Страсбурге: «Vnd wer kan außsprechen die miracula der menschlichen discurs, der wundersamen memoria vnnnd Gedächtniß / wie behend ist ein subtiler / sinnreicher vnd lauffiger Kopff / wie scharff kan er auß geringen Fußstapffen die Natur / Vrsachen vnd Geheimnissen eines Dinges durchspræen vnd spüren» (Dannhauer 1653: 351). Здесь под дискурсом понимается человеческая речь, физическая способность человека к общению и выражению мыслей с помощью языка, которую автор называет чудом.

В 1696 г. Маттиас Кремер в работе *Kunst-Probe einer recht-gründlichen bis-hero ermanglenden Frantzösischen Grammatica* употребил слово *Diskurs* в значении ‘Geschichte, Erzählung’: «ich will euch beylauffig seinen Discours erzehlen» (Kraemer 1696: 553). Приведенная цитата содержит еще один орфографический вариант написания слова, теперь уже на французский манер, через диграф *ou*.

Различные стороны и качества дискурса, прежде всего, в самом широком значении ‘Gespräch, Unterredung’ во множестве раскрываются в целом ряде произведений, увидевших свет в XVII в. Дискурс может быть частным, веселым, доверительным, прекрасным, глубокомысленным, застольным и др.: «geselleten sie sich zu jhme / liessen sich in allerley freundliche discurs mit jhm eyn» (Calvi 1627: 62); «Vnnnd Bodinus in seinem schönen Discurs sagt also» (Kentz 1629: 162); «Diesen deß Authoris lustigen discurs, laß ich passiren» (Schwenter 1636: 436); «So hab ich auch in privat discursen eben dergleichen / von eyfferigen vngehaltenen Leuten gehöret» (Spee: 1647: 42); «führete Er allerhand lustige vnd sinnreiche discourse, daß wir vns / weil es in Rußland frembd / ußer jhn verwundern musten» (Olearius 1647: 207); «Diß war all unser Discurs ußer Tisch / und ich stellte mich / als ob ich kein Frantzösisch Wort verstünde» (Grimmelshausen 1669: 406).

Приведенные выше цитаты не исчерпывают всего многообразия встретившихся примеров, в которых в том или ином контексте употребляется интересующее нас слово. Чтобы составить некоторое представление о коллокационных возможностях слова *Diskurs* в XVII в., обратимся к списку словосочетаний, отобранных методом сплошной выборки с разбивкой по годам.

В сочетаниях с прилагательными и причастиями, определяющими *Diskurs* в значениях ‘Unterredung, Gespräch, Rede, Worte, Vortrag’, последний может быть охарактеризован с различных позиций. Анализ отобранных примеров в областях, где так или иначе предполагается или возможна дискурсивная составляющая, выраженная в любой форме, позволяет в первом приближении классифицировать семантическую сферу слова *Diskurs* с учетом следующих параметров.

1. Длительность (*abgekürtzt, kurtz, kurtzweilig, lang, continuirlich, außgedähnt*).

2. Область человеческой деятельности (*mathematisch, geographisch, medicinalisch, climatisch, philosophisch, evangelisch, theologisch*).
3. Национальная принадлежность (*teutsch*).
4. Внутренняя структура (*an etw. gekettet, ordentlich, nachtheilig, übelgereimt, ungereimbt, erbaulich, wolgefast, wolaußgearbeitet, wohlgeordnet*).
5. Смысловая целостность (*sinnreich, wolgegründt*).
6. Объективность (*vnwarhafft, vernünfftig*).
7. Форма выражения (*mündlich*).
8. Субъективное восприятие (*alber, bäst, seltzsam, hochtrabend, klug, angenehm, närsch, schulfüchsisch, unnöthig, vnnütz, verdrießlich*).

Примеры: *angefangener (kurtzweiliger, langer) discurs* (1636); *geographischer (medicinalischer, teutscher) discurs* (1639); *etlicher (freundlicher harter, hochverständiger, nachdencklicher, schmählichster, sinnreicher, vertraulicher, vnbedachter) Discours* (1647); *zierlicher discurs* (1648); *enger (gerichteter, lautereyteler, vngleicher, vnwarhaffter, vorgesetzter) Discursß (Discurs)* (1652); *geringer (hochverständiger, menschlicher, nachtheiliger) Discursß (Discurs)* (1653); *anmüthiger (vnverfänglicher) Discurs* (1656); *ärgerlicher (außgedähnter, unnöthiger, vnnützer) Discurs* (1657); *kotiger (verwirrlicher) Discurs* (1659); *angenehmer (außfürlicher, durchgehender, evangelischer, herfliessender, hergeflossener, höflicher, melancolischer, närscher, practicierter, schöner, schulfüchsischer, tröstlicher, vornehmer, weiltläufftiger, wolgefaster, wolgegründter) Discursß (Discurs)* (1663); *gesämbtlicher Discurs* (1668); *seltzsamer (variabler) Discurs* (1669); *außgezierter (Christlicher, erlesenster, wolaußgearbeiteter) Discurs* (1673); *an etw. geketteter (ausführlicher, climatischer, einfältiger, eingetreter, erbaulicher, ersreulicher, (unlängst) gepflogener, geregter, geschlossener, geschwinder, gehemmeter, lebendiger, mathematischer, nachfolgender, ordentlicher, privat(er), sinnreicher, vernünfftiger, vorangezogener, vorfallender) Discurs* (1676); *bäster (liebvoller) discurs* (1680); *abgekürtzter (curioser, theologischer, vernünfftiger, etlicher, gehaltener) Discurs* (1682); *kurtzer (rechter) Discurs* (1688); *geistlicher (vnderschiedlicher) Discurs* (1689); *erbaulicher (gelehrter, geschickter, großmüthiger, langer, lieblicher, schöner, verdrießlicher, virtueuser, wählender, weiltläufftiger) Discurs* (1690); *absonderlicher (continuirlicher, mündlicher, wohlgeordneter) Discurs* (1691); *freundlicher (unnützer, unnützlicher, unzüchtiger, vollbrachter) Discurs* (1692); *angenehmer (kluger) discours (Discurs)* (1693); *vnterschiedlicher Discurs* (1695); *alberer (gespannter, langer, liebkosender, ordinaier, schicklicher, übelgereimter) Discours (Discurs)* (1696); *curieuser (freyer, hochgelehrter, hochwichtiger, krafftloßer, moralischer, mühsamer, nutzloßer, philosophischer, possierlicher, scharffsinniger, sinnreicher, theologischer, wichtiger, wolgefaster) Discurs (Discours)* (1698); *angefangener (ärgerlicher, beylsamer, oberwehnter, erfreulicher, ergötzlicher, hochtrabender, schädlicher, spitzfindiger, übel anstehender, ungereimpter, weltlicher) Discurs* (1699);

bescheidener (Christlicher, dencklicher, eyteler, frembder, gedachter, geistlicher, kluger, lesenswürdiger, privater, theologischer, unzüchtiger, vorgegangener, weltlicher) discurs (discours) (1700).

В сочетаниях с глагольными формам *Diskurs* также демонстрирует свою многозначность. С учетом классификации глаголов по их значению приведенные ниже словосочетания могут быть в целом сгруппированы по следующим признакам (что не исключает более дробной классификации как в этом случае, так и применительно к сочетаниям, в состав которых входят прилагательные и причастия).

1. Начало, ведение и окончание речевого действия (*den Discurs anfangen, den discurs anstellen, den discurs erbawen, dem Discurs ein Ende machen, den Discurs zu ende beybringen, den Discurs anbringen*).

2. Степень вовлеченности в речевое действие (*sich mit j-m in einen Discurs vertiefen, in den Discurs verfallen*).

3. Способ вовлечения в речевое действие (*j-n in den Discurs ziehen, auf (in) einen Discurs gerathen*).

4. Формирование качественных признаков речевого действия (*den Discurs mit etw. zieren*).

5. Форма или способ фиксации речевого действия (*den discours (in die Feder) dictieren, den discours schreiben*).

Примеры: *etw. auß dem discurs erlernen (1607); den discurs anstellen (auff die Bahn bringen, außlassen) (1636); den Discurs vernoen (1643); sich mit dem Discurs gnügen lassen (1649); den Discurs erläutern, etw./j-n in den Discurs ziehen (1650); etw. im Discurs vermelden (1652); den discurs erbawen (1656); dem Discurs ein Ende machen, den Discurs zu ende beybringen (1658); den Discurs erläutern (mit etw. zieren, stellen, verrichten), etw. auß dem Discurs (er)lernen, sich mit dem Discurs gnügen lassen, den discours (in die Feder) dictieren (1659); den Discurs anbringen (anhören, auflegen, drucken, durchlesen, einführen, formieren, lesen, refutiren, schreiben, tractieren, verrathen); der discurs bringt auff den Gedancken (kommt zu Ohren) (1663); den Discurs anfangen (1666); den Discurs zum Ende bringen (1668); den Discurs auff etw. verwenden (auffhalten, vollführen) (1669); auf (in) einen Discurs gerathen, den Discurs formiren (fortsetzen, heraußgeben verstören anhängen), der Discurs geht herumb, der Discurs hatte seinen Fortgang, j-m in den Discurs fallen, sich mit j-m in einen Discurs vertiefen (1673); den discours richten (fortstrecken, in etw. hemmen, lesen, schliessen (beschleussen), vernehmen), der Discurs hengt sich ein, etw. im Discurs erleuchten (melden, berühren, reden), in Discurs geraten, j-n zum Discurs veranlassen (1676); den Discurs einmengen (formiren) (1680); auff den Discurs kommen, den Discurs einrichten, mit j-m einen Discurs machen (1682); den Discurs continuiren, in Discurs gelangen, mit j-m in Discurs begreifen (1683); den Discurs fortsetzen (1688); den Discurs abhandeln (anfangen, anführen, anhören, beschliessen, debattiren, endigen, formiren, haben, halten, unterhalten, vofallen, vollenden, vorbringen), in den Discurs verfallen; sich im Diskurs vertieffen, sich in den Discurs heraußlassen, sich mit j-m in einen Discurs*

(*ein*)lassen (1690); *dem discurs zuhören, den discurs accommodiren (continuirem, destiniren, excipiren, hersagen, memoriren, nachschreiben, vortragen), in Discursen disputiren* (1691); *den discurs erhalten* (1692); *den Discours beweisen (hinterbringen, hören, vornehmen)* (1693); *der Discurs schmecket nach etw.* (1695); *den Discurs anbieten (erklären, erzählen, verstehen), der Discours dienet zu etw., der Discurs befremdet (beunruhiget, machet abwendig) j-n, etw. in Discursen ausprechen, j-n im Discurs entreteniren, zum Discurs kommen* (1696); *den Discurs außschlagen (umwenden)* (1698); *den Discurs einrichten (auff etw. bringen, fortsetzen, führen, verlängern), der Discurs mißfället* (1699); *den discurs hersetzen (anfangen, anstellen, erbauen, machen, unterbrechen, zulassen), der discurs lautet..., etw. im discurs tractiren (melden), mit j-m in discurs kommen, sich etw. im discurs heraus lassen* (1700).

В XVIII в. слово *Diskurs* сохраняет и расширяет упомянутый набор значений в своей семантической структуре, продолжая демонстрировать аналогичные сочетаемостные возможности. В *Theologische Bedencken* Филиппа Шпенера *Diskurs* выступает также в значении ‘Streit’: «daher wo auch nicht allemal die nöthige accuration in den davon führenden discursen angetroffen wird...» (Spener 1715: 462).

В этот период *Diskurs* в дополнение к уже известным его эпитетам характеризуется как *ernsthaftig* (1701), *gemein* (1702), *dunckel, critisch* (1703), *gesellschaftlich* (1708), *frey, curieus, fruchtreich, eyfrig* (1715), *nutzbahrlich, schertzhafft* (1719), *keusch, honnett, familiar* (1721), *unartig* (1728), *merkwürdig* (1729), *fruchtlos, düster* (1731), *admirabel, abstract* (1733), *hüpsch* (1736), *unvorsichtig* (1738), *garstig, unrein* (1740), *geistreich* (1741), *zeitvertreibend* (1743), *öconomisch* (1753), *prosaisch, akademisch* (1767) и др.

К описанным выше глагольным словосочетаниям добавляются такие, как *vom Discurs profitiren* (1727), *mit Discursen entreteniren, mit Discursen unterhalten (zu Wege bringen)* (1728), *Discourse aufnotiren* (1737), *den Diskurs aufwecken* (1743), *den Discurs abbrechen* (1767), *den Discurs unterbrechen* (1774), *vom Diskurse abkommen* (1776) и др. Анализ отобранных примеров показывает растущее влияние французского языка на немецкий.

Заметим, что бóльшая часть исследованных контекстов взята из беллетристики. Этот жанр не предполагает пояснений к значениям слов. Тем интереснее и неожиданнее оказывается единственное толкование слова *Diskurs*, встретившееся в *Philosophische Oratorie* Иоганна Фабрициуса: «Discourse sind unterredungen, da einer mit andern seine gedancken conferiret entweder nothige geschäfte und nützliche sachen auszumachen, oder die zeit zu verkurtzen, dabey bißweilen complimente mit einfließen können. b) Briefe sind endlich wann man seine complimente, und was man in discourse etwas sagen konte, zu papier bringet, und dem andern, weil er abwesend ist, communiciret» (Fabricius 1724: 410). В приведенной цитате Фабрициус описывает две формы коммуникации — устную и письменную. Дискурс, понимаемый как устный разговор или беседа, предполагает, с одной стороны, обмен

мнениями о важных и полезных вещах, а с другой — светское общение, имеющее целью приятно провести время к обоюдному удовольствию собеседников. Письменная форма коммуникации — это собственно письма, посредством которых можно общаться на расстоянии с отсутствующим собеседником.

В начале XIX в. не прямое толкование слову *Diskurs* можно обнаружить у Гёте в его *Zur Farbenlehre*, где автор сопоставляет *Diskurs* в его письменной форме слову *Vortrag*: «Betrachtet man es aber als einen Diskurs, als einen Vortrag, so ist es, besonders Stellenweise, angenehm und unterhaltend, und weil es uns mit Klarheit und Genauigkeit in frühere Zeiten zurückführt, auf manche Weise belehrend» (Goethe 1810: 265).

В XIX в. слово *Diskurs* сохраняет свою семантическую структуру, обогащаясь новыми эпитетами, значительная часть которых связана с конкретными областями и видами человеческой деятельности: *miserable* (1816), *galant* (1826), *enthusiastisch* (1832), *ästhetisch* (1834), *medizinalisch* (1843), *militärisch* (1855), *historisch* (1872) и даже *revolutionär* (1899). Последнее определение обнаруживается у Теодора Фонтане в его романе *Der Stechlin*: «Und nun erlauben Sie mir, nach diesem unserm revolutionären Diskurse, zu den Hütten friedlicher Menschen zurückzukehren» (Fontane 1899: 359).

В 1-й пол. XX в. *Diskurs* встречается в следующих значениях.

1. ‘Streit, Geschimpf’: «Und als die zwanzig Burschen... den jungen Waldhofer sahen, verstummtten sie plötzlich in ihrem schreienden Diskurs» (Ganghofer 1917 (1900): 142).

2. ‘Gespräch’: «Es wird bei derartigen Besuchen oft ein Diskurs vom Hauswesen, von Welt und Politik angefangen» (Reile 1939 (1903): 46).

3. ‘Rede’ (в противопоставлении языку): «Die drei Dimensionen oder Ordinateen dürften also doch dem Raume selbst nicht zugehören, sondern nur der Sprache, dem Diskurs, dem diskursiven Denken, das gelernt hat, mit diesem Minimum von Richtungen zur Ortsbestimmung im Raume auszukommen» (Mauthner 2000 (1910): 26840).

4. ‘Erörterung, Überlegung’: «Schnitzlersche Diskurse über Phantasmagorie des Theaters und erotische Illusion umrahmen ein nachgeahmtes Goethe-Fragment...» (Die Fackel 1924).

В философской литературе 2-й пол. XX в. обнаруживаются интересные рассуждения, раскрывающие ту или иную сторону дискурса. К примеру, Юрген Хабермас, рассматривая дискурс в коммуникативной плоскости, считает его формой аргументации (Habermas 1981, I: 44), базовым понятием коммуникативной этики (Ibid, II: 147). Никлас Луман понимает его как обмен мнениями в устной форме (Luhmann 1984: 224).

О лингвистической трактовке понятия и термина *Diskurs*, которая сформировалась примерно в это же время, речь пойдет в следующем разделе статьи.

Эпитеты, которыми в XX в. сопровождается слово *Diskurs*, в основном касаются какой-либо профессиональной или специальной области человеческой деятельности и свидетельствуют об универсализации этого понятия в немецкоязычном пространстве: *politisch* (1932), *diplomatisch* (1937), *wissenschaftlich, rational* (1972), *theoretisch* (1973), *explikativ, universell, philosophisch, geisteswissenschaftlich, (inner)literarisch, Meta-, literaturtheoretisch* (1981), *öffentlich* (1987), *historisch-politisch, gesellschaftlich, akademisch* (1991), *tagespolitisch* (1993), *intellektuell, künstlerisch, ostdeutsch, marktwirtschaftsdemokratisch, biologisch* (1999). Если в 1-й пол. XX в. *Diskurs* ассоциировался с военно-политической и дипломатической сферами, что вполне объяснимо с учетом происходивших тогда в Европе событий, то в послевоенное время очевидна тенденция к смещению интересующего нас словоупотребления в плоскость научную, духовную и художественно-философскую. *Diskurs* стал достоянием интеллектуалов. Его политическая составляющая отошла на второй план и в основном отражает специфику внутринемецких политических проблем, связанных, с одной стороны, с объединением Германии, необходимостью экономического подъема восточной части страны, а с другой — с малоудачными попытками привести к единому знаменателю менталитет западных и восточных немцев.

2.2. Лексикографический аспект описания слова и термина *Diskurs*

Описание лексемы *Diskurs* в лексикографическом аспекте целесообразно начать с информации, которую предоставляют немецкие этимологические словари. Герман Пауль с неявной отсылкой к словарю *Deutsches Wörterbuch* братьев Гримм приводит два значения этой лексемы: 1) (*gelehrte Darlegung*), *Erörterung*; 2) *Gespräch, Unterhaltung*. В отношении первого упоминается имя Лоренца Фриза (см. выше). Относительно второго значения, которое приписывается исследуемой лексеме, Пауль замечает, что оно сохранялось вплоть до XIX в. наряду с французским написанием этого слова (т. е. через диграф *ou*). Около 1970 г. лексема обзаводится специализированным значением, в рамках которого *Diskurs* выступает прежде всего как объект лингвистического анализа. Наряду с этим восстанавливается и становится весьма частотным одно из первых значений — ‘*Gespräch, Unterhaltung, Unterredung, Besprechung*’, например: «*im internationalen Diskurs*» (Paul 2002: 225).

Фридрих Клюге в целом разделяет подход Пауля к трактовке значения этой лексемы в историко-этимологическом аспекте (‘*Abhandlung, Unterhaltung, Erklärung*’), считая ее появление в немецком словарном фонде в начале XVI в. результатом прямого заимствования из латыни (Kluge 2011: 205).

Вольфганг Пфайфер уточняет путь заимствования этой лексемы в немецкий словарный фонд, полагая, что слово попало туда не напрямую из латыни, а через посредство французского языка (EWD 2014: 230). Такое предположение представляется более правдоподобным с учетом влияния французского языка на немецкий язык того времени, прежде всего в части лексических заимствований.

Перейдем к описанию результатов обследования словарей, в которых немецкий язык, начиная с XVI в., выступает либо в качестве объекта описания, либо как язык перевода (в переводных двуязычных и многоязычных словарях).

Лексема *Diskurs* стала объектом опосредованного лексикографического описания еще в 1-й пол. XVI в. В этот период в латинско-немецких словарях фиксируется лексема *discursus*, не имеющая своего онемеченного эквивалента и соотносящаяся с глаголом *discurro* (*hin vnnnd wider lauffen, vmbhin lauffen*). В *Dictionarivm_Latinogermanicvm* Фризия *discursus* выступает в значении ‘*gelouff*’ (Frisius 1541: 285). В том же значении эта лексема встречается в 1625 г. в *Dictionarium septem linguarum* (Calepinus 1625: 116 об.) и в 1640 г. в словаре *Dictionarium Latino-Germano-Gallico-Italicum* в значении ‘*ein vnordentlich Gelauff*’ (Hulsius 1640: 100). Это значение (‘*das Hin- und Herlaufen, das Umherlaufen, das Auseinanderlaufen, das Geläuf*’) встречается в словарях вплоть до начала XIX в.

Следует заметить, что лексема *discursus* в ряде случаев сопровождается отсылкой к лексеме *Disputation*, которая толкуется как ‘*Gesprech oder besprachung von widerwertiger meynung*’ (Roth 1571), ‘*ein erleuterung / oder erkläring mit Worten*’ (Henisch 1616: 715), ‘*Gespräch / oder besprechung von widerwertiger meinung*’ (Heupold 1620: 142). Это позволяет сделать вывод, что *discursus* имеет еще одно значение, которое не было отражено в словарях XVI в. Такое допущение представляется вполне логичным, если учесть, что латинское слово *discursus* с учетом одного из периферийных его значений в семантической структуре понимается как ‘беседа, разговор’ (Дворецкий 2002: 257). Только в 1665 г. в *Thesaurus germanicae latinae hispanica* встречается словарная статья с латинской леммой *discours*, где приводится ее немецкий эквивалент *vnderredung* (Sumaran 1665: 22).

Впервые *Discurs* как прямое заимствование мужского рода из латыни в немецкий язык в упомянутом выше значении обнаруживается в *Das neue Dictionarium oder Wort-Buch in Teutsch-Italiänischer Sprach* Маттиаса Кремера в 1678 г.: «*Diskurs / m. Unterredung / f. Discorso. V. Gespräch. mit einem in Discurs kommen / entrar in parlamento con uno*» (Kraemer 1678: 342). Ссылку на этот источник первым предложил Фридрих Вейганд в *Deutsches Wörterbuch*: «† *discurieren = hin- und herreden. der Discúrs, Gen. Discúrses, Pl. Discúrse: Unterredung, 1678 „Discurs“ (Kramer)*» (Weigand 1878: 373). Предложил и сразу стал объектом критики со стороны рецензентов. В 1878 г. Альберт Гомберт в пространной рецензии на словарь Вейганда относительно лексемы *Discurs* заметил: «*discurs findet Weigand 1678 bei Kramer; doch muss es schon im anfang des 17 jhs. ganz gewöhnlich gewesen sein*» (Gombert 1878: 171). В подтверждение своих слов Гомберт ссылается на немецкий перевод одного из первых плутовских романов — *Der Landstörzer Gusman von Alfarache oder Picaro*, принадлежащего перу Матео Алемана. Перевод в 1615 г. сделал Эгидиус Альбертинус (Aegidius Albertinus), воспитанник иезуитов, немецкий писатель, живший при мюнхенском дворе. В немецком тексте романа встречается интересующее нас слово.

В 1669 г. выходит в свет роман *Der abenteuerliche Simplicissimus*, в котором слово *Discurs* встречается несколько раз в значении ‘Gespräch, Unterredung’. Гомберт упоминает в рецензии на словарь Вейганда и этот источник. Ср.: «Diß war unser Discurs, unter welchem mich der Einsiedel oft mit den allertiefsten Seufzen anschauete» (Goedeke, Tittmann 1874: 23).

Возвращаясь к практике лексикографической фиксации лексемы *Discurs*, скажем, что в 1693 г. Кремер опубликовал *Neu ausgefertigtes Italiänisch-Teutsches Sprach- und Wörterbuch*, в котором словарная статья, посвященная лексеме *discorso* («† Discorso, discorsi, Plural. Discurs / Gespräch / Unterredungen») (Kraemer 1693: 365), включала большое количество итальянских словосочетаний и их переводов на немецкий язык. Приведем в качестве примера только те из них, в которых встречается немецкая лексема *Discurs*, и опустим примеры, в которых слово *discorso* переводится иначе (Rede, Reden Pl., Gespräch, Unterredung): «entrar’ in discorso, in Discurs kommen. <...> far’ un discorso, einen Discurs thun. <...> giache fiamo su quefto discorso, weil wir eben auf diesem Discurs seynd. <...> finir’ il discorso, den Discurs oder Gespräch enden. <...> scriver, componer discorsi, Discursen / id est, Predigten und dergleichen componiren / schreiben. <...> discorso politico, Teologico &c. ein politisches / Theologisches Gespräch oder Discurs» (Ibid.).

В 1796 г. Иоганн Эберс включил в свой словарь *The new and complete dictionary of the German and English languages* искомую лексему: «Discurs, der, Gespräch, Unterredung, a Discourse» (Ebers 1796, I: 600). Это последний зафиксированный нами случай лексикографической фиксации данной лексемы в XVIII в.

В XIX в. отмечены несколько включений лексемы *Discurs* в немецкие словари. Так, в 1816 г. Иоганн Фолльбединг в *Gemeinnützlichtes Wörterbuch* так поясняет значение этого слова: «Discurs: Gespräch, Rede, Vortrag, — Gedanken» (Vollbeding 1816: 164). Как видим, семантическая структура лексемы обогащается еще одним значением — ‘Vortrag’.

В 1830 г. Евхарий Эртель, как показывает исследование, впервые в словарной практике отразил в большей степени, по сравнению с другими орфографическими вариантами, онемеченный облик исследуемой лексемы с написанием через *k*: «Diskurs, discursus, a) Gespräch, Unterredung, b) Rede, Vorlesung» (Oertel 1830, I: 248) (ср.: «weltlichen Discursen, Comoedien besuchen» [Arnold 1700: 653]). При этом зафиксированное выше Фолльбедингом значение ‘Vortrag’ трансформировалось в ‘Vorlesung’, однако не исчезло полностью, поскольку было использовано позднее Даниэлем Зандерсом в *Wörterbuch der deutschen Sprache*: «Diskúrs, m., -es, -e: Vortrag, Unterredung über Etwas» (Sanders 1860, I: 302).

В словаре *Praktisches Handwörterbuch des deutschen Sprachgebrauchs* Иоганна Вейха написание лексемы отразило графическую особенность, обусловленную очевидным влиянием французского языка (передачу долгого /u:/ посредством диграфа *ou*): «Discours (-kuhr) od. Discurs der, VII, Gespräch, Unterred.»

(Weyh 1843, I: 301). Поскольку звуковой облик заимствованного слова мог вызывать у немцев некоторую произносительную сложность, Вейх транскрибировал часть слова («-kuhr»). Кроме того, автор словаря зафиксировал два орфографических варианта лексемы (через *ou* и *u*), которые к моменту выхода в свет этого словаря демонстрировали известную частотность.

Во 2-й пол. XIX в., по данным исследования, благополучно сосуществовали варианты слова с написанием через *s* и через *k*. Подходящей иллюстрацией к такому положению дел может служить словарная статья в словаре Вильгельма Хоффмана *Vollständigstes Wörterbuch der deutschen Sprache*: «Discurs, -se, ein Gespräch; Goethe „nein, ein Discurs wie dieser da, Ist grade der, den ich am liebsten führe!“; JPaul „sie bauen demnach auf Ihren Diskurs und dessen Gewalt?“; v. Hippel „ein Discurs über das Gebet und Beten“» (Hoffmann 1853, I: 721). Автор словаря приводит случаи интересующего нас словоупотребления, включая в тело словарной статьи цитаты из Гёте и Жана Поля, в которых мы видим оба варианта написания слова.

К концу XIX в. написание через *k* постепенно вытесняет написание через *s*. Ср.: «Diskúrs (franz. Discours), Unterredung » (MKL 1886, IV: 1016).

Современная лексикография также не обходит вниманием лексику *Diskurs*. Анализируя словарные статьи, посвященные этой лексеме, целесообразно двояким образом классифицировать все интересующие нас случаи словоупотребления: лексема *Diskurs* как (1) объект лексикографического описания в толковых словарях общего языка и (2) специализированная языковая единица (термин) в словарях лингвистической терминологии.

1. *Diskurs* в словарях общего типа.

Словарь *Das große Wörterbuch der deutschen Sprache* фиксирует в семантической структуре лексемы *Diskurs* три значения, первые два из которых могут быть отнесены к разряду общеязыковых и не снабжены специальными пометами: «**1. methodisch aufgebaute Abhandlung über ein bestimmtes / wissenschaftliches Thema. 2. a) Gedankenaustausch, Unterhaltung:** ein lebhafter D.; einen D. mit jmdm haben, führen; **b) heftiger Wortstreit, Wortwechsel:** es gab einen heftigen D.; das letzte erregte Stück des -es auf der Brücke war nicht ungehört geblieben (Fallada, Herr 64); Sie ... gedachte der beiden Kaffeetassen, die erst neulich bei einem solchen D. zertrümmert worden waren (Fussenegger, Haus 172) (Duden 1977, II: 543). Очевидно, что эти два значения лексемы могут быть сопоставлены первоначальным ее значениям, выявляемым еще в 1665 г. (см. в: [Sumaran 1665: 22]) (= значение 2 в Duden) и в 1816 г. (см. в [Vollbeding 1816: 164]) (= значение 1 в Duden). При этом следует иметь в виду объективно запаздывающий характер фиксации того или иного значения слова лексикографическими средствами, поскольку словари в рамках реализации своей основной (дескриптивной) функции лишь устанавливают проверенные временем и неоднократно подтвержденные случаи функционирования

слова в каком-либо конкретном значении. Такая практика вполне подтверждается контекстами из текстовых источников, датированных еще началом XVII в.

Третье значение лексемы *Diskurs* в словаре *Das große Wörterbuch der deutschen Sprache* носит специализированный характер и имеет помету, связывающую ее с лингвистикой как наукой о языке: «3. (Sprachw.) *die von einem Sprachteilhaber auf der Basis seiner sprachlichen Kompetenz tatsächlich realisierten sprachlichen Äußerungen*» (Duden 1977, II: 543).

Словарная статья с леммой *Diskurs* включена также в опубликованный в ГДР *Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache* под ред. Рут Клаппенбах и Вольфганга Штейница: «**Diskurs**, der; -es, -e <griech.> veraltend *Gedankenaustausch, Unterhaltung; Erörterung*: ein kurzer, langer D.; einen behaglichen, gemütlichen, angeregten D. <mit jmdm.> haben, führen; Ich knüpfte allerlei galanten Diskurs mit ihr an EICHENDORFF 3, 50 (*Taugenichts*); einen lebhaften D. (an)hören; einen D. mit steigendem Interesse verfolgen; er ließ sich selten in große Diskurse ein; *Wortwechsel, Streit*; ein lauter, ernster, heftiger D.; Bis unter die Dorflinden schallte ... der hitzige Diskurs VIEBIG *Die vor d. Toren* 40» (WDG 1980, II: 827–828).

Оставляя за скобками вопрос, почему составители этого словаря относят *Diskurs* к словам, заимствованным из греческого языка, проанализируем предложенное ими толкование лексемы. Как видим, в этом словаре отсутствует первое и третье значения слова, зафиксированные в словаре *Duden*, а сама лексема считается устаревшей (*veraltend*). Причину «устарелости», как представляется, следует искать отчасти в научной, отчасти в общественно-политической плоскости, хотя речь в первом случае идет всего лишь о научном труде, структура и содержание которого выстраивается с учетом принятых для работ такого рода методических принципов, а во втором — о речевом произведении или совокупности таких произведений, фактически реализованных носителем языка на основе его языковой компетенции.

На 60–70-е гг. прошлого столетия пришелся расцвет общественно-научной и социально-философской деятельности ряда известных западноевропейских мыслителей, таких как Хабермас, Адорно, Поппер и др. В работах этих ученых слово *Diskurs* постепенно обретает черты научного термина и со временем заимствуется во многие сферы интеллектуальной деятельности. К примеру, Хабермас полагал дискурс формой коммуникации, что превращает последний в объект лингвистического интереса («Der Diskurs läßt sich als... erfahrungsfreie und handlungsentlastete Form der Kommunikation verstehen...» [Habermas 1973: 148]).

В социалистических странах идеи, выдвигаемые «буржуазной» наукой, часто воспринимались скептически и становились объектом идеологических нападок. Продвижение этих идей и обслуживающей их терминологии в Восточной Европе запаздывало или устаревало, даже не успевая стать объектом непредвзятого критического осмысления. Достаточно сказать, что переводы работ Хабермаса на русский язык появились и стали доступны широкому кругу читателей

только в начале 1990-х гг. В четвертом издании «Советского энциклопедического словаря» (1989) словарной статьи, посвященной дискурсу, нет. Для ГДР, которая следовала в фарватере советской политики, понятие «буржуазного» интеллектуального дискурса также могло оказаться идеологически чуждым и поэтому в то время не было каким-либо образом определено в словаре *Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache*. Впрочем, идеологически обусловленная научная коммуникация всегда была улицей с односторонним движением в том смысле, что каждый шел по ней своим путем.

Лингвистика и литературоведение в их советизированном изводе обычно выступали в онтологическом смысле как некие гуманитарные производные, опирающиеся на философско-идеологический базис большевистской концепции государственного строительства, и по этой причине также старались избегать «чужого» словоупотребления. Этим, возможно, объясняется отсутствие в словарной статье *Diskurs* у Клаппенбах и Штейница третьего значения лексемы, которое зафиксировано в словаре *Duden*.

2. *Diskurs* в словарях лингвистической терминологии.

В *Sprachwissenschaftliches Wörterbuch* Иоганна Knobloха под дискурсом понимается организованная в виде текста речь в ее письменной и устной формах («gesprochener oder geschriebener Text»), чистая форма языкового выражения («reine Form der Sprachäußerung») с отсылкой к теории стиля Вилли Зандерса, область реализации чистой языковой коммуникации, лишенной неистинности, неконкретности и эмоциональных коннотаций («der Ort wahrhafter, aufrichtiger, sachlicher, unemotionaler sprachlicher Kommunikation») (Knobloch 1977, 8: 640–641). В последнем случае коммуникация может стать объектом анализа с учетом ее прагматики, что позволяет выделить монологическую и диалогическую формы коммуникации, каждая из которых в тот или иной момент речи может рассматриваться как дискурсивное событие («Diskurs-Ereignis»).

Дискурсивное событие может реализовывать какую-либо цель, заключающуюся, к примеру, в повествовании, изображении («Darstellung») или инициации общения («Auslösung»). На этом основании возникают виды дискурса, обозначаемые в немецкой лингвистике терминами *designativer Diskurs* и *initiativer Diskurs*. С другой стороны, дискурс может пониматься только как языковое высказывание, в рамках которого коммуникативное действие не осложнено никакими коннотациями. В этом смысле исследователь имеет дело с метакоммуникативным дискурсом («der metakommunikative Diskurs»), отличительной особенностью которого является полная коммуникативная симметрия, определяемая только темой дискурса. Высказывания, которые могут быть эмпирически верифицированы, в рамках словообразовательной теории относят к фактическому дискурсу («der faktische Diskurs»). В русле поэтического дискурса могут быть выделены такие его разновидности, как дескриптивный или нарративный дискурс (*dicours descriptif oder discours narratif*). Можно долго рассуждать на тему типологизации

видов дискурса на различных основаниях с учетом канала передачи информации, типа информационного носителя, жанровых особенностей дискурса, характера субъекта, временного плана, национально-культурной принадлежности дискурса или какого-либо иного параметра, но это едва ли окажется продуктивным, поскольку единой точки зрения на типологию дискурса не существует. Относительной ценностью обладает здесь только одно терминологически релевантное обстоятельство: появление целого кластера терминов, в центре которого находится дискурс как понятие, различным образом определяемое в разных областях интеллектуальной деятельности.

Карл Хойпель в своем *Linguistisches Wörterbuch* трактует дискурс, согласно теории Хабермаса, как метаязыковую коммуникацию посредством высказываний, в основе которых лежат наивно выстраиваемые смысловые связи, в отличие от текста, в котором реализуется коммуникативное действие («Metasprachliche Verständigung über naive Äußerungen im Gegensatz zum kommunikativen Handlungstext») (Heupel 1978: 37).

Теодор Левандовски в *Linguistisches Wörterbuch* также опирается на теорию коммуникативного действия Хабермаса, который, по его мнению, различает коммуникативное действие и дискурс. В дискурсе посредством выстраиваемых смысловых связей метаязыковая коммуникация организуется вокруг того, что мы считаем понятным, обоснованным, разумным, иначе говоря, того, что не нуждается в эмпирической верификации. Ср.: «Im Diskurs erfolgt metakommunikative Verständigung über naiv vorausgesetzte Sinnzusammenhänge, darüber, was wir als verständlich, begründet, vernünftig betrachten» (Lewandowski 1990, I: 154).

В заключение рассмотрим точки зрения на дискурс, обозначенный соответствующим термином в *Metzler Lexikon Sprache* (MLS 2000: 162–163) и в *Lexikon der Sprachwissenschaft* Хадумод Бусман (Bußmann 2002: 171–172). Оба источника следует рассматривать в качестве специализированных лингвистических словарей энциклопедического типа.

Составители *Metzler Lexikon Sprache* (далее — *Metzler*), наряду с общеязыковой трактовкой термина («Ausdruck für eine (themat.) Erörterung oder allgemein eine Unterhaltung; bes. auf das wahrheitssuchende philosoph. Gespräch eingeschränkt»), обращаются к анализу семантики термина, получившего новое (прежде всего философское) содержание в 1960-х гг., которое расширилось в течение двух последующих десятилетий, благодаря чему термин обрел семантическую многозначность в такой мере, которая позволила ему вновь занять свою нишу в общеязыковом (неспециализированном) пространстве. Таким образом, история развития семантики термина *Diskurs* позволяет говорить о линейной последовательности процессов его терминологизации, ретерминологизации и детерминологизации. Заметим, что детерминологизация локализуется в общеязыковом пространстве, не мешая функционированию этой языковой единицы

внутри терминологических систем общественно-гуманитарных наук. Иначе говоря, языковая единица *Diskurs* существует и как термин, и как нетермин.

Metzler обращает внимание на то, что семантика немецкого термина оказалась многослойной, будучи смешанной («amalgamiert») с трактовкой термина в английской (*discourse*) и французской (*discours*) лингвистике. В первом случае понятие дискурса распространилось поначалу на сверхфразовые (сверхпредложенческие) единства («transsententiale (satzübergreifende) sprachl. Erscheinungen»), в широком смысле соотносимые с текстом как коммуникативной единицей, а в дальнейшем оказалось связанным практически с любой формой повседневной коммуникации. Семантика французского термина, которую также воспринял его немецкий эквивалент, более ориентирована на эпистемологический аспект его бытования и функционирования, определяя и выражая связи, существующие между языком и мышлением.

Исходя из сказанного, термин трактуется в *Metzler*, с одной стороны, в рамках теории коммуникативного действия Хабермаса, а с другой — с учетом положений теории прагматики, в рамках которой дискурс понимается как выражение, используемое для обозначения структурированных, в том числе и с учетом степени сложности, агрегаций речевых действий («Sprechhandlungen»). В коммуникативном смысле эти речевые действия преобразуются в более сложные коммуникативные единства. В основу структуризации последних положены цели коммуникативных действий, участвующих в создании таких форм. С учетом данного обстоятельства появляется возможность типологизировать виды дискурса, которая, как уже говорилось выше, до сих пор не реализована на практике. Следует для начала хотя бы попытаться разграничить понятия дискурса и текста.

Бусман рассматривает термин *Diskurs* прежде всего как родовое понятие или гипероним («Oberbegriff») по отношению к термину *Text*, номинирующему языковую единицу, которая, с одной стороны, понимается как связная речь («zusammenhängende Rede»), с другой — как результат процесса коммуникации в социокультурном контексте («interaktiver Prozess in soziokulturellem Kontext»), с третьей — как реализованный текст, или текст-высказывание («geäußerter Text»), в отличие от текста как формальной грамматической структуры, с четвертой — как взаимодействие в процессе общения («konversationelle Interaktion»), с пятой — как «процесс» в противоположность тексту как «продукту» речевой деятельности.

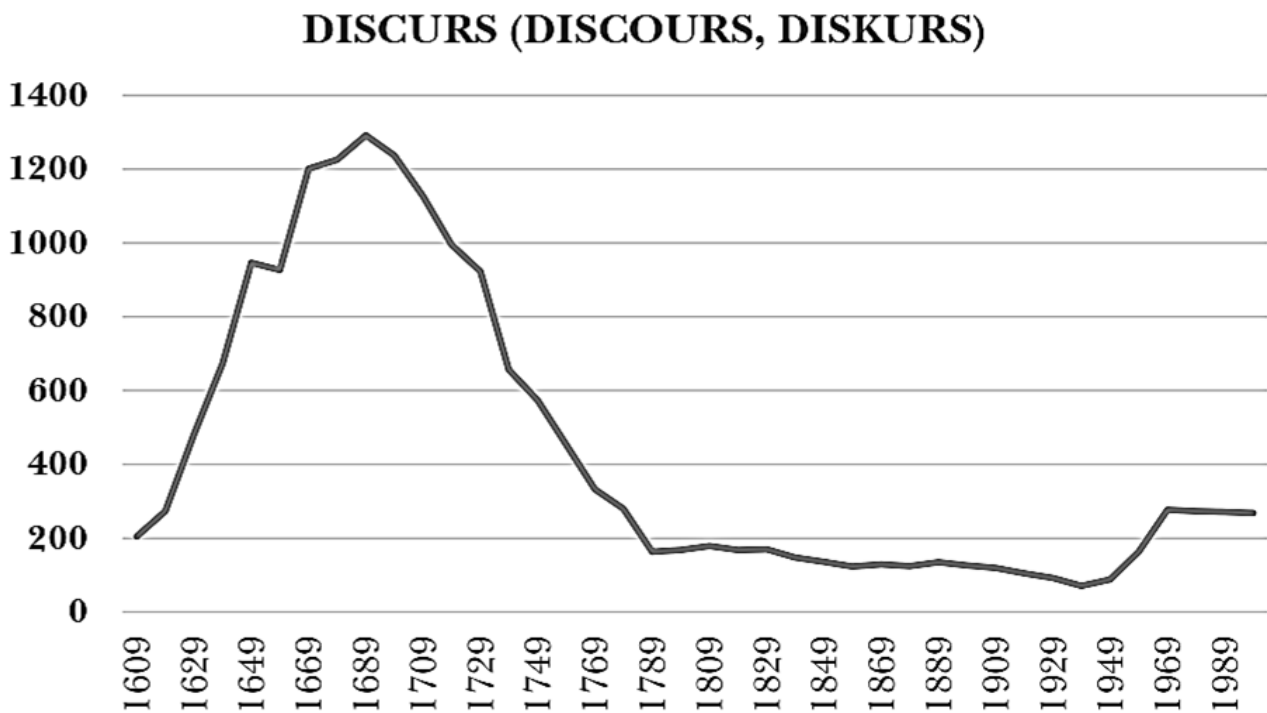
Второе значение термина *Diskurs* увязывается с философской концепцией Хабермаса, о которой уже говорилось выше.

Третье значение опирается на понятие интертекстуальности. В этом смысле *Diskurs* обозначает некоторое количество (корпус) содержательно связанных друг с другом текстов или высказываний, реализуемых не в рамках реальной речевой ситуации, а в виде интертекстуального диалога в некоем коммуникативном сооб-

ществе («ein intertextuelles Gespräch in einer Kommunikationsgemeinschaft»). Высказывания в их совокупности конституируют общую тему дискурса и связаны друг с другом тематической и понятийной общностью, общей ценностной позицией, цитатами и пр.

2.3. Параметры частотности слова *Diskurs*

Параметры частотности термина *Diskurs* с учетом всех его орфографических вариантов показаны на диаграмме 1 ниже. Источник этой диаграммы, а также тех, что даются ниже, — *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache* (DWDS: URL). Временные границы охватывают период с 1600 по 1999 г.; информацию, относящуюся к XVI в., DWDS не содержит.

Рис. 1. Диаграмма «Частотность употребления слова *Diskurs* с 1600 по 1999 г.»

Частотность интересующего нас словоупотребления, начиная с момента первой письменной фиксации в 1518 г., постепенно нарастает, достигает максимума в 1690 г., а затем плавно снижается в течение следующих ста лет. К 1790 г. количество словоупотреблений стабилизируется, сохраняясь примерно на одном и том же уровне вплоть до конца 1950-х гг. Самый низкий показатель частотности приходится на Вторую мировую войну. В начале 1960-х гг. фиксируется рост числа словоупотреблений, связанный с развитием социально-философских концепций в Западной Европе.

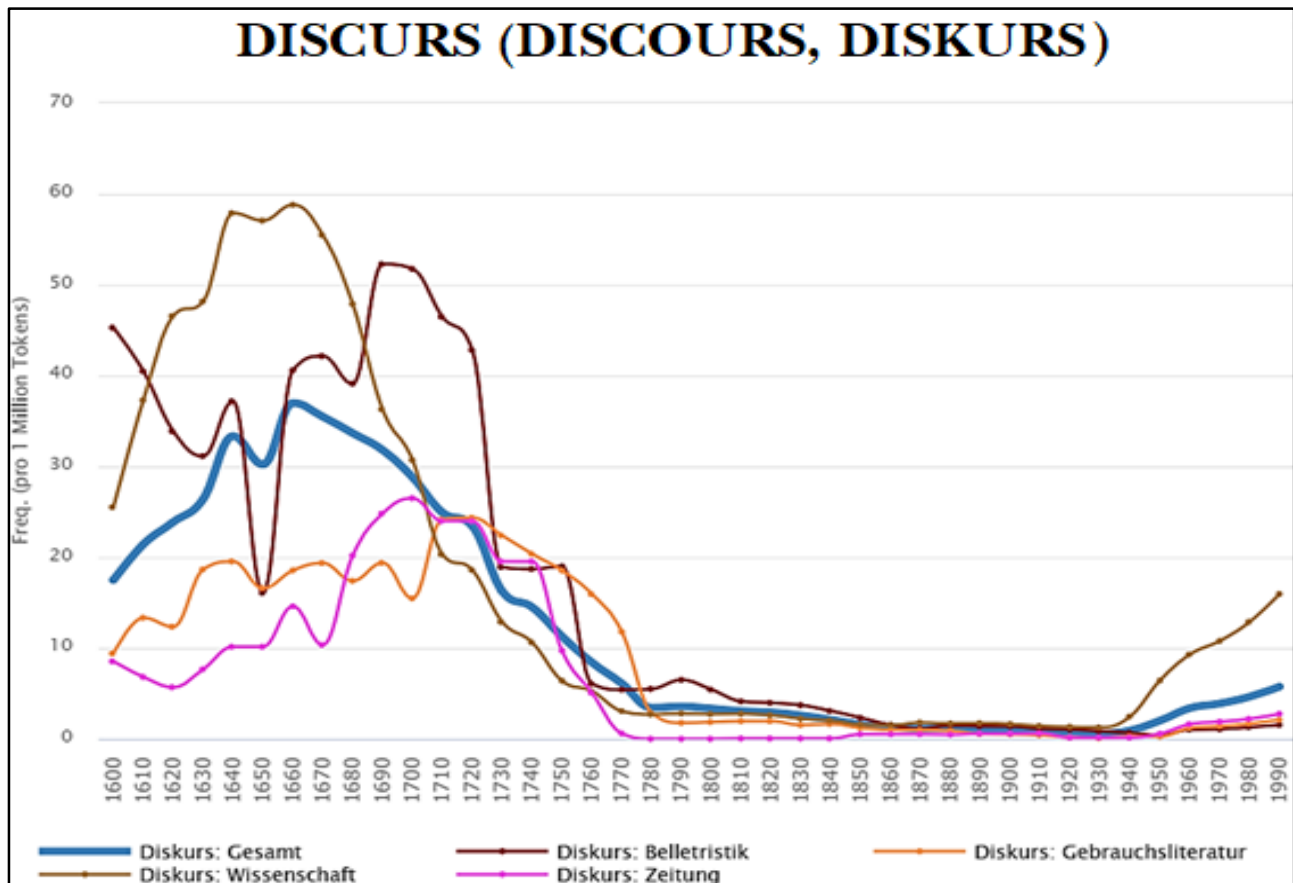

Рис. 2. Диаграмма «Частотность употребления слова *Diskurs* с 1600 по 1999 г. по параметру «Textklasse»»

Анализ частотности словоупотреблений по параметру «принадлежность к типу (классу) текста» показывает, что чаще всего с начала XVII в. слово *Diskurs* употребляется в научной литературе. Максимум словоупотреблений приходится на начало 2-й пол. XVII в., постепенно снижаясь в течение следующих ста лет. Вплоть до середины XX в. сохраняется умеренный интерес к термину, затем количество словоупотреблений вновь начинает увеличиваться.

Кривая, демонстрирующая частотность слова *Diskurs* в беллетристической литературе, свидетельствует о том, что в этом типе текстов в начале XVII в. количество словоупотреблений было выше, чем в текстах научного характера. Это можно объяснить тем, что слово употреблялось чаще в своем основном (нетерминологическом) значении 'Gespräch, Unterredung'. В 1610–1620 гг. частотность словоупотреблений в беллетристике и в научной литературе оказывается на одном уровне, к середине XVII в. интерес к слову *Diskurs* в литературе этого рода резко снижается, после чего достигает абсолютного максимума в конце века. С начала XVIII в. и до 30-х гг. XX в. кривая частности постепенно падает, отражая минимальный интерес к слову в период Второй мировой войны. С начала 50-х гг. XX в. количество словоупотреблений вновь начинает увеличиваться.

В газетно-журнальных публикациях частотность словоупотреблений остается относительно стабильной до середины XVIII в., а затем падает практически до нуля к концу века. В 1-й пол. XIX в. количество словоупотреблений незначительно растет вплоть до 30-х гг. XX в. Затем наблюдается некоторый спад и последующий рост числа случаев употребления слова в 50-х гг. XX в. и позднее.

3. Заключение

Впервые в немецком языковом пространстве слово *Diskurs* зафиксировано в 1518 г. в значении ‘Darlegung, Erörterung’. В XVII–XVIII вв. семантическая структура слова обзавелась новыми значениями (‘Abhandlung, Unterredung’, ‘Worte, Rede’, ‘menschliche Rede’, ‘Geschichte, Erzählung’, ‘Vortrag’, ‘Streit’). Этот набор значений в целом не претерпел серьезных изменений до начала XX в. и в настоящее время сводится к нескольким значениям, в совокупности отражающим неспециализированное определение понятия *Diskurs*, фиксируемое словарями общей лексики (‘Gedankenaustausch, Unterhaltung; Erörterung; Wortwechsel’).

Специализированная (прежде всего лингвистическая) трактовка понятия *Diskurs*, обозначенного соответствующим термином, возникла во 2-й пол. XX в. Под дискурсом лингвисты стали понимать речевое произведение или совокупность таких произведений, которые фактически реализуются носителем языка на основе его языковой компетенции как в письменной, так и в устной форме. Параллельно вхождению термина *Diskurs* в лингвистическую терминосистему переосмысливается понятие дискурса в философии, социологии, культурологии и литературоведении.

В этот период *Diskurs* постепенно становится центром терминологического кластера, объединяющего выделяемые на различных основаниях те или иные типы и виды дискурсивных событий, что позволяет говорить о формировании одноименного терминологического микрополя. При отсутствии единой точки зрения на типологию дискурса в настоящее время состав такого микрополя остается открытым.

Количество слово- и терминопотреблений *Diskurs* опосредовано историческими вехами развития страны, языка и культуры и колеблется в течение пяти веков, переживая подъем с середины XVII до середины XVIII в. и снижаясь до минимума в период с начала XIX в. и до начала 2-й пол. XX в.

Список литературы / References

- Albertinus, Aegidius. (1615) *Der Landtstörtzer: Gusman von Alfarche oder Picaro genannt*. Bd. 1. München: Nicolaum Henricum. (In German).
 Arndt, Johann. (1610) *Vom wahren Christenthumb*. Bd. 4. Magdeburg: Johan Francken. (In German).

- Arnold, Gottfried. (1700) *Unpartheyische Kirchen- und Ketzer-Historie*. Bd. 2. Frankfurt (Mayn): Thomas Fritsch. (In German).
- Calvi, François. (1627) *Beutelschneider, oder neue warhaffte vnd eigentliche Beschreibung der Diebs Historien*. Frankfurt (Main). (In German).
- Dannhauer, Johann Conrad. (1653) *Catechismus Milch*. Bd. 4. Straßburg: Friedrich Spoor. (In German).
- Die Fackel*. 1924. Nr. 649–656. Bd. 30. Schnitzlersche Diskurse über Phantasmagorie des Theaters und erotische Illusion umrahmen ein nachgeahmtes Goethe-Fragment mit den charakteristischen Versfolgen und Reimbindungen von 1796. (In German).
- Dilich, Wilhelm. (1607) *Kriegsbuch, darin die Alte und Neue Militaria eigentlich beschrieben*. Kassel, Bey Wilhelm Wessell. (In German).
- Erasmus. (1676) *Das eröffnete Lust-Haus Der Ober- und Nieder-Welt*. Nürnberg: Wolfgang Moritz Endter. (In German).
- Fabricius, Johann Andreas. (1724) *Philosophische Oratorie*. Leipzig: Bey denen Coernerischen Erben, in der Grimmischen Gasse. (In German).
- Fontane, Theodor. (1899) *Der Stechlin*. Berlin: W F. Fontane & Co. (In German).
- Freyberger, Sigismundus. (1650) *Germania Pertubata et Restaurata*. Bd. 1. Frankfurt (Main): Johann-Godtfrid Schoenwetter. (In German).
- Fries, Lorenz. (1518) *Spiegel der Arztny*. Straßburg: Grüninger. (In German).
- Ganghofer, Ludwig. (1917) *Der Dorfapostel*. Stuttgart: Adolf Bonz. (In German).
- Glauber, Johann Rudolf. (1658) *Philosophi & Medici Celeberrimi Opera Chymica*. Frankfurt (Main): Thomæ-Matthiæ Goetzens. (In German).
- Goedeke, Karl, & Tittmann, Julius. (1874) (Hrsg.) *Deutsche Dichter des siebzehnten Jahrhunderts*. Bd. 7. Leipzig: F. A. Brockhaus. (In German).
- Goethe, Johann Wolfgang. (1808) *Faust. Eine Tragödie*. Tübingen: in der J. G. Cotta'schen Buchhandlung. (In German).
- Goethe, Johann Wolfgang. (1810) *Zur Farbenlehre*. Bd. 2. Tübingen: in der J. G. Cotta'schen Buchhandlung. (In German).
- Gombert, Albert. (1878) (Rez.) Weigand Deutsches Wörterbuch. *Anzeiger für deutsches Alterthum und deutsche Litteratur* IV, 157–186. (In German).
- Grimmelshausen, Hans Jakob. (1669) *Der Abentheurliche Simplicissimus Teutsch*. Nürnberg. (In German).
- Habermas, Jürgen. (1973) *Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp. (In German).
- Habermas, Jürgen. (1981) *Theorie des kommunikativen Handelns*. In 2 Bd. Frankfurt a. M.: Suhrkamp. (In German).
- Kentz, Paul. (1629) *Güldener Handwercksboden*. Leipzig: In Verlegung des Autoris. (In German).
- Kraemer, Matthias. (1696) *Kunst-Probe einer recht-gründlichen bishero ermanglenden Frantzösischen Grammatica*. Nuernberg: Johann Andreä Endters Seel. Söhne. (In German).
- Luhmann, Niklas. (1984) *Soziale Systeme*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp. (In German).
- Mauthner, Fritz. (1910) Wörterbuch der Philosophie. In: Bertram, Mathias. (ed.) *Geschichte der Philosophie*. Berlin: Directmedia Publ. 2000. (In German).
- Obrecht, Georg. (1617) *Fünff Vnderschiedliche Secreta Politica*. Straßburg. (In German).
- Olearius, Adam. (1647) *Offt beehrte Beschreibung Der Newen Orientalischen Rejse*. Schleswig: Jacob zur Glocken. (In German).
- Reile, Bonifaz. (1939) (ed.) *Kneipp, Sebastian. Das große Kneippbuch*. München: Beckstein. (In German).
- Schwenter, Daniel. (1636) *Deliciae physico-mathematicae oder mathematische und philosophische Erquickstunden*. Nürnberg: Jeremiaë Dümleis. (In German).

- Spee, Friedrich. (1647) *Gewissens-Buch: Von Processen Gegen die Hexen*. Bremen: Jacob Koehler. (In German).
- Spener, Philipp Jakob. (1715) *Theologische Bedencken. Halle (Saale): in verlegung des Waeysen-Hauses*. (In German).

Словари / Dictionaries

- Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 2022. [Dvoretzkiy, Iosif Kh. (2002) *Latinsko-russkij slovar'* (Latin-Russian Dictionary). Moscow: Russkiy yazyk. (In Russian)].
- Bußmann, Hadumod. (2002) *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag.
- Calepinus, Ambrosius. (1625) *Dictionarivm septem lingvarvm*. Venetiis: Apud Georgium Valentinum.
- Duden — Drosdowski, Günther. (1977) (Hrsg.) *Das Große Wörterbuch der deutschen Sprache*. In 6 Bd. Mannheim: Bibliographisches Institut; Dudenverlag.
- DWDS — Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Retrieved from <https://www.dwds.de>.
- Ebers, Johannes. (1796) *The New and Complete Dictionary of the German and English Languages*. In 3 vols. Leipzig: Printed for Breitkopf and Haertel.
- EWD — Pfeifer, Wolfgang, & al. (Hrsg.) (2014) *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*. Koblenz: Edition Kramer.
- Frisius, Johannes. (1541) *Dictionarivm Latinogermanicvm*. Zürich: Tigvri apvd Cristophorvm Froschouerum.
- Henisch, Georg. (1616) *Teütsche Sprach vnd Weiszheit*. Thesaurvs Lingvae et Sapientiae Germanicae. Augustæ Vindellicorum: Typis Davidis Franci.
- Heupel, Carl. (1978) *Linguistisches Wörterbuch*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG.
- Heupold, Bernhard. (1620) *Dictionarivm*. Basel: In verlegung Johann Jacob Genaths.
- Hoffmann, Wilhelm. (1853) *Vollständiges Wörterbuch der deutschen Sprache*. In 6 Bd. Leipzig: A. M. Colditz (Bd. I).
- Hulsius, Levinus. (1640) *Dictionarium Latino-Germano-Gallico-Italicum*. Francofvrti: Typis Wolfgangi Hofmanni.
- Kluge, Friedrich. (2011) *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG.
- Knobloch, Johann. (1977) *Sprachwissenschaftliches Wörterbuch*. Lief. 8. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- Kraemer, Matthias. (1678) *Das neue Dictionarium oder Wort-Buch in Teutsch-Italiaenischer Sprach*. Nuernberg: Johann Andreä Endters Seel. Söhne.
- Kraemer, Matthias. (1693) *Neu-ausgefertigtes herrlich grosses und allgemeines Italiänisch-Deutsches Sprach- und Wörter-Buch*. Nürnberg: Joh. Andreæ Endters Seel. Söhne.
- Lewandowski, Theodor. (1990) *Linguistisches Wörterbuch*. In 3 Bd. Heidelberg-Wiesbaden: Quelle & Meyer Verlag.
- MKL — *Meyers Konversationslexikon*. (1886). Leipzig: Verlag des Bibliographischen Instituts.
- MLS — Glück, Helmut. (2000) (Hrsg.) *Metzler-Lexikon Sprache*. Stuttgart-Weimar: Verlag J. B. Metzler.
- Oertel, Eucharius. (1830) *Gemeinnütziges Fremdwörterbuch zur Erklärung und Verdeutschung der in unsrer Sprache vorkommenden fremden Wörter und Ausdrücke*. In 2 Bd. Ansbach: Gassert.
- Paul, Hermann. (2002) *Deutsches Wörterbuch*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
- Roth, Simon. (1571) *Ein Teutscher Dictionarius*. Augsburg: bey Michael Manger.
- Sanders, Daniel. (1860) *Wörterbuch der deutschen Sprache*. In 3 Bd. Leipzig: Otto Wigand.

- Sumaran, Juan Angel. (1665) *Thesaurus quinque Germanicæ, Latinæ, Hispanicæ, Gallicæ et Italicæ linguarum fundamentalis*. Viennæ: Typis Svsannæ Rickesin, Viduæ.
- Vollbeding, Johann. (1816) *Gemeinnützlich̄es W̄örterbuch zur richtigen Verdeutschung und verständlichen Erklärung der in unserer Sprache vorkommenden fremden Ausdrücke*. Berlin: Carl Friedrich Amelang.
- WDG — Klappenbach, Ruth & Steinitz, Wolfgang. (1980) (Hrsg.) *Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache*. In 6 Bd. Berlin: Akademie-Verlag.
- Weigand, Friedrich. (1878) *Deutsches Wörterbuch*. Gießen: Ricker.
- Weyh, Johann Baptist. (1843) *Praktisches Handwörterbuch des Deütschen Sprachgebrauchs*. In 2 Bd. Regensburg: Friedrich Pustet.

УДК 81-26'06.053.56

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-32-44

СТРАТЕГИИ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА В УСЛОВИЯХ СТРЕССА

Д. В. Балаганов¹, Е. Г. Князева²

¹ Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

² Военный университет Министерства обороны Российской Федерации,
Москва, Россия

Настоящая статья посвящена изучению вопросов нивелирования негативных последствий стресса в процессе синхронно-переводческой деятельности с позиций когнитивно-динамической концепции синхронного перевода. Делается акцент на существовании как позитивного, так и негативного стресса. Цель статьи — выявить и описать основные стратегии синхронного перевода в условиях стресса. Для ее достижения последовательно решен ряд задач. Методы исследования: критический анализ имеющейся научной литературы по стратегиям в переводе, инференция собственных выводов, ретроспекция практического опыта работы синхронным переводчиком и его индукция в обобщенные теоретические умозаключения относительно стратегий синхронного перевода в условиях стресса. В итоге авторы дают собственное определение стратегии перевода, отмечают динамику когнитивных механизмов синхронного перевода, к числу которых относятся восприятие и понимание, обработка информации, переключение между языками, выбор варианта перевода, синхронизация, вероятностное прогнозирование в условиях стресса, приводя конкретные примеры, из собственного практического опыта перечисляют стратегии конспективного перевода, реконструкции и визуальной опоры. Описываются ситуации, при которых необходимо использовать эти стратегии, механизм их работы, указываются конкретные переводческие действия, которые должен выполнять переводчик-синхронист, а также ожидаемые результаты от задействования предлагаемых стратегий. Авторы предлагают рекомендации по комплексному преодолению негативной стрессогенной нагрузки в синхронном переводе. Результаты статьи могут быть использованы в теоретическом плане для дальнейшего изучения процесса синхронного перевода с позиций когнитивной лингвистики, в практическом плане — для разработки учебников, учебных пособий и учебно-методических материалов соответствующих теоретических и практических курсов перевода. Новизна проведенного исследования заключается в том, что в нем впервые, на основе проанализированного теоретического материала и практического опыта работы синхронными переводчиками, приводится собственное определение стратегии перевода с учетом психологического фактора, дается комплексное описание стратегий синхронного перевода в условиях стресса.

Ключевые слова: синхронный перевод; стресс; стратегия перевода; конспективный перевод; реконструкция; визуальная опора.

Цитирование: Балаганов Д. В., Князева Е. Г. Стратегии синхронного перевода в условиях стресса // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 4 (72). С. 32–44. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-32-44.

Simultaneous Interpretation Strategies Under Stress

Dmitry V. Balaganov ¹, Yelena G. Knyazeva ²

¹ Russian State University for Humanities, Moscow, Russia

² Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Moscow, Russia

The article examines ways of mitigating the effects of stress in simultaneous interpretation from the perspective of the cognitive-dynamic concept of simultaneous interpreting. The authors distinguish between two types of stress — positive and negative — and argue that both significantly influence interpreters' cognitive performance. The main aim of the article is to identify and describe key strategies employed in simultaneous interpretation under conditions of stress. To achieve this aim, the authors address several interrelated objectives. The research methodology includes an in-depth analysis of existing scholarly literature on translation and interpreting strategies, retrospective reflection on the authors' professional experience as simultaneous interpreters, and inductive reasoning leading to independent theoretical conclusions. The study also integrates theoretical perspectives on strategies of simultaneous interpretation under stress within a cognitive-linguistic framework. As a result, the authors propose their own definition of a translation strategy and provide a detailed account of the dynamics of the cognitive mechanisms involved in simultaneous interpretation under stress. These mechanisms include perception and comprehension, information processing, language switching, selection of an interpretation option, synchronization, and anticipation. The discussion is supported by concrete examples drawn from professional interpreting practice. Particular attention is given to the description of three stress-related strategies: the failsafe mode strategy, the reconstruction strategy, and the visual backup strategy. Within this framework, the article identifies situations in which each strategy is most effective, explains their underlying mechanisms, and outlines specific actions that simultaneous interpreters should undertake, as well as the expected outcomes of their application. The authors also offer practical recommendations for comprehensively addressing negative stress load in simultaneous interpretation. The findings of the study may be applied both theoretically and practically. From a theoretical perspective, they contribute to further research on simultaneous interpretation within the field of cognitive linguistics. From a practical perspective, they may be used in the development of textbooks, teaching materials, and training courses for theoretical and applied interpretation disciplines. The novelty of the research lies in the authors' original definition of a translation strategy that explicitly incorporates the psychological factor, as well as in the comprehensive description of simultaneous interpretation strategies under stress based on both theoretical analysis and professional interpreting experience.

Key words: simultaneous interpretation; stress; translation strategy; degraded mode; reconstruction; visual support.

Citation: Balaganov, Dmitry V., & Knyazeva, Yelena G. (2025) Simultaneous Interpretation Strategies Under Stress. *LUNN Bulletin*, 4 (72), 32–44. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-32-44.

1. Введение

Синхронный перевод остается весьма востребованным видом перевода, особенно в современных условиях быстро меняющегося мира, когда контакты с одними странами сокращаются, а с другими проходят стадию интенсификации. При этом ситуация синхронного перевода может варьироваться от классического перевода до удаленного перевода. В любых вариантах синхронно-переводческой

деятельности переводчик может подвергнуться негативному стрессогенному влиянию. В такие моменты он должен уметь справляться с его последствиями, прибегая к тем или иным стратегиям синхронного перевода (Балаганов 2024). Этим обусловлена актуальность настоящей статьи.

Цель статьи — выявление и описание основных стратегий синхронного перевода в условиях стресса. Для ее достижения будут выполнены следующие задачи:

- дать определение понятию «стратегия перевода»;
- описать работу когнитивной системы синхронного перевода в условиях стресса;
- охарактеризовать стратегии синхронного перевода в условиях стресса;
- предложить рекомендации по комплексному преодолению негативной стрессогенной нагрузки в синхронном переводе.

Новизна проводимого в статье исследования заключается в том, что в ней впервые, на основе проанализированного теоретического материала и практического опыта работы синхронными переводчиками, приводится собственное определение стратегии перевода с учетом психологического фактора, дается комплексное описание стратегий синхронного перевода в условиях стресса.

2. Характеристика материала и методов исследования

Методами исследования избрали анализ научной литературы по указанной тематике, изданной как в России, так и за рубежом, а также ретроспекцию, связанную с собственным опытом работы синхронными переводчиками. Материалом для исследования послужил собственный опыт практической работы, а также обобщенный опыт других переводчиков-синхронистов.

2.1. О стратегии в синхронном переводе

Понятие «стратегия» в синхронном переводе имеет довольно разную трактовку среди теоретиков перевода (в частности, см. [Илюхин 2001; Ван 2019; Колосов, Бабаева 2020; Сдобников 2024]). Обратимся к некоторым из них для лучшего понимания данного элемента парадигмы переводоведения.

В. М. Илюхин в своей кандидатской диссертации отмечает, что стратегия перевода — это «метод выполнения переводческой задачи, который заключается в адекватной передаче иностранного языка на переводимый язык коммуникативной интенции отправителя с учетом культурологических и личностных особенностей оратора, базового уровня, языковой надкатегории и подкатегории» (Илюхин 2001:15). Не можем полностью согласиться с уважаемым автором данного определения, поскольку, на наш взгляд, стратегия должна включать более подробное упоминание о подходах, которые использует переводчик-синхронист для решения конкретной переводческой задачи.

О. А. Бурукина определяет стратегию перевода как «общий план действий переводчика, направленный на перевод конкретного текста, обусловленный

конкретной целью перевода, разработанный с учётом лингвистических и экстралингвистических характеристик конкретной переводческой ситуации (включая характеристики переводимого текста), рассчитанный на некоторый период времени» (Бурукина 2009: 79). В данном определении автор указывает на дискретный характер стратегии, с чем мы, безусловно, согласны. Однако здесь неочевидны психоэмоциональные аспекты задействования той или иной стратегии перевода.

С. А. Колосов, Ю. А. Бабаева подчеркивают, что «стратегия перевода представляется наиболее общим понятием, обуславливающим не конкретные переводческие операции/трансформации, а задающим общий вектор действия в конкретной коммуникативной ситуации» (Колосов, Бабаева 2020: 186). Представленное в таком общем виде понятие «стратегия» в целом отражает его сущность и указывает на его место в системе «стратегия — тактика — прием», которую разрабатывают авторы.

Итальянский ученый А. Рикарди разграничивает стратегии синхронного перевода на две группы: 1) наработанные стратегии: это действия, регулируемые сформированными сценариями автоматических ответных реакций, которые задействуются при столкновении с конкретным стимулом акта коммуникации; они являются результатом наработки и доведения до автоматизма конкретного набора действий переводчиком (Riccardi 2005: 760); 2) фоновые стратегии: их задействование является результатом осознанной аналитической деятельности, протекаемой в момент осуществления перевода, и не связано с заблаговременной тренировкой и автоматизацией когнитивных действий (Riccardi 2005: 762). Данный подход ученого представляет практический интерес, поскольку переводчик-синхронист применяет не только отработанные заблаговременно заготовки; ему также приходится принимать сиюминутные переводческие решения для преодоления трудностей, возникших вследствие тех или иных изменений в ситуации перевода (см. также [Хорошева, Тюрина 2020; Okoniewska 2019]).

Наиболее полно, на наш взгляд, охарактеризовал понятие «стратегия перевода» В. В. Сдобников, который полагает, что «это общая программа осуществления переводческой деятельности в условиях определённой коммуникативной ситуации двуязычной коммуникации, определяемая специфическими особенностями данной ситуации и целью перевода и, в свою очередь, определяющая характер профессионального поведения переводчика в рамках данной коммуникативной ситуации, направленной на достижение цели перевода и предполагающей создание продукта (речевого произведения), способного удовлетворять потребности потребителей перевода и инициатора перевода в рамках осуществления ими их предметной деятельности» (Сдобников 2022: 27). В этом определении подробно изложены все характерные черты, присущие стратегии синхронного перевода.

Со своей стороны добавим к существующему определению психоэмоциональную составляющую. Таким образом, мы считаем, что **стратегия синхронного перевода** — это структурированная программа деятельности переводчика в условиях постоянно меняющейся ситуации перевода и стрессогенных факторов, которая направлена на решение переводческой задачи, удовлетворяющее ожиданиям отправителя и получателя, и на нивелирование последствий негативного стресса.

2.2. Работа когнитивной системы СП в условиях стресса

В рамках разработанной нами когнитивно-динамической концепции синхронного перевода (Балаганов 2021) у переводчика функционируют шесть когнитивных механизмов: восприятия и понимания, обработки информации, переключения между языками, выбора варианта перевода, вероятностного прогнозирования, синхронизации. Поскольку переводчик-синхронист изначально работает в условиях стресса, который может оказывать как позитивное (помогать концентрировать когнитивные усилия для выполнения переводческой задачи), так и негативное (разрушать психоэмоциональное и когнитивное состояние переводчика и тем самым мешать процессу перевода) влияние. Поэтому сделаем упор на негативную сторону стресса и рассмотрим в этой связи динамику функционирования когнитивных механизмов синхронного перевода (Балаганов, Князева, Романов 2023).

Механизм восприятия и понимания. На данном этапе основными стрессогенными факторами являются темп и особенности произношения оратора (*colleagues* [ˈkɒlɪɡiːz], *mission* [mɪˈsjʊn], *earthquake* [ˈɜːθkwɛɪk]). Снижение способности переводчика распознавать фонемы и лексемы в поступающем звуковом потоке негативно сказывается на всех последующих когнитивных механизмах (см. также [Князева, Сидорова 2023]).

Механизм обработки информации. При работе этого когнитивного механизма, помимо результатов, полученных на предыдущем этапе, важную роль играют терминологическая осведомленность и экстралингвистические знания переводчика. Если синхронист не знает, что в контексте в том числе АСЕАН *гуманитарное разминирование* переводится как *humanitarian mine action*, то, скорее всего, он допустит (пусть и не смысловую) терминологическую ошибку. При переводе словосочетания *code of conduct* в той же международной организации необходимо помнить, что речь идет о Южно-Китайском море; соответственно, перевод должен звучать, как *кодекс поведения в ЮКМ (Южно-Китайском море)*. Здесь также можно говорить о декодировании заложенного автором сообщения смысла и кодирование его в некий мыслительный образ. Например, вместо слов, отвечающих за качественное изменение того или иного свойства, переводчик представляет себе лишь рост / снижение или плюс / минус (в значении улучшения / ухудшения).

Механизм переключения между языками. Данный механизм отвечает за поддержание обеих языковых систем в активном состоянии с самого начала работы переводчика-синхрониста. Он принимает участие в нивелировании межъязыковой интерференции, постоянно сканируя хранящиеся в долгосрочной памяти переводчика соответствия на двух языках.

Механизм выбора варианта перевода. На данном этапе происходит декодирование мыслительного образа исходного смысла и его кодирование в знаки языка перевода. При этом необходимо учитывать его нормы и не допускать интерференции. Важно также понимать оттенки смысла схожих, на первый взгляд, слов и выражений. Например, «прекращение огня», «перемирие», «прекращение боевых действий» с точки зрения международного права не взаимозаменяемы и имеют вполне конкретные эквиваленты: *ceasefire, truce, cessation of hostilities*.

Механизм вероятностного прогнозирования. Работа этого когнитивного механизма может начаться вместе с восприятием и пониманием исходного сообщения, когда переводчик, основываясь на лингвистическом и / или экстралингвистическом контексте, может догадаться о продолжении только начавшейся фразы. Например, если мы слышим *on the one hand*, то мы точно услышим впоследствии и *on the other hand*, после которого следует ожидать противопоставление тому, что было сказано после первого вводного словосочетания (см. также [Amos, Seeber, Pickering 2022]).

Механизм синхронизации позволяет переводчику одновременно слушать и говорить, а также маневрировать собственным вниманием, сдвигая его то на слушание речи оратора (если возникают трудности с восприятием и пониманием), то на вербализацию варианта перевода (если есть необходимость в дополнительном контроле того, что произносится).

С ростом негативного влияния стресса работа когнитивных механизмов может на некоторое время нарушаться. При этом переводчик-синхронист должен предпринимать меры для его нивелирования при помощи тех или иных стратегий (см. также [Hamid 2025]).

Стрессовая ситуация проявляется в трех психических реакциях организма: беги — замри — борись. Первый вариант наблюдается, когда неподготовленный к таким ситуациям переводчик бросает наушники и выбегает из кабины синхронного перевода. Вторым вариантом сопровождается резким снижением речедетельностной активности переводчика, когда возникают трудности с вербализацией на языке перевода вследствие перегрузки когнитивной системы. Третий же вариант является результатом кропотливой подготовительной работы переводчика-синхрониста в преддверии синхронно-переводческой деятельности в различных условиях. Ниже остановимся на тех стратегиях, которые может задействовать синхронист в условиях стресса.

3. Результаты исследования и их обсуждение

В данном разделе рассмотрим стратегии, которые помогают переводчику-синхронисту справиться с растущей негативной стрессогенной нагрузкой в меняющейся ситуации синхронного перевода. В каждой из них мы описали условия ее задействования (перехода), механизм реализации (что делать?), ожидаемые результаты. Прежде чем приступить к исследованию данного вопроса, отметим, что любой синхронный переводчик должен (помимо собственно перевода) отслеживать маркеры изменения ситуации перевода, чтобы заблаговременно избрать необходимую стратегию перевода.

3.1. Конспективный перевод

Данная стратегия была предложена старшим переводчиком в штаб-квартире НАТО К. Гишо де Форти (Guichot de Fortis 2025) для преодоления трудностей синхронного перевода, связанных с повышенной стрессогенностью ситуации. Переводчик-синхронист задействует стратегию конспективного перевода, когда он оказывается не в состоянии осуществить перевод в полном объеме. К числу ситуаций, в которых переводчику придется прибегнуть к данной стратегии, можно отнести следующие:

1. Уровень опытности переводчика. Менее опытный переводчик обладает недостаточным профессиональным уровнем, при этом его когнитивные способности и фоновые знания не могут гарантировать передачу хотя бы основного минимума получаемой информации.

2. Условия работы находятся на низком уровне. К нормальным условиям работы мы относим как техническое сопровождение (наличие необходимого аудиовизуального сопровождения), так и языковые параметры (обычный темп речи оратора, хорошее знание им языка, низкий уровень стресса переводчика и т. д.). Однако условия могут меняться по объективным и субъективным причинам, что ведет к росту стрессогенности у переводчика.

3. Речь оратора характеризуется низкой информационной избыточностью и высокой сложностью. Часто это происходит, когда оратор зачитывает свою речь, которая местами может изобиловать терминологией и прецизионной информацией, которую нельзя опустить.

Помимо указанных выше ситуаций отметим и соотношение объема переводимых языков. Например, английский язык обладает более четкой грамматической структурой и порядком слов в дополнение к большему объему лексического значения слов и выражений. По сравнению с ним русский язык имеет менее жесткий порядок слов в предложении и меньший объем лексического значения, что необходимо принимать во внимание при переводе с английского языка на русский (например, английское слово *operationalize* переводится на русский языка как *ввести в действие*).

При задействовании стратегии конспективного перевода синхронист должен помнить, что необходимо осуществить такой переход заблаговременно,

а не в последний момент. Как можно спрогнозировать вероятность осложнения ситуации перевода (возникновение условий, указанных выше)? Во-первых, оратор известен своими произносительными особенностями и сложностью построения речи. Во-вторых, синхронный перевод планируется в удаленном формате. В-третьих, время работы переводчика увеличивается, о чем известно заранее (например, напарник сообщил, что приедет позже, а уедет раньше). В-четвертых, повестка дня изменилась в последний момент и появилось выступление, которое переводчик заранее не отрабатывал. В-пятых, мероприятие длится дольше запланированного. В-шестых, психоэмоциональное состояние переводчика ухудшилось по тем или иным причинам. В-седьмых, условия работы оказались хуже, чем планировалось, и др.

Когда возникают описанные выше ситуации, переводчику-синхронисту необходимо подготовиться к возможному конспективному переводу. Вот несколько рекомендаций для реализации указанной стратегии:

- уменьшение громкости входного сигнала и, как следствие, уменьшение громкости выходного сигнала, что снизит когнитивные и физические нагрузки на переводчика и сохранит его внимание на поступающей информации;
- сокращение длины слов на языке перевода для экономии времени (например, *joy* вместо *happiness*);
- интонационное акцентирование при параллельной словесной депривации;
- использование общепринятых аббревиатур вместо развернутых форм терминов (например, *СВО* вместо *специальная военная операция*, *JSPOA* вместо *Joint Comprehensive Plan of Action*);
- тезисная передача информации, лишенная коннотативные элементов и развернутых синтаксических структур, что будет способствовать лучшему пониманию слушающими поступающего перевода;
- отказ от повторов и многословия (отбор только необходимых для передачи важной информации лексических средств, опущение цитат, насмешек, формулы вежливости и т. д.), которые отвлекают внимание и переводчика, и слушающих от основной идеи речи оратора;
- максимальное задействование клише, образных выражений и фигур речи, что делает речь переводчика более предсказуемой и стандартизированной;
- удовлетворение физиологических потребностей: употребление достаточного количества воды, проветривание кабины и использование дыхательных упражнений.

Ожидаемый результат от использования стратегии конспективного перевода: нивелирование негативных последствий повышенной стрессогенности ситуации перевода, сохранение когнитивных и физических сил переводчика и, как следствие, адекватности перевода.

3.2. Реконструкция

Данная стратегия является нашим авторским наблюдением и выводом из собственной практической работы в качестве синхронного переводчика. Она призвана помочь переводчику, который находится в таком состоянии влияния стресса на когнитивную систему синхронного перевода, когда функционирование ее когнитивных механизмов стремится к нулю (потеря возможности осуществлять речевую деятельность). Синхронный переводчик задействует стратегию реконструкции для сохранения своего языкового сознания в неизменном состоянии (подробнее см. [Спивак 2000]). Условиями возникновения ситуации, ведущей к необходимости применения данной стратегии, могут являться следующие:

1. Произносительные особенности оратора таковы, что переводчик с трудом может осуществить восприятие и понимание его высказывания (например, официальные лица Южной и Юго-Восточной Азии имеют специфическое английское произношение).

2. Громкость входного сигнала находится на низком уровне, в результате чего переводчик своей речью заглушает речь оратора. Это может произойти вследствие некачественного оборудования или того факта, что оратор расположен на значительном удалении от микрофона.

3. Комбинирование первых двух условий с отсутствием у переводчика необходимых фоновых знаний, когда отдельные понимаемые слова и выражения не встраиваются в общую тематическую парадигму.

При возникновении перечисленных выше ситуаций резко повышается негативная стрессогенность ситуации перевода, при которой состояние языкового сознания переводчика может измениться. Для предотвращения развития ситуации по худшему сценарию предлагаем следующие рекомендации:

- на основе имеющихся фоновых знаний и услышанных и понятых слов и выражений спрогнозировать основной смысл, заложенный оратором в своем выступлении;

- активно использовать кумулятивно-динамический анализ, отталкиваясь от предыдущих высказываний оратора и общей ситуации в данной тематической области;

- максимально использовать возможные клише, устойчивые выражения, тем самым избегая ненужной конкретизации, которая может оказаться неверной;

- избегать панических мыслей, которые не способствуют устойчивой работе когнитивной системы синхронного перевода.

Ожидаемый результат задействования стратегии реконструкции: сохранение работоспособности когнитивной системы синхронного перевода в условиях растущей стрессогенности и речедетельностной активности переводчика-синхрониста.

3.3. Визуальная опора

Стратегия визуальной опоры является выводом из наших собственных практических наблюдений. Она помогает переводчику-синхронисту в условиях роста информационной насыщенности и интенсивности синхронного перевода в целом (см. также [Лушева 2023]). Данная стратегия может быть задействована в следующих случаях:

1. Информационная избыточность речи оратора падает вследствие использования им необходимой прецизионной информации и аббревиатур, что ведет к перегрузке когнитивной системы синхронного перевода.

2. Для визуализации своего выступления оратор опирается на презентацию, которая транслируется на монитор в кабине синхронного перевода.

3. Переводчик-синхронист ориентируется в переводимой тематике и имеет необходимые фоновые знания.

Сама ситуация синхронного перевода, когда оратор использует презентацию как визуальную опору своего выступления, как бы подталкивает переводчика к задействованию стратегии визуальной опоры, а именно:

- зрительно-устный перевод (перевод с листа) слайдов презентации, на которой в сжатом виде изложены положения, произносимые оратором, включая терминологическую лексику и аббревиатуры, не всегда хорошо воспринимаемые на слух;

- параллельный контроль правильности своего подхода через прослушивание того, что говорит оратор;

- активное использование фоновых и тематических знаний для осуществления контроля правильности перевода в полуавтоматическом режиме (смещая активное внимание на работу с исходным текстом) (учитывая в том числе [Daminov 2022; Julaiti, Cheung, Cheung, Huang 2024]).

Ожидаемый результат задействования стратегии визуальной опоры: снижение нагрузки на когнитивную систему синхронного перевода через подключение зрительного анализатора к работе слухового анализатора, тем самым стабилизация работы переводчика-синхрониста.

Необходимо отметить, что задействование перечисленных выше стратегий является вынужденной мерой для нивелирования негативных последствий стрессогенности ситуации синхронного перевода. Как только обстановка позволит, переводчик должен возвращаться к нормальной работе когнитивных механизмов.

4. Выводы и заключение

Подводя итоги проведенного исследования в области синхронно-переводческой деятельности в условиях стресса, сделаем следующие выводы:

1. Стратегией перевода является такая временная перестройка когнитивной системы, которая позволяет сохранить ее нормальное функционирование в условиях роста стрессогенности ситуации перевода.

2. Для задействия той или иной стратегии перевода переводчик должен постоянно совершенствовать свои переводческие компетенции, включая фоновые и специальные знания.

3. Стратегии конспективного перевода, реконструкции и визуальной опоры предназначены для нивелирования негативных последствий стресса и сохранения состояния языкового сознания переводчика-синхрониста в неизменном виде.

4. После стабилизации ситуации перевода переводчик должен возвращаться к работе в обычных условиях.

В настоящей статье нами был проведен анализ подходов к определению стратегии перевода и дано собственное определение данного понятия, которое отражает временный характер специальной перестройки деятельности переводчика с целью преодоления растущей стрессогенной нагрузки.

Было дано описание работы когнитивных механизмов в синхронном переводе с упором на стрессогенный фактор синхронно-переводческой деятельности. Приведена краткая характеристика функционирования каждого механизма и его роль в общем процессе.

Особое место в настоящей статье заняла характеристика стратегий синхронного перевода в условиях стресса, который испытывает переводчик при изменении ситуации перевода. Нами были приведены условия использования стратегий, механизм их работы, а также даны рекомендации относительно конкретных переводческих действий в рамках указанных стратегий с целью стабилизации когнитивной системы синхронного перевода.

В итоге нам удалось выявить и описать основные стратегии синхронного перевода, которые задействуются переводчиком-синхронистом в условиях стресса.

Без сомнения, необходимо продолжать исследования в области функционирования когнитивной системы синхронного перевода, в том числе с учетом используемых переводческих приемов и стратегий.

Результаты нашего исследования могут быть использованы в рамках учебных курсов подготовки синхронно-переводческих кадров как в специализированных языковых вузах, так и на курсах повышения квалификации и профессиональной переподготовки.

Список литературы / References

- Балаганов Д. В.* Синхронно-переводческая деятельность: когнитивно-динамический аспект // Военно-филологический журнал. 2021. № 2. С. 5–13. [Balaganov, Dmitry V. (2021) Sinkhronno-perevodcheskaya deyatel'nost': kognitivno-dinamicheskij aspekt (Simultaneous Interpretation Activity: A Cognitive Dynamic Aspect). *Voенno-Filologicheskij Zhurnal*, 2, 5–13. (In Russian)].

- Балаганов Д. В. Синхронный перевод как средство межкультурной коммуникации // Шкатовские чтения. Материалы Международной научной конференции. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2024. С. 220–223. [Balaganov, Dmitry V. (2024) Sinkhronnyi perevod kak sredstvo mezhkul'turnoi kommunikatsii (Simultaneous Interpretation as a Means of Intercultural Communication). In *Shkatovskie chteniya. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* (Shkatov Readings: Materials of the Scientific Conference). Chelyabinsk: Izd-vo Chelyab. gos. un-ta, 220–223. (In Russian)].
- Балаганов Д. В., Князева Е. Г., Романов А. С. Функционирование когнитивной системы в условиях удаленного синхронного перевода // Современное педагогическое образование. 2023. № 9. С. 248–252. [Balaganov, Dmitry V., Knyazeva, Yelena G., & Romanov, Aleksandr S. (2023) Funktsionirovanie kognitivnoi sistemy v usloviyakh udalennogo sinkhronnogo perevoda (Functioning of Cognitive System in Remote Simultaneous Interpretation). *Modern Pedagogic Education*, 9, 248–252. (In Russian)].
- Бурукина О. А. Переводческие стратегии и переводческие тактики // Университетское переводоведение. Вып. 10: Материалы X международной научной конференции по переводоведению «Фёдоровские чтения», 23–25 октября 2008 г. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 73–83. [Burukina, Olga A. (2009) Perevodcheskiye strategii i perevodcheskiye taktiki (Translation Strategies and Translation Tactics). In *Universitetskoe perevodovedenie. Vyp. 10: Materialy X mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii po perevodovedeniyu «Fyodorovskie chteniya», 23–25 oktyabrya 2008 g.* (University Translation Studies. Materials of 10th international scientific conference on translation studies “Fyodorov Readings”). Saint Petersburg: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU, 73–83. (In Russian)].
- Ван Л. Стратегии и приемы синхронного перевода в деятельности международных переводчиков (на материале русского и китайского языков) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 7-2. С. 17–20. [Van, Linlin. (2019) Strategii i priyomy sinkhronnogo perevoda v deyatel'nosti mezhdunarodnykh perevodchikov (na materiale russkogo i kitaiskogo yazykov) (Strategies and Techniques of Simultaneous Interpretation in the Work of International Interpreters (based on Russian and Chinese)). *Modern Science: actual problems of theory and practice. Humanities*, 7-2, 17–20. (In Russian)].
- Илюхин В. М. Стратегии в синхронном переводе (на материале англо-русской и русско-английской комбинаций перевода): Дис.... канд. филол. наук. М., 2001. [Ilyukhin, Vladimir M. (2001) *Strategii v sinkhronnom perevode (na materiale anglo-russkoy i russko-angliiskoy kombinatsii perevoda): Dis. ... kand. filol. nauk* (Strategies in Simultaneous Interpretation (Based on English-Russian and Russian-English translation directions. PhD Thesis in Philology). Moscow. (In Russian)].
- Князева Е. Г., Сидорова Н. А. Лингвоаксиологические аспекты перевода интерпретации текста // Казанская наука. 2023. № 2. С. 30–33. [Knyazeva, Yelena G., & Sidorova, Natalya A. (2023) Lingvoaksiologicheskiye aspekty perevoda interpretatsii teksta (Linguo-Axiological Aspects of Text Translation and Interpretation). *Kazan Science*, 2, 30–33. (In Russian)].
- Колосов С. А., Бабаева Ю. А. Стратегии, тактики и приемы в синхронном переводе: к разграничению понятий // Вестник ТвГУ. Серия: «Филология». 2020. № 4. С. 185–189. [Kolosov, Sergey A., & Babaeva, Yulia A. (2020) Strategii, taktiki i priyomy v sinkhronnom perevode: k razgranicheniyu ponyatiy (Strategies, Tactics and Techniques in Simultaneous Interpreting: Discrimination between the Terms). *Vestnik TVGU. Series: Philology*, 4, 185–189. (In Russian)].
- Лушева Е. П. Особенности формирования навыков синхронного перевода на основе навыка перевода с листа // Научно-методический бюллетень Военного университета МО РФ.

2023. № 2 (20). С. 155–159. [Lusheva, Yelena P. (2023) Osobennosti formirovaniya navykov sinkhronnogo perevoda na osnove navyka perevoda s lista (Features of the Formation of Simultaneous Translation Skills Based on the Skill of Translating from a Sheet). *Nauchno-metodicheskij byulleten` Voennogo universiteta MO RF*, 2 (20), 155–159. (In Russian)].
- Сдобников В. В. Стратегии перевода: заблуждения и реальность // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 27–34. [Sdobnikov, Vadim V. (2022) Strategii perevoda: zabluzhdeniya i real'nost' (Translation Strategy: Misperceptions and Reality). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2, 27–34. (In Russian)].
- Сдобников В. В. Российское переводоведение в XXI веке. М.: Флинта, 2024. [Sdobnikov, Vadim V. (2024) *Rossiyskoye perevodovedeniye v XXI veke* (Russian Translation Studies in 21st Century). Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Спивак Д. Л. Измененные состояния сознания: психология и лингвистика. СПб.: Ювента, Филологический ф-т СПбГУ, 2000. [Spivak, Dmitry L. (2000) *Izmenennyye sostoyaniya soznaniya: psikhologiya i lingvistika* (Altered States of Conscience: Psychology and Linguistics). Saint-Petersburg: Yuventa, Filologicheskij f-t SPbGU. (In Russian)].
- Хорошева Н. В., Тюрина Д. С. Специфика реализации стратегий синхронного перевода в ходе пресс-конференции глав российской и французской дипломатии // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 2. С. 70–77. [Khorosheva, Natalya V., & Tyurina, Darya S. (2020) Spetsifika realizatsii strategiy sinkhronnogo perevoda v khode press-konferentsii glav rossiyskoy i frantsuzskoy diplomatii (Specific Features of the Realization of Simultaneous Interpretation Strategies in the Press-Conference of the Heads of Russian and French Diplomacy). *Eurasian Humanitarian Journal*, 2, 70–77. (In Russian)].
- Amos, Rhona M., Seeber, Kilian G., & Pickering, Martin J. (2022) Prediction During Simultaneous Interpreting: Evidence from the Visual-World Paradigm, *Cognition*, Vol. 220, 104987. Retrieved from <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0010027721004108> (2025, May 8).
- Daminov, Navruz K. (2022) Using Interpreting Strategies in Teaching Simultaneous Translation. *European Multidisciplinary Journal of Modern Science*, 12, 40–47.
- de Fortis, Guichot C. (2025) *Failsafe mode*. Retrieved from <https://www.guichotdefortis.com/blog/degraded-mode> (2025, May 8).
- Hamid, Fatima A. (2025) Challenges of Simultaneous Interpreting. *International Journal of Language & Literary Studies*, Vol. 7, 2, 217–229.
- Julaiti, Kaifusai, Cheung, Nina D.Y., Cheung, Andrew K., & Huang, Jessy Y. (2025). Number Training in Simultaneous Interpreting: A Corpus-assisted Longitudinal Study. *Interpreting and Society*, Vol. 5, 1, 80–96.
- Okoniewska, Alicja M. (2019) Simultaneous Interpretation of Political Discourse: Coping Strategies vs Discourse Strategies. A Case Study. In Jullion, Marie-Christine, Clouet, Louis-Marie, & Cennamo, Paria (eds.) *Les institutions et les medias / Le istituzioni e i media*. Milano: LED, 135–152.
- Riccardi, Alessandra. (2005) On the Evolution of Interpreting Strategies in Simultaneous Interpreting. *Meta*, Vol. 50, 2, 753–767.

УДК 811.612.91'37:811.161.1'37

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-45-58

ПРЯМЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ БЛАГОДАРНОСТИ ВО ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ

Нгуен Тхань Шон

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Данная работа посвящена исследованию прямых речевых актов благодарности во вьетнамском языке в сравнении с русским языком. Цель работы заключается в анализе форм и языковых средств выражения прямых речевых актов благодарности во вьетнамском языке, а также в выявлении сходств и различий в языковом воплощении речевых актов этого типа во вьетнамском и русском языках. Результаты исследования показали, что формы и языковые средства выражения прямых актов благодарности во вьетнамском и русском языках имеют как общие черты, так и значимые различия. Основным элементом вербального воплощения благодарности в прямых речевых актах является перформативный глагол «благодарю», а дополнительные компоненты (субъект, объект, причина благодарности и элементы, усиливающие степень благодарности) являются для этого типа речевых актов факультативными. Разнообразие компонентов придаёт конструкциям большую гибкость и многогранность. Формула прямых речевых актов благодарности во вьетнамском языке может быть представлена как: субъект + «*sảm ơn*» + объект + причина + дополнительные компоненты, усиливающие степень благодарности или выражающие эмоции. Аналогичные структуры присутствуют и в русском языке. Однако способ выражения степени благодарности в русском языке отличается, например, использованием лексики, обозначающей интенсивность признательности. Эти различия иллюстрируют влияние культурных факторов на выбор слов и синтаксических конструкций в речевых актах благодарности, что подчёркивает национальную специфику выражения благодарности в разных культурах. Работа представляет интерес для лингвистов, преподавателей и всех, кто изучает межкультурную коммуникацию, и способствует более точному пониманию роли благодарности как социального феномена в различных культурах.

Ключевые слова: вьетнамский язык; русский язык; прямые речевые акты; благодарность; перформатив.

Цитирование: Нгуен Т. Ш. Прямые речевые акты благодарности во вьетнамском языке в сопоставлении с русским языком // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 4 (72). С. 45–58. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-45-58.

Direct Speech Acts of Gratitude in Vietnamese in Comparison with Russian**Nguyen Thanh Son**

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

This paper investigates direct speech acts of gratitude in the Vietnamese language in comparison with Russian. The aim of the study is to analyze the linguistic forms used to express direct speech acts of gratitude in Vietnamese and to identify similarities and differences in their structural organization as compared to Russian. The research identifies the main types of constructions employed in Vietnamese to express direct gratitude and compares them with analogous constructions in Russian. The results demonstrate that, while Vietnamese and Russian share certain common features in the expression of direct speech acts of gratitude, they also exhibit significant differences. In both languages, the core element of the construction is the performative verb meaning “to thank.” Other components — such as the subject, the object of gratitude, the reason for gratitude, and elements intensifying or modifying the degree of gratitude — are optional. This variability of components contributes to the flexibility and structural complexity of gratitude expressions. The structural formula of a direct speech act of gratitude in Vietnamese may be represented as follows: direct speech act of gratitude = subject + *cảm ơn* + object + reason + additional components expressing the degree of gratitude or emotional attitude. Comparable structural patterns are also observed in Russian. However, Russian differs in the ways the degree of gratitude is expressed, for instance through lexical means that convey varying levels of intensity and emotional emphasis. These differences reflect the influence of cultural factors on lexical choice and syntactic organization in speech acts of gratitude, underscoring the national and cultural specificity of gratitude expression in different linguistic communities. The study is relevant to linguists, educators, and scholars of intercultural communication, and it contributes to a more nuanced understanding of gratitude as a socially and culturally conditioned communicative phenomenon.

Key words: Vietnamese language; Russian language; direct speech acts; gratitude; performative.

Citation: Nguyen, Thanh Son (2025) Direct Speech Acts of Gratitude in Vietnamese in Comparison with Russian. *LUNN Bulletin*, 4 (72), 45–58. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-45-58.

1. Введение

Понятие речевого акта представляет собой одну из фундаментальных категорий, лежащих в основе исследований прагматики. Теория речевых актов была заложена английским философом Дж. Остином (Austin 1962) и впоследствии была дополнена и развита другими исследователями. Одним из важных аспектов теории речевых актов является классификация речевых актов, в частности их деление на прямые и косвенные, которые различаются по тому, как явно выражено их интенциональное значение. Дж. Серль (Searle 1969) определил различие между ними, отметив, что прямые речевые акты предполагают высказывания, в которых «однозначно выражаются его иллокутивная сила / интенциональное значение» (Формановская 2007: 267). Иллокутивная сила таких актов однозначно выражена и совпадает с формой высказывания. Например, во фразе *Благодарю вас за оказанную помощь* форма и значение находятся в полном

соответствии: высказывание эксплицитно выражает благодарность. Дж. Юл считает, что речевой акт, реализуемый в высказывании, где существует прямая связь между структурой и функцией, и который выполняется в соответствии с целями речевого акта и условиями его использования, является прямым речевым актом (Yule 1996: 54–55). Повествовательное предложение, используемое для выражения мнения или совета о том, что кто-то должен сделать что-либо, — это использование речевого акта совета. Например: *Я советую вам прочитать эту книгу*. Этот речевой акт является прямым, так как он говорит прямо по существу, без какого-либо скрытого смысла или намёков. Юл также полагает, что косвенный речевой акт характеризуется «непрямой связью между функцией и структурой» (Перевод наш. — Нгуен Т. Ш.) (Yule 1996: 55).

Теория речевых актов возникла благодаря наблюдению за особыми типами высказываний, которые выполняют действие при своем осуществлении. Первым это явление заметил Э. Бенвенист в статье 1958 года «Делокутивные глаголы». Он описал глаголы, такие как *Клянусь, Обещаю, Приветствую*, которые в форме 1-го лица настоящего времени не только обозначают действие, но и выполняют его. Вскоре начали изучать не только глаголы, но и целые высказывания-действия, которые стали называть перформативными. Такие высказывания, как *Приветствую вас, Прошу прощения, Обещаю*, выполняют речевой акт в конкретной ситуации общения: «я — ты — здесь — сейчас». Важно помнить, что перформативность работает только в ситуации непосредственного общения «здесь» и «сейчас». Если это условие нарушается, то действие становится описанием, а не самим актом (Формановская 2007: 276–279).

Перформативные высказывания строятся на специальных глаголах, которые выполняют действие, обозначенное самим высказыванием, — перформативных глаголах (например, *обещать, благодарить*). Перформативные глаголы в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» определяются как глаголы, выражающие цель речевого акта (например, *приказывать, обещать, возражать* и др.). Эти глаголы характеризуются функциональной спецификой формы 1-го лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения: высказывание *я обещаю* непосредственно реализует акт обещания. Перформативные глаголы включают в свою семантическую структуру признак выражения коммуникативного намерения в рамках речевого акта. Перформативные глаголы вводятся в «глубинную структуру и всех других типов предложения. Тем самым понятие перформатива получает расширительную интерпретацию, нивелирующую различие между коммуникативным актом и социальной акцией» (ЛЭС 2002: 372–373). Обычно перформативное употребление допускают «только такие предложения, в которых перформативный глагол стоит в 1-м лице настоящего времени, изъявительном наклонении» (Падучева 1985: 21). Вьетнамский исследователь До Хыу Чау пишет, что глагол обладает перформативной силой и функционирует как перформативный, если выполняются следующие условия: он употребляется

от первого лица, выражен в настоящем времени (совпадает с моментом речи), имеет активный залог и находится в изъявительном наклонении (Đỗ Hữu Châu 2007: 98). Ядро прямых речевых актов представлено перформативом, выраженным глаголом в форме первого лица единственного числа настоящего времени, действительного залога и изъявительного наклонения.

Что касается классификации речевых актов, Дж. Остин предложил первую систематизацию, которая заложила основу для дальнейших исследований и разработок в данной области. Он выделил пять типов речевых актов, опираясь на анализ английских перформативных глаголов: вердикативы, экзерситивы, комиссивы, бехабитивы и экспозитивы (Остин 1986: 119–129). Впоследствии Дж. Серль доработал данную классификацию и предложил обновлённую таксономию, включающую следующие категории: репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы и декларативы. К экспрессивам он относил такие речевые акты, как благодарность, извинение, поздравление, приветствие и другие, акцентируя внимание на их иллокутивную цель — выражение психологической установки говорящего по отношению к описываемому событию, «репрезентированному пропозициональным содержанием» (Серль 1986: 183).

Вопросы изучения речевых актов и их национально-культурных особенностей занимают важное место в современной лингвистике. Особое внимание уделяется выражению благодарности как значимой категории общения, отражающей культурные и языковые различия. Например, ряд работ вьетнамских лингвистов посвящены сравнительному анализу выражения благодарности во вьетнамском и английском языках (Ngo Huu Hoang 1998; Phạm Anh Toàn 2013; Doan Van Huan 2005; Đỗ Thị Thúy Vân 2019 и др.) или исследованию благодарности исключительно на материале вьетнамского языка (Nguyễn Thị Lương 2010; Nguyễn Thị Mến 2012 и др.). Единственным доступным исследованием, где проводится сравнительный анализ выражения благодарности во вьетнамском и русском языках в аспекте культуры, является работа «Сравнительный анализ языковых и культурных особенностей выражения благодарности в русском и вьетнамском языках» (Nguyễn Tư Sơn 2015).

В последние десятилетия в русистике появились научные изыскания, где анализируется выражение благодарности с различных точек зрения. Вопросы выражения благодарности в русском языке привлекли внимание многих ученых (Гловинская 1993; Бердникова 2005; Карасик 2011; Михальчук, Ваджибов 2015; Краева 2015; Александрова 2015 и др.). Особый интерес представляют исследования, рассматривающие формы выражения благодарности в разных культурах и их сопоставление в рамках различных лингвокультур, в частности, сравнивались формы выражения благодарности в русском и китайском (Ли Сюэянь 2006; У Бо 2014), английском (Ларина 2009), башкирском (Хисамова, Латыпова 2016), персидском (Носрати 2022) языках и др.

2. Характеристика материала и методов исследования

Проявление благодарности предполагает осознание ценности действия адресата и выражение признательности с использованием устойчивых речевых формул. М. Я. Гловинская отмечает, что семантическая структура глагола «благодарить» включает следующие компоненты: (1) осознание субъектом положительного действия адресата, (2) стремление выразить признательность, (3) возможный дискомфорт без выражения благодарности, (4) использование принятых формул для выражения признательности, (5) цель высказывания — донести до адресата осознание его заслуг (Гловинская 1993). А. Г. Бердникова акцентирует внимание на семантической структуре благодарности, которая включает субъект, предикат, адресат и каузатор. Она выделяет три ключевых признака: (1) полезное действие адресата, (2) положительные эмоции адресата, (3) выражение признательности для демонстрации ценности поступка. Полная структура благодарности включает: субъект + предикат + способ + объект ± каузатор (Бердникова 2005). В. В. Айвазова предлагает структуру фрейма «благодарность», которая включает следующие элементы: субъект (кто?), предикат (благодарит), способ (как?), объект (кого?), каузатор (за что?) (Айвазова 2011). С. С. Краева разрабатывает модель речевого жанра благодарности (РЖБ), рассматривая его как элемент диалогового взаимодействия. Структурно-семантическая модель РЖБ выглядит как: $RJB = \pm S(I) + Pr \pm I \pm O(I) \pm K(I)$, где S — субъект благодарности, Pr — предикат благодарности, I — интенсификатор благодарности, O — объект благодарности, K — каузатор благодарности (Краева 2015).

В настоящей статье рассмотрим далее способы вербального выражения прямых речевых актов благодарности во вьетнамском языке. В этой связи отметим, что структура высказывания, используемая для прямого выражения благодарности, соответствует следующим условиям: (1) содержит один из глаголов, обозначающих благодарность: *cảm ơn, tạ ơn, đỗi ơn, đa tạ, cảm tạ, bái tạ* / благодарить; (2) указанные глаголы применяются с корректным грамматическим значением. Это означает, что глагол *cảm ơn* / благодарить является центральным элементом конструкции, используется в настоящем времени, субъект действия благодарности (говорящий) должен быть в первом лице, а объект действия (слушающий) — во втором лице (Nguyễn Thị Lương 2010). Кроме этого, во вьетнамском языке существуют глаголы и существительные со значением благодарности. Это служит индикатором вербального выражения благодарности прямым способом. Это глаголы *cảm tạ, đa tạ, bái tạ, đỗi ơn, biết ơn* / благодарить. Однако эти глаголы имеют различную эмоциональную окраску. Во-первых, по степени благодарности: они выражают более высокую степень благодарности. Во-вторых, эти слова имеют торжественный, почтительный характер. В-третьих, эти глаголы использовались в древнем вьетнамском языке, когда социальный статус говорящего был ниже, чем слушающего (Nguyễn Thị Mến 2012). Среди глаголов, выражающих значение благодарности, центральную роль занимает

глагол *cảm ơn* / *благодарить*, который широко используется в различных ситуациях — от повседневного общения до литературного стиля речи.

В настоящем исследовании, опираясь на изложенную теорию, проводится анализ употребления прямого речевого акта *cảm ơn* во вьетнамском языке в форме первого лица единственного числа настоящего времени, активного залога, изъявительного наклонения. При этом он сопоставляется с лексемой *благодарю* в русском языке.

В основе данного исследования лежит анализ диалогов и текстовых фрагментов, содержащих выражения прямой благодарности, отобранные из учебников, художественной литературы на вьетнамском языке XX–XXI веков, а также из публицистических текстов. Эмпирическая база исследования включает 150 контекстов на вьетнамском языке. Для проведения сравнительного анализа также рассматриваются выражения благодарности в диалогах из учебников, публицистических текстов и художественных произведений аналогичного периода на русском языке. Методология исследования основывается на применении сравнительного, контекстуального и компонентного методов.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Прямые речевые акты благодарности во вьетнамском языке реализуются в следующих формах высказывания, служащих для вербализации речевого акта.

1. Полная структура высказывания, включающая компоненты: говорящий + слушающий + «*cảm ơn*». Например:

(1) *Hội thoại giữa hai người — cô gái tên Hạnh và cậu bé. Hạnh tiến về phía bàn làm việc, cầm lấy một quả táo chín thơm.* / Диалог между двумя людьми — девушкой по имени Хань и мальчиком. Хань подошла к столу и взяла спелое яблоко.

— *Phần thưởng cho chàng trai dũng cảm, cháu xứng đáng lắm.* / Награда для тебя, храброго мальчика.

— *Cháu cảm ơn cô* (Phan Anh 2019: 66) / *Я благодарю Вас.* (Здесь и далее перевод примеров наш. — Нгуен Т. Ш.).

2. Сокращенные формы полной структуры высказывания:

2.1. «*Cảm ơn*» + слушающий (без указания субъекта)

(2) *Tình huống: hai người bạn nói chuyện với nhau.* / Ситуация: два друга разговаривают:

— *Cảm ơn anh, dù sao cũng cảm ơn anh.* / *Благодарю тебя, всё равно благодарю тебя.*

— *Nếu cô còn nói thế nữa, thì tôi sẽ đứng dậy và bỏ về đấy nhé* (Там же: 49). / *Если ты ещё раз так скажешь, я встану и уйду.*

2.2. Говорящий + «*cảm ơn*» (без указания объекта)

(3) *Dạ không, em cảm ơn. Việc gia đình, em phải tự lo, thưa chị!* (Phan Hồng Nhiên 2008: 37). / *Нет, я благодарю.* Семейные дела я должна решать сама, дорогая сестра!

В энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи» отмечается, что выражение «(Я) Благодарю – стилистически нейтральное, употребительное. Благопожелание за *благо дарю*» (Формановская 2011: 98).

В русском языке представлены структурные формы прямого выражения речевых актов благодарности — от полных до сокращённых, например:

(4) *Конечно, я благодарю вас за то, что вы заметили мои конвульсивные движения и не весьма убедительную жестикуляцию. Но прежде всего я благодарю за эту возможность* (Андрухович 2006);

(5) — *Извините, вы в бога веруете? Извините, что так любопытствую.*

— *Ве-верую. Зачем вам это?*

— *Буквально веруете?*

— *Буквально.*

— *Благодарю. Но вот скажите: чем же бы отличить этих необыкновенных-то от обыкновенных?* (Ганапольская и др. 2015: 28).

3. Расширенная структура высказывания, служащего для выражения благодарности.

Расширенная структура высказывания прямого речевого акта благодарности включает во вьетнамском языке следующие компоненты: говорящий + «*sảm ơn*» + предлог «за» + существительное в винительном падеже или «за то, что» + придаточное предложение, уточняющее причину благодарности.

(6) *Tình huống nói chuyện giữa hai người bạn tên Lim và Hòa. Lim tiễn hòa ra sân ga: / Разговор между двумя друзьями по имени Лим и Хоа. Лим провожает Хоа на вокзал:*

— *Khi nào anh rảnh, anh viết e-mail kể chuyện đi làm cho Lim biết nghe! /*

— *Когда у тебя будет время, напиши мне письмо и расскажи о работе, хорошо?*

— *Chắc chắn rồi! — Hạnh phúc với CD Nguyễn, Lim nhé! / — Обязательно!*

Будьте счастливы с Нгуеном, Лим!

— *Dạ cảm ơn anh vì những gì anh đã giúp em* (Phan Hồn Nhiên 2008: 236). /

— *Благодарю тебя за всё, что ты для меня сделал.*

Приведем другой пример:

(7) — *Chưa bao giờ tôi thấy ai có cái cổ cao và đẹp như cô đây! / — Я никогда прежде не встречал девушки с такой красивой шеей, как у вас!*

— *Cảm ơn lời khen của ông! / — Благодарю за ваш комплимент!* (Там же: 212).

Развернутое объяснение причин благодарности делает её более эмоционально насыщенной. Подобная форма выражения признательности позволяет не только передать чувства, но и подчеркнуть значимость действий или качеств, за которые человек благодарен.

Ср. в русском языке выражения (Я) Благодарю (вас, тебя) за + существительное в винительном падеже — с указанием повода для благодарности, как

правило, за немалую услугу и (Я) *Благодарю (вас, тебя) за то, что...* — стилистически нейтральное, общеупотребительное, с развернутым в придаточной части указанием повода для благодарности (Формановская 2011: 98). Например:

(8) *Благодарю вас за то, что вы не отказали в моей просьбе* (Акишина и др. 2016: 85).

(9) *Уважаемый Семён Ильич! Благодарю Вас за приглашение работать главным инженером* (Там же: 139).

Следует подчеркнуть, что во вьетнамском языке существует множество способов усиления прямого выражения благодарности, которые дополняют конструкции прямых речевых актов благодарности.

4. Использование средств усиления выражения благодарности в прямых речевых актах во вьетнамском языке осуществляется с использованием лексем, обозначающих степень признательности, таких как *vô cùng* / *безмерно*; *rất, lắm* / *очень*; *quá* / *слишком*. Эти слова могут быть расположены как перед глаголом *cảm ơn* / *благодарю*, так и после него, формируя конструкции вида: *vô cùng* / *безмерно*; *rất, lắm* / *очень*; *quá* / *слишком* + *cảm ơn*.

(10) *Siộc nói chuyện giữa hai người bạn tên Chung và Thụy / Разговор между двумя друзьями, Чунг и Ткуи.*

Việc trưa, lúc tan sở, Chung lại tìm Thụy. Chàng cảm động nói với bạn: — Màu mới thật là bạn tốt... Tao cảm ơn mày lắm (Vũ Trọng Phụng 2016: 111) / *В обеденный перерыв, после работы Чунг подошел к Ткуи. Он трогательно сказал другу: — Ты действительно настоящий друг!... Я очень благодарю тебя.*

Использование слов, указывающих на степень благодарности, как в примере (10), позволяет уточнить и усилить эмоциональную окраску высказывания. Такие конструкции делают выражение благодарности более личным и искренним, а также помогают говорящему подчеркнуть глубину своих чувств.

В русском языке также имеются подобные языковые средства, в частности наречие *очень*. Например:

(11) *Целую Вас сердечно, дорогой Яшенька, и очень, очень благодарю* (Седых 1979: 225).

К средствам усиления благодарности во вьетнамском и русском языках можно отнести и фразы *ngàn lần* / *тысячу раз*, *vạn lần* / *десять тысяч раз* + *cảm ơn*.

(12) *Và mỗi lần nhìn con, anh lại thầm nghĩ: «Ngàn lần anh cảm ơn em...».* (Đức Minh 2024) / *И каждый раз, глядя на ребёнка, я про себя повторял: «Тысячу раз благодарю тебя...».*

(13) *Я снова тысячу раз благодарю тебя за все* (Гранин 1987: 82).

Использование числовых выражений, таких как *ngàn lần* / *тысячу раз*; *vạn lần* / *десять тысяч раз* усиливает благодарность, позволяет выразить ее масштаб и искренность. Выражение благодарности в такой форме демонстрирует глубокую признательность, усиливает эмоциональное воздействие высказывания, акцентируя внимание на ценности и важности благодарности.

Для усиления выражения благодарности во вьетнамском языке также используются наречие *trân trọng* / искренне и устойчивое выражение *từ đáy lòng* / от всего сердца (букв. от глубины) + *cảm ơn*. Например:

(14) *Từ đáy lòng mình tôi xin trân trọng cảm ơn ngành Kiểm sát nhân dân đã đào tạo, tạo điều kiện để tôi có được như hôm nay* (Hải Anh 2011). / **От всего сердца я искренне благодарю органы прокуратуры за обучение и поддержку, которые позволили мне добиться того, чего я достиг сегодня.**

Использование выражений, таких как *trân trọng* / искренне или *từ đáy lòng* / (букв. от глубины), подчеркивает теплоту и уважение в выражении благодарности. Данный пример демонстрирует, как искренние слова создают доверительную и уважительную атмосферу.

В русском языке для выражения благодарности существуют устойчивые выражения *от(всей) души; от всего сердца; сердечно благодарю вас (тебя) за... (за то, что...)* — с эмоциональным оттенком, как правило, за важную услугу (Формановская 2011: 98). Например:

(15) — **Сердечно благодарю за передачу, желаю успехов во всем** (Гранин 1987: 83).

5. Использование в прямых речевых актах благодарности модальных частиц: *cảm ơn* + частица *nhé / nha* и *cảm ơn* + частица *ạ*.

Благодарность с модальной частицей *nhé / nha* вьетнамского языка придает фразе оттенок дружеского, неофициального общения. Фраза *cảm ơn anh nhé / благодарю тебя* демонстрирует близкие, неформальные отношения между говорящим и слушающим. Частица *nhé / nha* смягчает форму благодарности, делая её более тёплой и непринуждённой. Например:

(16) *Anh thanh niên làng chỉ một cái cổng gạch nhỏ, quay lại bảo tôi: / Молодой человек показал мне маленькие кирпичные ворота и, обернувшись, сказал мне:*

— *Ngõ này đây, ông Hoàng ở đây. / — Вот этот переулок, Хоанг живёт здесь.*

— *Cảm ơn anh nhé. lát nữa tôi sẽ sang nhà anh chơi* (Nam Cao 2002: 698). / — **Благодарю тебя. Потом я зайду к тебе.**

Также в прямых речевых актах благодарности во вьетнамском языке используется модальная частица *ạ* для выражения вежливости и уважения к старшим, людям с более высоким социальным статусом. Вьетнамцы добавляют частицу *ạ* после глагола *cảm ơn*. Например:

(17) *Cô chưa kịp chào thì chị đã mở lời trước: / Девушка ещё не успела поздороваться, как женщина заговорила первой:*

— *Chào em, sao đứng ngây người ra thế? Em đến nhận công tác phải không? Trẻ quá. Vào đi em. / — Здравствуйте, почему вы стоите как столб? Вы пришли на работу, да? Вы слишком молодая. Заходите.*

Có bình tĩnh, cười gương và lấp bắp: — Dạ... em chào chị... em cảm ơn chị ạ (Trần Thu Hà 2024). / — *Девушка очнулась, натянуто улыбнулась и, заикаясь, сказала: — Да... здравствуйте... благодарю вас.*

В русском языке прямой эквивалент выражений благодарности, включающих частицы *nhé / nha* и *ạ*, отсутствует.

4. Заключение

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что синтаксические структуры выражений прямых речевых актов благодарности во вьетнамском языке характеризуются значительным разнообразием — от полных форм до кратких конструкций. Во всех случаях ядром является перформатив «благодарю», являющийся вербальным экспликатором типа речевого акта. Другие компоненты структуры речевого акта, такие как субъект, объект, причина благодарности или дополнительные элементы, усиливающие степень выражения благодарности, являются факультативными. Эти компоненты, добавляя вариативность, делают вербальную структуру речевого акта более выразительной.

Таким образом, формулу прямого речевого акта благодарности во вьетнамском языке можно представить следующим образом: Прямой речевой акт благодарности = субъект + благодарю + объект + причина + дополнительные компоненты, усиливающие степень благодарности или выражающие эмоции.

Аналогичные структуры, выражающие прямой речевой акт благодарности, существуют и в русском языке. Эти структуры также представлены в полных и сокращённых формах, включая средства, подчеркивающие степень благодарности. При этом ядерный компонент *благодарю* остаётся неизменным.

Различия в плане выражения благодарности в прямых речевых актах во вьетнамском и русском языках имеются в использовании факультативных компонентов структуры речевого акта — слов, выражающих степень благодарности. Эти различия демонстрируют влияние культурных факторов на выбор слов и синтаксических конструкций в речевых актах благодарности, подчёркивая национальную специфику языкового выражения благодарности.

Перспективы исследования связаны с изучением косвенных речевых актов благодарности во вьетнамском языке в сопоставлении с русским языком.

Список литературы / References

- Айвазова В. В.* Когнитивное исследование фрейма-сценария «благодарность» в различных видах англоязычного и немецкоязычного дискурса: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2011. [Aivazova, Valeriya V. (2011) *Kognitivnoe issledovanie freyima-scenarija «blagodarnost'» v razlichnykh vidakh angloyazychnogo i nemetskojazychnogo diskursa: Dis. ... kand. filol. nauk.* (Cognitive Study of the Frame-Schema of “Gratitude” in Different Types of English and German Discourse). PhD Thesis in Philology. Yekaterinburg. (In Russian)].

- Александрова Т. И. Происхождение слов со значением «благодарить» в русском языке // Слово. Предложение. Текст: Анализ языковой культуры. 2015. № 9. С. 66–71. [Aleksandrova, Taisiya I. (2015) Proiskhozhdenie slov so znacheniem «blagodarit'» v russkom yazyke (The Etymology of the Words Meaning ‘To Thank’ in Russian Language). *Slovo. Predlozhenie. Tekst: Analiz yazykovoj kultury*, 9, 66–71. (In Russian)].
- Бердникова А. Г. Речевой жанр благодарности: Когнитивный и семантико-прагматический аспекты: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. [Berdnikova, Anna G. (2005) *Rechevoj zhanr blagodarnosti: Kognitivnyj i semantiko-pragmaticheskij aspekty: Dis. ... kand. filol. nauk* (The Speech Genre of Gratitude: Cognitive and Semantic-Pragmatic Aspects). PhD Thesis in Philology. Novosibirsk. (In Russian)].
- Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / Под ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелева. М.: Наука, 1993. С. 158–218. [Glovinskaya, Marina Y. (1993) Semantika glagolov rechi s tochki zreniya teorii rechevykh aktov (The Semantics of Speech Verbs from the Perspective of Speech Act Theory). In Zemskaya, Elena A., & Shmelev, Dmitrij N. (eds.) *Russkiy yazyk v yego funktsionirovanii. kommunikativno-pragmaticheskij aspekt* (The Russian Language in its Functioning. The Communicative and Pragmatic Aspect). Moscow: Nauka, 158–218. (In Russian)].
- Карасик В. И. Благодарность: концепт и жанр // Жанры речи. 2011. № 7. С. 235–254. [Karasik, Vladimir I. (2011) Blagodarnost': Koncept i zhanr (Gratitude: Concept and Genre). *Speech Genres*, 7, 235–254. (In Russian)].
- Краева С. С. Лингвопрагматические особенности речевого жанра благодарности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2015. [Kraeva, Svetlana S. (2015) *Lingvopragmaticheskie osobennosti rechevogo zhanra blagodarnosti: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* (Linguo-Pragmatic Features of the Speech Genre of Gratitude: Extended Abstract of PhD Thesis in Philology). Chelyabinsk. (In Russian)].
- Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. [Larina, Tat'yana V. (2009). *Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikacii: Sopostavlenie anglijskikh i russkikh lingvokul'turnykh tradicij* (The Politeness Category and Communication Style: A Comparison of English and Russian Linguocultural Traditions). Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur. (In Russian)].
- Ли Сюэянь. Русский речевой этикет и концепт «благодарность» с позиции носителей китайского языка // Русский язык за рубежом. 2006. № 1. С. 61–67. [Li Xueyan (2006). Russkij rechevoj etiket i koncept «blagodarnost'» s pozicii nositelej kitajskogo yazyka (Russian Speech Etiquette and the Concept of “Gratitude” from the Perspective of Chinese Speakers). *Russian Language Abroad*, 1, 61–67. (In Russian)].
- Михальчук Т. Г., Ваджибов М. Д. Этикетная ситуация «Благодарность» в русской художественной литературе и в полилингвальных условиях разговорной речи [Электронный ресурс] // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2015. № 11. С. 77–82. URL: <https://s.esrae.ru/wnews/pdf/2015/11/208.pdf> (дата обращения: 22.11.2025). [Mikhalchuk, Tamara G., & Vadzhibov, Malik D. (2015) Etiketnaya situaciya «blagodarnost'» v russkoj khudozhestvennoj literature i v polilingval'nykh usloviyakh razgovornoj rechi (The Etiquette Situation “Gratitude” in Russian Fiction and Multilingual Conversational Contexts). *Nauka. Mysl'*, 11, 77–82. Retrieved from <https://s.esrae.ru/wnews/pdf/2015/11/208.pdf> (2025, November 22) (In Russian)].
- Носрати А. Речевой акт благодарности в русской и персидской лингвокультурах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14. Вып. 2. С. 54–62. [Nosrati, Ardalan. (2022) Rechevoj akt blagodarnosti v russkoj i persidskoj

- lingvokulturakh (The Speech Act of Gratitude in Russian and Persian Linguacultures). *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 14 (2), 54–62. (In Russian)]. DOI:10.17072/2073–6681–2022–2 54–62.
- Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов: Сб. науч. трудов / Общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129. [Austin, John L. (1986) Slovo kak dejstvie (Word as Action). In Gorodeckij, Boris Yu. (ed.) *Novoe v zarubezhnoj lingvistike: Vyp. 17. Teoriya rechevyh aktov* (New in Foreign Linguistics: Speech Act Theory Vol. 17). Moscow: Progress, 22–129. (In Russian)].
- Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука, 1985. [Paducheva, Elena V. (1985) *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu* (Utterance and its Relationship with Reality). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов: Сб. науч. трудов / Общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 151–222. [Searle, John R. (1986) Chto takoe rechevoy akt? Kosvennye rechevye akty (What is a Speech Act? Indirect Speech Acts). In Gorodeckij, Boris Yu. (ed.) *Novoe v zarubezhnoj lingvistike: Vyp. 17. Teoriya rechevyh aktov* (New in Foreign Linguistics: Speech Act Theory Vol. 17). Moscow: Progress, 151–222. (In Russian)].
- У Бо. Речевой жанр благодарности в русском языке (в сопоставлении с китайским) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2014. № 3. С. 158–167. [Wu Bo. (2014) Rechevoj zhanr blagodarnosti v russkom yazyke (v sopostavlenii s kitajskim) (The Speech Genre of Gratitude in Russian Compared with Chinese). *Lomonosov Philology Journal*, 3, 158–167. (In Russian)].
- Формановская Н. И. Речевое взаимодействие. Коммуникация и прагматика. М.: Икар, 2007. [Formanovskaya, Natal'ya I. (2007) *Rechevoe vzaimodejstvie. Kommunikatsiya i pragmatika* (Speech Interaction. Communication and Pragmatics). Moscow: Ikar. (In Russian)].
- Хисамова Г. Г., Латыпова Л. М. Этикетные речевые жанры в аспекте межкультурной коммуникации (на материале русского и башкирского языков) // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21. № 2. С. 360–364. [Khisamova, Galiya G., & Latypova, Lena M. (2016). Etiketnye rechevye zhanry v aspekte mezhkul'turnoj kommunikacii (na materiale russkogo i bashkirskogo yazykov) (Etiquette Speech Genres in Aspect of Intercultural Communication Based on Russian and Bashkir Languages). *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*, 21 (2), 360–364. (In Russian)].
- Austin, John L. (1962) *How to Do Things with Words: The William James Lectures Delivered at Harvard University in 1955*. Cambridge: Harvard University Press.
- Doan, Van Huan (2005) *Expressing Gratitude by Native Speakers of English and Vietnamese Learners of English*. Hanoi: ULIS.
- Ngo, Huu Hoang. (1998) *A Cross-Cultural Study on Thanking and Responding to Thanks in English and Vietnamese*. Hanoi: ULIS.
- Pham, Anh Toan (2013) The Influence of Social Distance on Expressions of Gratitude in Vietnamese. *The Internet Journal Language, Culture and Society*, 36, 88–111.
- Searle, John R. (1969) *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Yule, George (1996) *Pragmatics*. Oxford: Oxford University Press.
- Đỗ, Hữu Châu. Đại cương ngôn ngữ học tập 2: Ngữ dụng học. Hà Nội: NXB Giáo dục, 2007. [Do, Huu Chau (2007). *Introduction to Linguistics. Vol. 2: Pragmatics*. Hanoi: Educational Publishing House (In Vietnamese)].
- Đỗ, Thị Thúy Vân. Hành vi cảm ơn và hồi đáp cảm ơn trong tiếng Anh và tiếng Việt. Hà Nội: Học viện khoa học xã hội, 2019. [Do, Thi Thuy Van (2019) *Expressing Gratitude and Responding to Gratitude in English and Vietnamese*. Hanoi: Academy of Social Sciences (In Vietnamese)].

- Nguyễn, Thị Lương. Các hình thức cảm ơn trực tiếp của người Việt // Tạp chí Ngôn ngữ. 2010. № 3. Tr. 14–22. [Nguyen, Thi Luong (2010) Direct Forms of Thanking by Vietnamese Speakers. *Journal of Linguistics*, 3, 14–22 (In Vietnamese)].
- Nguyễn, Thị Mến. Các chức năng ngữ dụng của lời cảm ơn tiếng Việt // Tạp chí Ngôn ngữ và đời sống. 2012. № 7 (201). Tr. 8–14. [Nguyen Thi Men (2012) Pragmatic Functions of Thanking In Vietnamese. *Journal of Language and Life*, 7 (201), 8–14 (In Vietnamese)].
- Nguyễn, Tu Sơn. Đối chiếu đặc điểm ngôn ngữ–văn hóa hành vi cảm ơn trong tiếng Nga và tiếng Việt. Huế: Đại học Huế, 2015. [Nguyen, Tu Son (2015) *A Contrastive Study of Linguistic and Cultural Characteristics of Thanking in Russian and Vietnamese*. Hue: Hue University (In Vietnamese)].

Словари / Dictionaries

- ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. 2-е изд., доп. М.: Большая российская энциклопедия, 2002. [Yartseva, Viktoriya N. (ed.) (2002) *Linguisticheskij Entsiklopedicheskij Slovar'* (Linguistic Encyclopaedic Dictionary), 2nd ed. revised. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. (In Russian)].
- Формановская Н. И. Благодарность // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. 3-е изд., испр. Москва: Флинта: Наука, 2011. [Formanovskaya, Natal'ya I. (2011). *Blagodarnost'* (Gratitude). In Ivanov, Leonid Yu., Skovorodnikov, Aleksandr P., & Shiryaev, Evgenij N. et al. (eds.) *Kul'tura Russkoj Rechi: Enciklopedicheskij Slovar'-Spravochnik* (Culture of Russian Speech: An Encyclopedic Reference Dictionary), 3rd ed., revised. Moscow: Flinta: Nauka (In Russian)].

Источники языкового материала / Language material resources

- Акишина А. А., Формановская Н. И., Акишина Т. Е. Этикетные выражения в русском языке. М.: Русский язык, 2016. [Akishina, Alla A., Formanovskaya, Natal'ya I., & Akishina, Tat'yana E. (2016) *Etiketnye vyrazheniya v russkom yazyke* (Etiquette Expressions in Russian). Moscow: Russkij Yazyk. (In Russian)].
- Андрухович Ю. Европа — мой невроз [Электронный ресурс] // Фонд либеральная миссия, 26.03.2006. URL: https://liberal.ru/from_liberal_point_of_view/evropa-moj-nevroz?utm_source (дата обращения: 20.01.2025). [Andrukhovich, Yuri. (2006) *Evropa — moy nevroz* (Europe — My Neurosis). *Fond liberal'naya missiya* (Liberal Mission Foundation). Retrieved from: https://liberal.ru/from_liberal_point_of_view/evropa-moj-nevroz?utm_source. (2025, January 20) (In Russian)].
- Гананольская Е. В., Задорина А. И., Голубева А. В. Россия: характеры, ситуации, мнения. Книга для чтения. Вып. 3. СПб: Златоуст, 2015. [Ganapol'skaya, Elena V., Zadorina, Alyona I., & Golubeva, Anna V. (2015) *Rossiya: Kharaktery, Situacii, Mneniya. Kniga dlya Chteniya. Vyp. 3* (Russia: Characters, Situations, Opinions. A Reader, Vol. 3). Saint Petersburg: Zlatoust. (In Russian)].
- Гранин Д. А. Зубр: Повесть. Ленинград: Сов. писатель, 1987 [Электронный ресурс]. URL: https://www.t-z-n.ru/archives/graninZubr.pdf?utm_source (дата обращения: 20.08.2025). [Granin, Daniil A. (1987) *Zubr: Povest'* (The Bison: A Story). Leningrad: Sovetskii Pisatel'. Retrieved from: https://www.t-z-n.ru/archives/graninZubr.pdf?utm_source (2024, December 20). (In Russian)].
- Седых А. Далекие, близкие. Нью-Йорк: Новое русское слово, 1979. [Sedykh, Andrei. (1979). *Dalekie, blizkie* (Distant, Close). New York: Novoe Russkoe Slovo. (In Russian)].

- Đức, Minh. Ngàn lần cảm ơn em. *Báo Thanh niên*. 03.07.2012. [Duc Minh (2012) A Thousand Thanks to You. *Thanh Nien*. Retrieved from: <https://thanhvien.vn/ngan-lan-cam-on-em-18560839.htm> (2025, April 06) (In Vietnamese)].
- Hải, Anh. Từ đáy lòng, tôi cảm ơn ngành Kiểm sát. *Báo bảo vệ pháp luật*. 10.06.2011. [Hải, Anh. (2011) From the Bottom of My Heart, I Thank the Prosecution Sector. *Bao Ve Phap Luat*. Retrieved from: <https://baovephapluat.vn/kiem-sat-24h/ban-tin-kiem-sat/tu-day-long-toi-cam-on-nganh-kiem-sat-24929.html>. (2025, June 06). (In Vietnamese)].
- Nam, Cao. Đôi Mắt. Tuyển tập Nam Cao. Hà Nội: NXB Văn học, 2002 [Nam, Cao (2002) *The eyes (The Collected Works of Nam Cao)*. Hanoi: Literature Publishing House (In Vietnamese)].
- Phan Anh. Bởi vì ta thuộc về nhau. Hà Nội: NXB Thanh Niên, 2019. [Phan, Anh (2019) *Because We Belong Together*. Hanoi: Youth Publishing House (In Vietnamese)].
- Phan, Hồn Nhiên. Công ty. Hà Nội: NXB Trẻ, 2008. [Phan, Hon Nhien (2008) *The Company*. Hanoi: Young Publishing House (In Vietnamese)].
- Trần, Thu Hà. Ngày đầu tiên. *Báo Quảng Ngãi*. [Tran, Thu Ha (2025) *The First Day*. *Quang Ngai*. Retrieved from <https://baoquangngai.vn/van-hoa/van-hoc/202411/truyen-ngan-ngay-dau-tien-7683ed1/> (2025, April 06). (In Vietnamese)].
- Vũ, Trọng Phụng. Máu mê. Tuyển tập Vũ Trọng Phụng. Hà Nội: NXB Văn Học, 2016. [Vu Trong Phung (2016) *Blood Passion (Selected Works of Vu Trong Phung)*. Hanoi: Literature Publishing House (In Vietnamese)].

УДК 81'25

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-59-74

РЕАЛИЗАЦИЯ ТЕКСТООБРАЗУЮЩИХ КАТЕГОРИЙ В МАШИННОМ ПЕРЕВОДЕ

О. В. Петрова, М. Ю. Родионова

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

В статье рассматривается проблема воспроизведения в машинном переводе таких свойств текста, как цельность и связность. Анализируются причины их нарушения и проявления этих нарушений на примере конкретных переводов, выполненных разными программами автоматического перевода. Показано, что в основе этого лежит неспособность машины воспринимать текст как единое структурно-семантическое и коммуникативное целое, все компоненты которого объединены многочисленными внутритекстовыми связями, а также отсутствие понимания машиной всех видов контекста. Контекст для программы зачастую ограничивается предметной областью текста, а когерентность и когезия в некоторых случаях не выходят за рамки абзаца. Показано, что эти категории нарушаются даже в пределах одного предложения. Результатом неспособности машины выявлять внутритекстовые связи становится их некорректное воспроизведение в переводе. Неверно установленные и неверно воспроизведенные внутритекстовые связи в ряде случаев приводят к содержательным и смысловым ошибкам, которые могут скрываться за внешне правильной формой. Кроме того, распространение машинного перевода, часто используемого без постредактирования, приводит к постепенному разрушению самого понятия «текст». Занятия по анализу текста выявляют у студентов-переводчиков те же проблемы восприятия, что и у компьютерных программ: многие студенты не соотносят значения слов и логических коннекторов с контекстом, не видят контекста за пределами абзаца, не воспринимают текст в контексте внеязыковой ситуации, затрудняются в выявлении внутритекстовых связей. Необходимо целенаправленно учить студентов восприятию текста, показывая на примере переведенных машиной текстов, к чему может приводить нарушение основных текстообразующих категорий.

Ключевые слова: текст; контекст; текстообразующие категории; когерентность; когезия; внутритекстовые связи.

Цитирование: Петрова О. В., Родионова М. Ю. Реализация текстообразующих категорий в машинном переводе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 4 (72). С. 59–74. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-59-74.

Coherence and Cohesion in Machine Translation

Olga V. Petrova, Maria Yu. Rodionova

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

This paper addresses the problem of reproducing such fundamental textual properties as coherence and cohesion in machine translation. The research material consists of texts translated by three different computer translation programs, which are analyzed in order to identify the causes and consequences of a machine's inability to adequately reproduce these text-forming categories. The study demonstrates that the principal reason for violations of textuality lies in the machine's inability to perceive a text as a unified structural, semantic, and communicative whole whose components are interconnected by numerous intra-textual links. An additional factor is the machine's inability to comprehend context in its full complexity. For most computer programs, context is often reduced to the subject domain of the text, while coherence and cohesion may, in some cases, be maintained only at the sentence level. In other instances, these categories are violated even within a single paragraph. As a result of the machine's failure to identify intra-textual links, such links are frequently reproduced incorrectly in translation. Erroneously established or inadequately rendered intra-textual connections may lead to distortions of content and meaning, which are sometimes concealed behind an apparently correct grammatical or lexical form. Moreover, the widespread use of automatic translation, often without post-editing, contributes to the gradual erosion of the very notion of the "text" as a coherent and cohesive communicative unit. The paper also draws attention to pedagogical implications of these findings. Classroom experience in text analysis reveals that translation students often demonstrate perceptual difficulties similar to those of computer programs: they fail to relate word meanings and logical connectors to the broader context, do not perceive coherence beyond the paragraph level, overlook the extra-linguistic situation of the text, and experience difficulties in identifying intra-textual links. The study emphasizes the importance of deliberately teaching students to perceive texts as integrated wholes, using machine-translated texts as illustrative examples of the consequences that arise from violations of basic text-forming categories.

Key words: text; context; text-forming categories; coherence; cohesion; intra-textual links.

Citation: Petrova, Olga V., & Rodionova, Maria Yu. (2025) Coherence and Cohesion in Machine Translation. *LUNN Bulletin*, 4 (72), 59–74. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-59-74.

1. Введение

Качество машинного перевода анализируется в многочисленных работах, авторы которых расходятся в оценках его сегодняшнего состояния и перспектив его развития. Но так или иначе все, от энтузиастов до скептиков, признают, что при несомненных успехах нейросетевого перевода результаты пока далеки от совершенства. Все признают, что в подавляющем большинстве случаев использовать компьютерный перевод без постредактирования нельзя. Постредактирование постепенно превращается в самостоятельную профессию, и, говоря о требованиях, которые сегодня предъявляются к постредакторам, А. Н. Малявина, В. В. Сдобников и А. А. Шеронов отмечают, что, «помимо знаний и компетентности, которые ожидаются от каждого переводчика и редактора, специалист в области ПРМП должен разбираться в типах ошибок, которые присущи

именно машинному переводу» (Малявина, Сдобников, Шеронов 2025: 91). Поэтому вполне естественно, что многие исследователи обращаются к изучению, классификации и типологизации ошибок, характерных для переводов, выполненных компьютерными программами.

Авторы статей отмечают, что проблемы часто возникают с семантикой, «так как при переводе семантических конструкций необходимы базы данных, которые в настоящее время не разработаны. Помимо этого, немалые затруднения вызывают переводы сложных грамматических, синтаксических и лексических конструкций» (Переходько, Мячин 2017: 96). Исследователи выделяют лексические (непереведенность отдельных лексических единиц или их неверный перевод), морфологические (неверные формы числа, падежа, времени, наклонения, степени сравнения, неправильный выбор предлогов), синтаксические ошибки (неправильное расположение слов в предложении) (Кочеткова, Ревина 2017: 109). Близкую классификацию приводит и П. С. Митин, анализирующий переводы с арабского языка: синтаксические, семантические, лексические и морфологические ошибки (Митин 2021).

В качестве недостатков отмечают неспособность программ обеспечить точную передачу идиом, грамматики и разговорных выражений (Качалова, Лишацкая 2022: 233). И даже признавая, что в ряде случаев программа способна создать полный перевод исходного текста без фактических и содержательных ошибок, исследователи констатируют, что пока еще не удастся достичь адекватной степени идиоматичности и аутентичности переводного текста (Павлова, Рябова 2022: 258).

Оценивая степень приемлемости машинных переводов, авторы статей отмечают, что она оказывается разной при переводе разных типов текстов. По мнению ряда авторов, наилучших результатов при использовании машинного перевода можно достичь в случае текстов, написанных в техническом и официально-деловом стиле (Митин 2021; Ртищева 2017). И если в отношении технических текстов с этим мнением согласны не все, то неспособность компьютерных программ переводить художественные тексты практически ни у кого не вызывает сомнений. Объясняют это разными причинами — как общими для проблем машинного перевода, так и спецификой художественного текста. Так, Е. С. Фидельская отмечает значительное количество ошибок грамматического, лексического и стилистического характера, затрудняющих выполнение художественной задачи (Фидельская 2019: 86). И. И. Абдулганеева отмечает, что «особые трудности для перевода представляют национально-маркированные и эмоционально-экспрессивные единицы, дериваты со словообразовательными формантами интенсификации, а также предикативные конструкции сослагательного наклонения, эллиптические конструкции» (Абдулганеева 2022: 5). В наличии «образных выражений, слов в переносных значениях, метафор, метонимий, инвертированных синтаксических конструкций, неполных предложений и других стилистических приемов

и изобразительных средств» видит основную трудность при машинном переводе художественных текстов Е. М. Литвинова (Литвинова 2012: 63).

При всем разнообразии задач, которые ставят перед собой исследователи, типов текстов и языковых пар все приведенные мнения и оценки объединяет одно: авторы большинства работ практически все проблемы видят в трудностях передачи тех или иных единиц — лексических, грамматических или стилистических. И даже в случае перевода художественных текстов речь все равно идет о проблемах передачи каких-то единиц, а не текста как такового. Показательно, что в тех немногочисленных случаях, когда проводятся достаточно масштабные эксперименты с переводом художественных текстов (как, например, в Университете Массачусетса в Амхерсте [Thai, Karpinska, Krishna, Ray, Inghilleri, Wieting, et al. 2022]) и полученные в ходе этих экспериментов результаты высоко оцениваются (Губайловский 2022), речь идет лишь о переводе фрагментов текста, но никак не целостных текстов.

Судя по всему, о практическом использовании машинного перевода для художественных текстов сегодня речь всерьез не идет. Но в любом случае и научные, и технические, и публицистические тексты являются именно текстами, с присущими им текстовыми характеристиками, а поэтому естественно ожидать, что в результате их перевода должен также получиться именно текст, а не набор отдельных более или менее удачно переведенных предложений. Поэтому представляется интересным посмотреть, как справляются компьютерные программы с сохранением текстуральности, т. е. с воссозданием в переводе основных текстообразующих категорий.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом для исследования послужили переводы целостных публицистических текстов, выполненные программами *Google Translate*, *DeepL* и «Яндекс Переводчик». Полученные переводы анализировались с точки зрения сохранения в них основных текстообразующих категорий.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Став объектом специального лингвистического изучения в середине XX века, текст с тех пор получил множество научных определений. По свидетельству О. Н. Копытова, уже к 1990-м годам насчитывалось около 250 таких определений (Копытов 2011: 150). Эту же цифру, со ссылкой на В. А. Пищальникову и Ю. А. Сорокина (Пищальникова, Сорокин 1993), приводит М. В. Воронец, объясняя это как сложностью и разнообразием текстов, так и разнообразием подходов к изучению самого этого понятия (Воронец 2021).

Самое общее определение текста дает «Лингвистический энциклопедический словарь»: текст — это «объединённая смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность

и цельность» (ЛЭС 1990: 507). И. Р. Гальперин в своем ставшем классическим определении текста пишет: «Текст — это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» (Гальперин 2006: 18).

Характеризуя разные подходы к изучению текста, Г. Я. Солганик отмечает, что для лингвистики текст — «это результат целенаправленного речевого творчества, целостное речевое произведение», в котором «особенно важно подчеркнуть целостность как одну из главных особенностей текста» (Солганик 2005: 8).

Обобщая многочисленные исследования, посвященные выявлению сущности текста и его основных характеристик, А. А. Кожанов и Г. Н. Россихина пишут: «Многие отечественные лингвисты считают основными свойствами текста цельность, связность и отдельность» (Кожанов, Россихина 2013: 84).

Поскольку текст «выступает одновременно явлением лингвистическим, психологическим, семиотическим и даже физическим, имея особое синтаксическое, просодическое, прагматическое и в целом коммуникативное строение», в аспекте перевода необходимо учитывать не только чисто лингвистические его характеристики (Пищальникова, Сонин 2017: 265). Особое значение приобретает рассмотрение текста как инструмента коммуникации, при котором на первый план выдвигается «необходимость введения для его исследования особых единиц и категорий, связанных в современной лингвистике с понятием текстуальности» (там же: 272).

Очевидно, что при таком разнообразии подходов к определению самого понятия «текст» разными оказываются и наборы выделяемых категорий, получивших название текстообразующих. Так, И. Р. Гальперин выделяет следующие категории: информативность, членимость, когезия (понимаемая им как внутритекстовые связи), континуум, автосемантия отрезков текста, ретроспекция и проспекция, модальность, интеграция и завершенность текста (Гальперин 2006). Л. Н. Мурзин и А. С. Штерн считают основными свойствами текста связность и цельность (Мурзин, Штерн 1991). Н. С. Валгина рассматривает в качестве основных конструктивных признаков текста целостность и связность, объясняя это тем, что текст как объект лингвистического исследования является прежде всего информационным и структурным единством, т. е. функционально завершенным речевым целым (Валгина 2003: 29). В. Дресслер и Р.-А. де Богранд уточняют понятие связности, вводя, наряду с когезией, когерентность, а также называют такие категории, как информативность, интенциональность и восприимчивость (*intentionality and acceptability*), ситуативность и интертекстуальность (De Beaugrande, Dressler 1981).

При этом, как отмечают В. А. Пищальникова и А. Г. Сонин, в центре внимания большинства исследователей оказываются «категории **когерентности / цельности / целостности** (относимой к плану содержания текста) и **когезии / связности** (план выражения)» (Пищальникова, Сонин 2017: 272). Сохранение именно этих характеристик при переводе текста и представляется интересным проверить в первую очередь.

Исходная гипотеза состояла в том, что любая компьютерная программа как при порождении текста, так и при переводе создает тексты, в которых нарушены текстообразующие категории. Эту гипотезу подтвердил ИИ. Нейросети *ChatGPT* были заданы два вопроса: 1. Может ли ИИ при порождении текста нарушать текстообразующие категории? 2. Могут ли нарушать текстообразующие категории программы машинного перевода?

Были получены следующие ответы:

1	2
<p>Искусственный интеллект (ИИ), особенно в контексте генерации текста, может нарушать текстообразующие категории по нескольким причинам:</p> <p>1. Отсутствие понимания контекста: ИИ не обладает истинным пониманием языка или контекста, как это делает человек. Он основывается на шаблонах и статистических вероятностях, что может привести к неуместным или несогласованным высказываниям.</p> <p>2. Генерация без логики: Иногда ИИ может создавать текст, который грамматически правильный, но лишен логической последовательности или смыслового содержания. Это может проявляться в виде нелепых или абсурдных утверждений.</p> <p>3. Ограниченность обучающего материала: Модели обучаются на больших объемах текстов, и если в этих данных присутствуют ошибки, предвзятости или неуместные примеры,</p>	<p>Да, программы машинного перевода могут нарушать текстообразующие категории по нескольким причинам:</p> <p>1. Проблемы с контекстом: Машинный перевод может не учитывать контекст, в котором используется фраза или слово. Это может привести к неправильному переводу, который не соответствует смыслу оригинала.</p> <p>2. Лексические и грамматические ошибки: Перевод может содержать ошибки в выборе слов или грамматических конструкциях, что делает текст трудным для понимания или даже абсурдным.</p> <p>3. Культурные различия: Машинный перевод может не учитывать культурные особенности и идиоматические выражения, что может привести к переводу, который звучит неестественно или неправильно в целевом языке.</p> <p>4. Стиль и тон: Программы перевода могут не передавать стиль и тон оригинального текста, что может изменить восприятие сообщения.</p>

<p>это может отразиться на качестве генерируемого текста.</p> <p>4. Креативность и оригинальность: ИИ может генерировать оригинальные идеи, но зачастую они могут не соответствовать установленным жанровым или стилистическим нормам, что также может восприниматься как нарушение текстообразующих категорий.</p> <p>5. Этические и культурные аспекты: ИИ может не учитывать культурные и этические нормы, что может привести к созданию текста, который воспринимается как оскорбительный или неуместный.</p>	<p>Например, формальный текст может быть переведен в разговорный стиль, что нарушает его текстообразующую категорию.</p> <p>5. Сложные структуры: Некоторые языки имеют сложные синтаксические структуры, которые трудно адекватно перевести. Это может привести к потере смысла или изменению структуры предложения.</p> <p>6. Неоднозначность: Слова и фразы могут иметь несколько значений, и машинный перевод может выбрать неправильное значение, что также нарушает текстообразующие категории.</p>
<p>Эти факторы подчеркивают сложность и многообразие языка, а также ограничения современных технологий ИИ.</p>	<p>Таким образом, хотя программы машинного перевода значительно улучшились за последние годы, они все еще могут сталкиваться с проблемами, которые влияют на качество и точность перевода.</p>

Обращение к ИИ объясняется не верой в его способность постичь некую абсолютную истину, а тем, что он отбирает и обобщает то, что по запрашиваемой теме пишут и публикуют в интернете. Таким образом, ответы ИИ отражают основные мнения и выводы, содержащиеся в научных статьях и докладах. Сформулированные в такой краткой форме, они позволяют понять, каковы преобладающие в научном сообществе взгляды на интересующую нас проблему.

Чтобы проверить обоснованность ответа насчет нарушения текстообразующих категорий при генерировании текстов, достаточно обратиться к такому сообщению, сгенерированному ИИ (*AL Overview Google*):

◆ AI Overview

Книги Хайнлайна были переведены на английский язык, потому что они были написаны на английском языке в первую очередь. [Роберт А. Хайнлайн](#) был американским писателем-фантастом и переводил свои книги на английский язык самостоятельно.

ИИ нашел информацию о том, что Роберт Хайнлайн был американским писателем и писал на английском языке, но при этом генерирует текст, в котором одновременно сообщает, что его книги на этот язык переводились, причем переводил их он сам.

Первая из названных причин нарушения текстуальности явно не срабатывает: дело не в отсутствии понимания контекста — ИИ в данном случае сам его себе создал. Что касается логики, то здесь два, казалось бы, взаимоисключающих случая: ИИ устанавливает причинно-следственную связь между тем, что книги были написаны на английском языке, и тем, что они на английский язык переводились, и одновременно на основе того, что Хайнлайн был американским писателем, инферирует — в терминологии М. Е. Коровкиной и А. Л. Семёнова (Коровкина, Семенов 2022) — то, что он переводил книги на английский язык самостоятельно. Причины этого в процитированном ответе, который дал *ChatGPT*, не называются: просто констатируется вероятность логических нарушений.

Не оправдывается и третье объяснение — ограниченность обучающего материала. В данном случае материала было явно достаточно, но связность текста при этом нарушена. Нельзя генерирование такого текста объяснить и остальными двумя причинами — креативностью и отсутствием учета этических факторов.

Итак, из всего, что на вопрос о нарушении текстуальности при генерировании текста ответил ИИ, остается только сам факт такой возможности. Попытка сформулировать причины не удалась: дело, очевидно, в чем-то другом.

Посмотрим на ответы, которые *ChatGPT* дал по поводу нарушений текстуальности при переводе. Три из них — первый, второй и шестой — фактически сводятся к употреблению неверных слов, в результате ли ошибочного выбора лексико-семантического варианта (ЛСВ), являющегося лексическим соответствием определенного слова оригинала, или просто в результате неверно найденного соответствия. Не очень понятен смысл пятого ответа, поскольку предполагается, что все синтаксические структуры исходного языка (особенно «сложные», т. е. специфичные для данного языка) в базе у машинного переводчика должны быть. Но, так или иначе, речь опять идет об ошибках в передаче отдельных единиц — на этот раз грамматических.

Что касается шестого ответа, объясняющего возможные ошибки неоднозначностью слов и фраз, то здесь дело обстоит несколько сложнее. Сказать, что, если в базе будут все значения слова, машина обязательно выберет правильное, нельзя по меньшей мере по двум причинам. Первая — непонимание машиной контекста, а вторая — неспособность машины учитывать цель перевода. Сегодня, когда перевод все чаще становится потребностноориентированным (Шамилов 2023), получатель ждет не просто понятного текста, а текста, соответствующего его конкретным запросам. А узкопрофессиональных словоупотреблений в базе чаще всего нет, на что указывает О. И. Кузьмин, который пишет, что сегодня в машинном переводе необходим индивидуальный подход, т. е. «фокусировка

внимания на частных случаях употребления» (Кузьмин 2021: 51). Получатель же воспринимает отклонения от узкопрофессионального узуса как лексическую ошибку.

К тексту как таковому в какой-то степени относятся третий и четвертый ответы, в которых говорится, что машина может не учитывать культурные особенности текста и его стилистические характеристики. Действительно, без учета культурных особенностей текста невозможна адекватная адаптация текста к инокультурному реципиенту. Как отмечают А. Ю. Ивлева и Е. А. Кузнецова, «переводчик играет роль медиатора культур, благодаря которому достигается оказание такого воздействия на получателя, какое оригинал оказывает на адресата. Личность переводчика при этом проявляется через отбор языковых средств и переводческих приемов, делающих возможным перевыражение текста для иноязычного реципиента» (Ивлева, Кузнецова 2024: 60). Неправильный выбор таких средств действительно может привести к нарушению связности текста.

Понятно, что автоматический переводчик не обладает личностью. Однако *ChatGPT* в своем ответе ссылается на наличие идиоматических выражений, что опять возвращает нас к ошибкам в передаче отдельных единиц. К тому же идиоматические выражения для конкретной пары языков, так же как и синтаксические структуры, предположительно, должны быть в базе.

В целом ответы ИИ подтверждают обоснованность впечатления, что при анализе недостатков машинного перевода исследователи концентрируются на ошибках в передаче отдельных единиц.

Посмотрим на ситуацию с точки зрения воспроизведения машиной текстуальности, и в первую очередь тех текстообразующих категорий, в наличии и важности которых сходится большинство исследователей: когерентности / цельности / целостности и когезии / связности.

Отмеченная ИИ неспособность воспринимать контекст действительно приводит к появлению ошибок. И речь здесь идет о любых видах контекста — широком, узком, лингвистическом, ситуативном, имплицитном. Показательны в этом отношении ошибки, допущенные программой «Яндекс Переводчик» при переводе статьи о фильме Чаплина «Новые времена».

В описываемой сцене дело происходит на заводе:

*There are many delicious, yet profoundly pertinent moments, like his natural desire to snatch a moment's respite from **the belt** and steal a smoke in the men's room. The **televised image of the scowling man in the front office flashes on the wall** with a command to drop that cigarette and get back to work.*

«Яндекс Переводчик»:

*Здесь много восхитительных, но в то же время очень уместных моментов, например, его естественное желание на минутку отвлечься от **ремня** и украдкой покурить в мужском туалете. **Телевизионное изображение хмурого мужчины***

в приемной стряхивает пепел на стену, приказывая бросить сигарету и вернуться к работе.

Слово *belt* до этого в тексте уже встречалось, причем в контексте, не оставляющем сомнений в том, что это конвейер:

After screwing the bolts in the ever-faster belt, which attains a lunatic speed at the bidding of the polished, well-clad gentleman in the executive's office, Charlie goes in as crazy the tempo.

Машина, не воспринимая контекста, в обоих случаях выбрала вариант *ремень*. Но если получатель перевода на основе контекста в первом случае понял, что речь идет о конвейере, то он и повторное употребление слова *ремень* воспримет как обозначающее тоже конвейер. Нарушения когерентности не произошло.

Хуже обстоит дело с переводом второго предложения. Здесь уже происходит искажение смысла, действительно приводящее к нарушению когерентности. Теряется связь между героем, находящимся в уборной, и телевизионным изображением, якобы находящимся в чьей-то приемной. Непонятно, какой пепел на какую стену это изображение стряхивает и каким образом что-то приказывает. Действительно, среди множества значений глагола *to flash* есть такое, которое с натяжкой может означать стряхивание чего-то. Но оно никак не вписывается в контекст ситуации, описание которой в предыдущем предложении сама машина уже воспроизвела. Можно лишь предположить, что на выбор этого значения повлияло наличие в том же предложении слова *cigarette*, в результате чего было добавлено слово *пепел*. В итоге сцена описана как разворачивающаяся в приемной, где чье-то телевизионное изображение стряхивает пепел на стену. Таким образом, выбор варианта перевода основывался не на самом тексте, а на не имеющих никакого отношения к этому тексту содержащихся в базе ассоциативных связей между словами. Связи же телевизионного изображения с тем, где в это время находится и что делает герой фильма, машина не видит и, следовательно, не отражает в переводе.

Примеров того, что машина не воспринимает контекст, много. И в большинстве случаев это действительно приводит к нарушению когерентности. Но нарушение когерентности в переводе может возникать не из-за непонимания машиной контекста, а из-за того, что она неверно устанавливает внутритекстовые связи в тексте оригинала. Показателен в этом отношении перевод следующего фрагмента из статьи о необходимости пересмотреть правила присуждения Нобелевской премии:

*But talk to scientists in private, and many will grumble. The Nobels are a great way to get people interested in science, they'll say, and it's good that we have them. But there have been strange omissions, with people who should have won a prize denied. The grumpiest complain that despite the glitz of the prizes, and the ensuing media attention in articles like this one, **the rules that govern them** no longer reflect the way modern science works.*

Google Translate:

*Но поговорите с учеными наедине, и многие будут ворчать. Нобели — отличный способ заинтересовать людей наукой, скажут они, и хорошо, что они у нас есть. Но были странные упущения, когда людям, которые должны были выиграть приз, было отказано. Самые сварливые жалуются, что, несмотря на блеск призов и последующее внимание средств массовой информации к статьям, подобным этой, **правила, которыми они управляют**, больше не отражают то, как работает современная наука.*

При всем несоответствии *Нобелей* и *выигрывания призов* узусу русского языка общий смысл был бы понятен, если бы не ошибка в переводе *the rules that govern them*. Можно, конечно, говорить о грамматических проблемах — об отсутствии падежных форм у местоимений в английском языке и их наличии в русском. Но этой ошибки не было бы, если бы машина воспринимала смысловые связи. В оригинале местоимение *them* может относиться либо к *The Nobels*, либо к *prizes*, которые ничем управлять не могут. Компьютер же соотнес это местоимение с *scientists* (либо с *the grumpiest*), в результате чего они превратились в деятелей, управляющих с помощью каких-то правил. Случай, когда нарушение внутритекстовых связей привело к нарушению смысла.

Конечно, все ошибки перевода так или иначе проявляются в использовании неверных единиц. Но, как уже было показано, это не всегда приводит к нарушению текстообразующих категорий. Поэтому значительно важнее понять, чем эти ошибки бывают вызваны. Так, например, одно и то же предложение исходного текста (*Instead, its uniforms will be promoted as gender neutral, **even removing packaging** if the colour signifies a gender divide*) Google Translate и DeepL перевели по-разному, но в обоих случаях неверно:

Google Translate:

*Вместо этого его униформа будет продвигаться как гендерно-нейтральная, **даже если будет удалена упаковка**, если цвет означает гендерное разделение.*

DeepL:

*Вместо этого школьная форма будет рекламироваться как гендерно нейтральная, **даже с упаковкой**, если ее цвет указывает на разделение полов.*

Смысл этих двух переводов получился противоположный, но в обоих случаях противоречащий оригиналу. В переводе Google Translate получается, что школьная форма будет рекламироваться и продаваться как гендерно нейтральная, **несмотря на возможное удаление упаковки**, а в переводе DeepL — что это будет происходить, **несмотря на возможное наличие упаковки**. Ни та, ни другая программа не соотнесла удаление упаковки со способом продвижения товара как гендерно нейтрального. И дело здесь не в неспособности машины воспринять контекст. Дело опять в неспособности выявить внутритекстовые связи.

Во многих случаях ошибки в восприятии машиной средств когезии бывают не столь очевидными и действительно создают возможность неверного понимания смысла.

Оригинал:

For years, people searched for traces of the frogs. Scientists ran extensive surveys, and pastors offered rewards to their congregants for anyone that could find one.

Google Translate:

В течение многих лет люди искали следы лягушек. Ученые проводили обширные опросы, а пасторы предлагали своим прихожанам вознаграждение за каждого, кто мог их найти.

Ошибки в машинном переводе многообразны. Помимо уже обсуждавшихся, можно назвать нестабильность в передаче одних и тех же имен собственных, использование разных лексических соответствий для обозначения одного и того же предмета, варьирование при переводе на русский язык местоимений мужского и женского рода по отношению к одному и тому же человеку и многое другое. Все это нарушает когерентность текста. Но главное не перечень конкретных лексических или грамматических ошибок, а понимание основных причин, лежащих в их основе: неспособность программ-переводчиков воспринимать текст как единое структурное, смысловое и коммуникативное целое и неспособность воспринимать сам текст как существующий в определенном ситуативном контексте.

Рассматривая роль контекста для полноценного понимания и воспроизведения текста при переводе, О. Б. Лукманова пишет, что переводчик должен извлекать из текста «дополнительные смыслы, возникающие в результате многообразных связей между различными внутритекстовыми и внетекстовыми элементами», которые образуют внутритекстовые и межтекстовые ассоциативно-смысловые цепочки (Лукманова 2023: 284). Совершенно очевидно, что компьютерный переводчик этого делать не может. Не случайно, говоря о задачах в развитии машинного перевода, О. И. Кузьмин выделяет смысловую связность текста как один из главных критериев оценки качества переведенного текста (Кузьмин 2021: 41).

4. Заключение

В основе большинства ошибок, допускаемых программами компьютерного перевода, лежит неспособность машины воспринимать текст как единое структурно-семантическое и коммуникативное целое, все компоненты которого объединены многочисленными и многообразными внутритекстовыми связями. При несомненном улучшении качества машинного перевода в текстах продолжают встречаться ошибки, многие из которых вызваны тем, что машина воспринимает и переводит не текст, а последовательность существующих как бы вне контекста слов, словосочетаний и грамматических форм. Понятие контекста для

программы зачастую ограничивается предметной областью текста, а когерентность и когезия в некоторых случаях не выходят за рамки абзаца и могут нарушаться даже в пределах одного предложения. В результате переведенный текст не всегда является текстом в собственном, терминологическом смысле этого слова. И у этого есть два последствия. Во-первых, неверно установленные и / или неверно воспроизведенные внутритекстовые связи в ряде случаев приводят к содержательным и смысловым ошибкам, которые могут скрываться за внешне правильной формой. Во-вторых, все большее распространение машинного перевода, часто используемого без постредактирования, приводит к постепенному разрушению самого понятия «текст». Занятия по анализу текста со студентами выявляют у них те же проблемы, что и у компьютерных программ: многие не соотносят значения слов и логических коннекторов с контекстом, не видят контекста за пределами абзаца, не воспринимают текст в контексте внеязыковой ситуации, затрудняются в выявлении внутритекстовых связей.

Поскольку нет оснований ожидать, что в ближайшее время проблемы с текстуральностью машинного перевода будут разрешены, необходимо целенаправленно учить студентов восприятию текста, в том числе используя машинный перевод для иллюстрации того, к чему может приводить нарушение основных текстообразующих категорий.

Список литературы / References

- Абдулганеева И. И.* К вопросу о специфике перевода текстов художественного дискурса: возможен ли машинный перевод? // Переводчик 2030: обучение профессионально ориентированному переводу в меняющемся мире. Сборник научных статей международной научно-практической конференции, приуроченной к празднованию Дня преподавателя перевода. Одинцово: МГИМО, 2022. С. 5–10. [Abdulganeeva, Irina I. (2022) К вопросу о специфике перевода текстов художественного дискурса: возможен ли машинный перевод? (On the Issue of the Specifics of Translation of Literary Discourse Texts: is Machine Translation Possible?). In *Perevodchik 2030: obuchenie professional'no orientirovannomu perevodu v menyayushchemsya mire. Sbornik nauchnyh statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, priurochennoj k prazdnovaniyu Dnya prepodavatelya perevoda* (Translator 2030: Training in Professionally Oriented Translation in a Changing World: A collection of scientific articles from the international scientific and practical conference dedicated to the celebration of Translation Teacher's Day). Odintsovo: MGIMO, 5–10. (In Russian)].
- Валгина Н. С.* Теория текста. Москва: Логос, 2003. [Valgina, Nina S. (2003) *Teoriya teksta* (The Theory of the Text). Moscow: Logos. (In Russian)].
- Воронец М. В.* Теория текста. [Электронный ресурс]. Барнаул: АлтГПУ, 2021. URL <https://library.altspu.ru/dc/pdf/voronec1.pdf> (дата обращения: 24.05.2025). [Voronec, Mariya V. (2021) *Teoriya teksta* (The Theory of the Text). Retrieved from: <https://library.altspu.ru/dc/pdf/voronec1.pdf> (2025, May 24). Barnaul: AltGPU. (In Russian)].

- Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Москва: КомКнига, 2006. [Galperin, Iya R. (2006) *Tekst kak ob'kt lingvisticheskogo issledovaniya* (Text as an Object of Linguistic Research). Moscow: KomKniga. (In Russian)].
- Губайловский В. А. Машина учится делать переводы художественных текстов. Получается совсем неплохо [Электронный ресурс] // Сетевое издание TechInsider. 9.11.2022. URL <https://www.techinsider.ru/technologies/news-1565203-ii-perevodit-literaturnye-proizvedeniya-i-pochti-ne-ustupaet-cheloveku-perevodchiku/> (дата обращения: 22.05.2025). [Gubajlovskij, Vladimir A. (2022) *Mashina uchitsya delat' perevody hudozhestvennyh tekstov. Poluchaetsya sovsem neploho* (The Machine is Learning to Translate Literary Texts. It's Doing Quite Well). *Setevoe izdanie TechInsider*. Retrieved from: <https://www.techinsider.ru/technologies/news-1565203-ii-perevodit-literaturnye-proizvedeniya-i-pochti-ne-ustupaet-cheloveku-perevodchiku/> (2025, May 22). (In Russian)].
- Ивлева А. Ю., Кузнецова Е. А. Личность переводчика как фактор межкультурной коммуникации при переводе публицистических текстов // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2024. Вып. 4 (68). С. 57–75. [Ivleva, Alina Yu., & Kuznecova, Ekaterina A. (2024) *Lichnost' perevodchika kak faktor mezhkul'turnoj kommunikacii pri perevode publicisticheskikh tekstov* (The Translator's Personality as a Factor of Intercultural Communication in Translating Journalistic Texts). *LUNN Bulletin*, 4 (68), 57–75. (In Russian)]. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-68-4-57-75.
- Качалова М. К., Лихацкая Н. В. Машинный перевод художественной литературы // Science and Technology Research — 2022. Сборник статей V Международной научно-практической конференции. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2022. С. 230–233. [Kachalova, Marina K., & Lihackaya, Natal'ya V. (2022) *Mashinnyj perevod hudozhestvennoj literatury* (Machine Translation of Fiction). In *Science and Technology Research — 2022. Sbornik statej V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* (Science and Technology Research — 2022. Collection of articles of the V International scientific and practical conference). Petrozavodsk: Mezhdunarodnyj centr nauchnogo partnerstva «Novaya Nauka», 230–233. (In Russian)].
- Кожанов А. А., Россихина Г. Н. Лингвистическое понятие текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 9 (27). В 2-х ч. Ч. 1. С. 83–87. [Kozhanov, Aleksandr A., & Rossihina, Galina N. (2013) *Lingvisticheskoe ponyatie teksta* (Linguistic Concept of Text). *Philology. Theory and Practice*, 9 (27), 83–87. (In Russian)].
- Копытов О. Н. О фундаментальных категориях текста // Вестник ИГУ. 2011. № 3 (15) С. 149–157. [Kopytov, Oleg N. (2011) *O fundamental'nyh kategoriyah teksta* (On the Fundamental Categories of the Text). *The Bulletin of Irkutsk State University*, 3 (15), 149–157. (In Russian)].
- Коровкина М. Е., Семёнов А. Л. Инферирование и функциональный подход к тексту: на материале синхронного перевода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. № 13 (2). С. 337–352. [Korovkina, Marina E., & Semyonov, Arkadij L. (2022) *Inferirovanie i funkcional'nyj podhod k tekstu: na materiale sinhronnogo perevoda* (Inferencing and Functional Approach to Text: Based on Simultaneous Interpreting). *RUDN of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13 (2), 337–352. (In Russian)]. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-337-352.
- Кочеткова Н. С., Ревина Е. В. Особенности машинного перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6 (72). В 3-х ч. Ч. 2. С. 106–109. [Kochetkova, Natal'ya S., & Revina, Elena V. (2017) *Osobennosti mashinnogo perevoda* (The Features of Machine Translation). *Philology. Theory and Practice*, 6 (72), 106–109. (In Russian)].
- Кузьмин О. И. Перспективы современных систем машинного перевода // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 1 (53). С. 41–52. [Kuz'min, Oleg I. (2021) *Perspektivy sovremennyh sistem*

- mashinnogo perevoda (Modern Machine Translation Systems: Trends and Prospects). *LUNN Bulletin*, 1 (53), 41–52. (In Russian)]. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-53-1-41-52.
- Литвинова Е. М. Машинный перевод. Москва: НОУ ВПО «МГТА», 2012. [Litvinova, Ekaterina M. (2012) *Mashinnyj perevod* (Machine Translation). Moscow: NOU VPO «MGTA». (In Russian)].
- Лукманова О. Б. Вертикальный контекст в русских переводах детективных романов Дороти Л. Сэйерс // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 4 (64). С. 282–303. [Lukmanova, Ol'ga B. (2023) Vertikal'nyj kontekst v russkih perevodah detektivnyh romanov Doroti L. Sejers (The Vertical Context in Russian Translations of Detective Novels by Dorothy L. Sayers). *LUNN Bulletin*, 4 (64), 282–303. (In Russian)]. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-64-4-282-303.
- Малявина А. Н., Сдобников В. В., Шеронов А. А. Постредактирование машинного перевода: теоретический и дидактический аспекты // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 1 (69). С. 84–100 [Malyavina, Anna N., Sdobnikov, Vadim V., & Sheronov, Anton A. (2025) Postredaktirovanie mashinnogo perevoda: teoreticheskij i didakticheskij aspekty (Machine Translation Post-Editing: Theoretical and Didactic Issues). *LUNN Bulletin*, 1 (69), 84–100. (In Russian)]. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-69-1-84-100.
- Митин П. С. Типичные ошибки машинного перевода общеполитической лексики (на примере перевода прессы арабской республики Египет) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2021. № 1. С. 17–34. [Mitin, Pavel S. (2021) Tipichnye oshibki mashinnogo perevoda obshchepolicheskoy leksiki (na primere perevoda pressy arabskoj respubliky Egipet) (Typical Errors in Machine Translation of Sociopolitical Vocabulary: a Case Study of Translations of Egypt's Mass Media). *Moscow University Translation Studies Bulletin*, 1, 17–34. (In Russian)].
- Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск: изд-во Урал. ун-та, 1991. [Murzin, Leonid N., & Shtern, Alla S. (1991) *Tekst i ego vospriyatie* (The Text and its Perception). Sverdlovsk: izd-vo Ural. un-ta. (In Russian)].
- Павлова О. Ю., Рябова М. Ю. Типология ошибок в машинном переводе // Полилингвальность современной культуры: Сборник статей Международной научной конференции в рамках I Международного научно-образовательного форума «Филологическая наука и образование в Кузбассе». Кемерово: КемГУ, 2022. С. 247–258. [Pavlova, Oksana Yu., & Ryabova, Marina Yu. (2022) Tipologiya oshibok v mashinnom perevode (Typology of Errors in Machine Translation). In *Polilingval'nost' sovremennoj kul'tury: Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii v ramkah I Mezhdunarodnogo nauchno-obrazovatel'nogo foruma «Filologicheskaya nauka i obrazovanie v Kuzbasse»* (Polylinguality of Modern Culture. Collection of Articles of the International Scientific Conference within the Framework of the 1st International Scientific and Educational Forum “Philological Science and Education in Kuzbass”). Кемерово: KemSU, 247–258. (In Russian)].
- Переходько И. В., Мячин Д. А. Оценка качества компьютерного перевода // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 2. С. 92–96. [Perekhod'ko, Irina V., & Myachin, Dmitriy A. (2017) Ocenka kachestva komp'yuternogo perevoda (Evaluation of the Quality of Computer Translation). *OSU Bulletin*, 2, 92–96. (In Russian)].
- Пищальникова В. А., Сорокин Ю. А. Введение в психопэтику. Барнаул: Изд-во АГУ, 1993. [Pishchal'nikova, Vera A., & Sorokin, Yuriy A. (1993) *Vvedenie v psihopoetiku* (Introduction to Psychopoetics). Barnaul: iz-vo AGU. (In Russian)].
- Пищальникова В. А., Сонин А. Г. Общее языкознание. Москва: Р.Валент, 2017. [Pishchal'nikova, Vera A., & Sonin, Aleksandr G. (2017) *Obshchee yazykoznanie* (General Linguistics). Moscow: R.Valent. (In Russian)].

- Ртищева Н. Г.* Оценка качества работы систем машинного перевода // Решетневские чтения: Материалы Международной науч.-практ. конф., посвящ. памяти генерального конструктора ракетно-космических систем академика Михаила Федоровича Решетнева. Красноярск: СибГУ им. М. Ф. Решетнева, 2017. Вып. 21 (2). С. 704–705. [Rtishcheva, Natal'ya. G. (2017) Ocenka kachestva raboty sistem mashinnogo perevoda (Evaluation of the Quality of Machine Translation Systems). *Reshetnevskie chteniya: Materialy` Mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konf., posvyashh. pamyati general'nogo konst-ruktora raketno-kosmicheskix sistem akademika Mixaila Fedorovicha Reshetneva* (Reshetnev readings: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, dedicated to in memory of Academician Mikhail Fedorovich Reshetnev, General Designer of Rocket and Space Systems). Krasnoyarsk: SibGU im. M. F. Reshetneva, 21 (2), 704–705. (In Russian)].
- Солганик Г. Я.* К определению понятий «текст и «медiateкст» // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. № 2. С. 7–15. [Solganik, Grigorij Ya. (2005) K opredeleniyu ponyatij «tekst» i «mediatekst» (On the Definition of the Concepts of “text” and “media text”). *Lomonosov Journalism Journal*, 2, 7–15. (In Russian)].
- Фидельская Е. С.* Оценка эффективности систем машинного перевода в работе с текстом художественного стиля // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Ульяновск: УлГУ, 2019. С. 83–89. [Fidel'skaya, Ekaterina S. (2019) Ocenka effektivnosti sistem mashinnogo perevoda v rabote s tekstem hudozhestvennogo stilya (Evaluation of the Effectiveness of Machine Translation Systems in Working with Artistic Text). In *Aktual'nye problemy lingvistiki i lingvodidaktiki. Materialy IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Actual Problems of Linguistics and Linguodidactics. Proceedings of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference). Ulyanovsk: UIGU, 83–89. (In Russian)].
- Шамилов Р. М.* Что такое потребностноориентированный перевод? // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 1 (61). С. 116–135. [Shamilov, Raviddin M. (2023) Chto takoe potrebnostno-orientirovannyj perevod? (What Is a Needs-Centered Translation?). *LUNN Bulletin*, 1 (61), 116–135. (In Russian)]. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-61-1-116-135.
- De Beaugrande, Robert, & Dressler, Wolfgang U. (1981) *Introduction to text linguistics*. London & New York: Longman. Retrieved from: https://www.academia.edu/31596533/Introduction_to_Text_Linguistics (2025, May 28).
- Thai, Katherine, Karpinska, Marzena, Krishna, Kalpesh, Ray, Bill, Inghilleri, Moira, Wieting, John & Iyyer, Mohit. (2022) *Exploring Document-Level Literary Machine Translation with Parallel Paragraphs from World Literature*. Retrieved from: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2210> (2025, May 25).

Словари / Dictionaries

- ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с. [Yartseva, Viktoriya N. (ed.) (1990) *Linguisticheskij Entsiklopedicheskij Slovar'* (Linguistic Encyclopaedic Dictionary), Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russian)].

УДК 81'27

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-75-90

**ИРОНИЧЕСКАЯ ПОХВАЛА
КАК ИНСТРУМЕНТ НЕПРЯМОЙ КОММУНИКАЦИИ**
(на материале автобиографической повести
Джеральда Даррела *My Family and Other Animals*)

В. А. Тырыгина, В. В. Никифорова

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

В центре внимания статьи так называемая непрямая коммуникация, т. е. содержательно осложненная коммуникация, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании. К актам непрямой коммуникации относятся высказывания, содержащие ироническую похвалу. В них похвала выходит за рамки ее традиционного восприятия как исключительно позитивного оценочного высказывания и используется как буфер для смягчения негативной оценки. Особое внимание уделяется исследованию механизмов, посредством которых ироническая похвала — комплексный речевой акт, соединяющий два разнородных явления (похвалу и иронию), — одновременно реализует два логически несовместимых плана: похвалу и критику. Актуальность изучения феномена иронической похвалы связана со смещением фокуса интереса современной лингвистики в сторону реального функционирования языка. В работе показывается, что переход от языковых значений компонентов высказывания к их речевым смыслам требует интерпретативных усилий адресата. Целью работы является лингвистическое описание похвалы в непрямой коммуникации, направленное на выявление структурных, семантических, лексических, стилистических и прагматических особенностей данного феномена. Объектом исследования являются высказывания похвалы в актах непрямой коммуникации. Предметом — лексико-грамматические, семантические, коммуникативно-прагматические характеристики иронической похвалы. В качестве материала исследования использовалась повесть *My Family and Other Animals* Джеральда Даррела (Gerald Malcolm Durrell) Исследование феномена иронической похвалы во всей его полноте обеспечивается широким спектром методов синтаксического, лексического, семантического, прагматического, контекстуального и социолингвистического анализа. В результатах исследования предлагается описание механизма формирования имплицатуры, лежащей в основе иронической похвалы. В предлагаемой работе утверждается и показывается следующее: сущность иронического высказывания состоит в одновременном существовании и взаимопроникновении двух семантических планов: эксплицитного и имплицитного. На эксплицитном уровне происходит оценка ценностного потенциала субъекта и объекта иронии, при этом формально предпочтение отдается объекту. Однако на имплицитном уровне осуществляется корректировка, которая устанавливает превосходство субъекта.

Ключевые слова: непрямая коммуникация; похвала; ирония; интенция; план выражения; план содержания; имплицатура.

Цитирование: Тырыгина В. А., Никифорова В. В. Ироническая похвала как инструмент непрямой коммуникации (на материале автобиографической повести Джеральда Даррела *My Family and*

Other Animals) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 4 (72). С. 75–90. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-75-90.

**Ironic Praise as a Tool of Indirect Communication
(Based on the Autobiographical Novel
My Family and Other Animals by Gerald Durrell)**

Valentina A. Tyryguina, Vera V. Nikiforova

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The article examines the phenomenon of indirect communication, understood as a meaning-rich form of interaction in which the interpretation of an utterance involves meanings that are not explicitly verbalized. One manifestation of indirect communication is ironic praise. In such speech acts, praise goes beyond its traditional interpretation as an exclusively positive evaluative statement and functions as a mitigating device that softens or masks negative evaluation. The paper focuses on the mechanisms underlying ironic praise as a complex speech act that combines two heterogeneous phenomena, praise and irony, and simultaneously realizes two logically incompatible semantic planes: praise and criticism. The relevance of studying ironic praise is linked to the growing interest in modern linguistics in the actual use of language in discourse. The study demonstrates that the transition from the linguistic meaning of utterance components to their contextualized speech sense requires active interpretive effort on the part of the addressee. The aim of the study is to provide a linguistic description of praise in indirect communication by identifying its structural, semantic, lexical, stylistic, and pragmatic features. The object of the research is the expression of praise in acts of indirect communication, while the subject comprises the lexical, grammatical, semantic, communicative, and pragmatic characteristics of ironic praise. The research material is drawn from the autobiographical novel *My Family and Other Animals* by Gerald Malcolm Durrell. The investigation employs a comprehensive methodological framework, including syntactic, lexical, semantic, pragmatic, contextual, and sociolinguistic analysis, which allows the phenomenon of ironic praise to be examined in its entirety. The results of the study offer a detailed description of the mechanism responsible for generating the implicature underlying ironic praise. It is shown that the essence of an ironic utterance lies in the simultaneous coexistence and interaction of two semantic planes: explicit and implicit. On the explicit level, the axiological potential of the subject and object of irony is evaluated, with the object being formally presented as preferred. On the implicit level, however, a corrective reinterpretation takes place that establishes the subject's evaluative superiority.

Key words: indirect communication; praise; irony; intention; plan of expression; plan of content; implicature.

Citation: Tyryguina, Valentina A., & Nikiforova, Vera V. (2025) Ironic Praise as a Tool of Indirect Communication (Based on the Autobiographical Novel *My Family and Other Animals* by Gerald Durrell). *LUNN Bulletin*, 4 (72), 75–90. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-75-90.

1. Введение

Переход от структуралистской к антропоцентрической парадигме, акцентирующей роль человеческого фактора в языке, обуславливает повышенный интерес к субъективным категориям, к числу которых относятся оценка и эмоция.

Оценочные и эмотивные высказывания являются репрезентациями субъективного опыта и отражают когнитивные процессы, лежащие в основе восприятия, категоризации и интерпретации мира. Изучение этих высказываний способствует расширению знаний о ментальных моделях, фреймах и концептуальных метафорах, посредством которых осуществляется осмысление реальности.

Оценка и эмоция являются неотъемлемыми компонентами речевого высказывания, содержащего похвалу, которая находится в фокусе внимания в настоящей статье.

Современные лингвистические исследования, как правило, рассматривают похвалу, ее семантические и прагматические особенности преимущественно в актах прямой коммуникации — коммуникации, в которой план содержания и план значения совпадают. Однако существует явный дефицит работ, посвященных исследованию похвалы в актах непрямо́й коммуникации. Непрямо́й коммуникация, согласно В. В. Дементьеву, охватывает такие речевые явления, «при использовании и интерпретации которых как в повседневной речевой практике, так и во вторичных (книжных, официальных) речевых сферах общения недостаточны правила языка...» (Дементьев 2001: 4). «Непрямо́й коммуникацией», говорит В. В. Дементьев, «мы предлагаем называть содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» (Дементьев 2006: 6).

К некоторым примерам непрямо́й коммуникации можно отнести косвенные извинения, комплименты и оскорбления; системы организации неинформативного фатического общения типа *small talk*, эвфемизмы и криптонимы (Дементьев 2006: 189–232, 2018).

Анализ фактического языкового материала свидетельствует о том, что выражения, формально соответствующие словарным дефинициям похвалы, далеко не всегда реализуют прагматическую функцию искренней позитивной оценки. В ряде случаев такие высказывания могут использоваться для достижения совершенно иных коммуникативных целей, таких как ирония, сарказм, манипуляция или смягчение критики. Таким образом, существующие конвенциональные определения похвалы не всегда адекватно отражают ее реальное функционирование в речевой коммуникации.

Данный пробел в лингвистическом знании указывает на необходимость проведения дальнейших исследований, направленных на изучение многоаспектности и гибкости феномена похвалы как коммуникативного инструмента, а также на переосмысление ее дефиниций с учетом контекстуальных и прагматических факторов.

Человеческое познание не является нейтральным актом регистрации информации, а, напротив, пронизано оценочными суждениями. В процессе познания

человек не просто воспринимает мир, но и постоянно интерпретирует, классифицирует и оценивает его через призму своих субъективных переживаний, культурных норм и личных убеждений. Процесс познания и восприятия мира, включающий как рациональные, так и эмоциональные и образные аспекты, обусловлен оценочной активностью индивида, которая проецируется на языковую систему. Язык предоставляет инструменты для концептуализации, категоризации, абстракции и рефлексии, расширяя наши когнитивные возможности. По определению В. И. Кодухова, «язык обслуживает познавательную деятельность, помогая оформить мысли и закрепить знания, передать их» (Кодухов 1987: 36).

Язык как социальное явление выполняет множество функций. Одной из них является экспрессивная (или оценочная) функция. Эта функция связана со способностью человека не только передавать, обрабатывать и хранить информацию, но и выражать эмоции и субъективные оценки этой информации. Согласно психолингвистическим исследованиям, язык по своей природе эмоционален, и утверждения об эмоциональной, или, в лингвистических терминах, эмотивной, нейтральности следует признать несостоятельными. Любое высказывание, продуцируемое индивидом, несет в себе определенную эмоциональную окраску, степень выраженности которой варьируется в зависимости от коммуникативной ситуации. «Наряду с закреплением результатов познавательной деятельности в языке должны получать выражение различные переживания и состояния субъекта, его отношение к окружающему, к другим людям и самому себе» (Кукушкина 1984: 232).

Ключевыми лингвистическими средствами передачи эмоций и отношения являются модальные значения, реализующиеся через различные языковые формы (Шунейко 2024: 25). Именно эти языковые формы отбираются говорящим для передачи (выражения) своего психологического и эмоционального состояния. Язык осуществляет свою эмотивную функцию посредством разнообразных выразительных средств. К ним относятся вводные элементы, модальные частицы, междометия, лексические единицы с эмотивной, экспрессивной или стилистической коннотацией, тропы, а также аффиксальные образования, несущие оценочную нагрузку. Просодические средства, такие как порядок слов и интонация, также играют существенную роль в передаче эмоциональных состояний, включая радость, восхищение и гнев. В. А. Маслова характеризует эмотивные и оценочные высказывания следующим образом:

«Оценочные высказывания — адресант выражает свое мнение или оценку о чем-то или ком-то;

Эмотивные высказывания — адресант оказывает эмоциональное воздействие на адресата» (Маслова 2023: 48, 57).

Одним из примеров оценочных эмотивных высказываний являются высказывания похвалы.

Согласно Серлу, «хвалить» означает давать положительную оценку чему-либо (Searle 1969: 151). Иллокутивный глагол *praise* относится к той же категории, что и глаголы *commend*, *laud*, *extol*, *express approval* и *recommend*, которые подразумевают семантику положительной оценки (Searle 1976: 1).

«Русский семантический словарь» определяет похвалу как «одобрительный отзыв о ком-нибудь или чём-нибудь» (Шведова 2023: 294).

В *Cambridge Dictionary* похвала — это *words you say to show that you admire someone or something* (слова, которые вы говорите, чтобы показать, что вы восхищаетесь кем-то или чем-то) (Cambridge Dictionary).

В «Психологической энциклопедии» похвала определяется как «искреннее одобрение, которое подразумевает как информирование о правильности совершенного действия, так и положительную оценку этого действия. Общеизвестно, что похвала оказывает влияние на поведение. Она один из наиболее часто используемых подкрепителей в самых различных ситуациях» (Корсини, Ауэрбах 2006: 1037].

К интенциям похвалы можно отнести следующие: выражение одобрения; поддержка; мотивация; укрепление отношений. Практически все эти интенции выделяет в своей работе В. В. Леонтьев (Леонтьев 1999).

Похвала представляет собой положительную оценку качеств, поступков или достижений другого человека. Она имеет глубокие психологические и социальные корни, играя важную роль в формировании личности и поддержании социальных отношений. В рамках социолингвистических исследований экспрессивные речевые акты, в частности похвала, рассматриваются в тесной взаимосвязи с категорией вежливости. Первые исследования, например работа Итакуры (Itakura 2013: 134), выдвинули предположение о функциональности похвалы в личных беседах как стратегии позитивной вежливости, способствующей укреплению межличностных связей в контексте неформальной коммуникации. Эта концепция поддерживается в трудах Брауна, Левинсона (Brown, Levinson 1987: 101–105) и Холмса (Holmes 1988: 462). Согласно Силверстейну, коммуниканты обладают имплицитным пониманием социокультурных норм и конвенций, определяющих взаимосвязь между лингвистическими формами и их функциональной нагрузкой в конкретном социальном контексте (Silverstein 2003). Выбор конкретных языковых средств для выражения похвалы как проявления вежливости детерминирован сложным комплексом факторов, включающих культурные установки, социальные роли и ситуативные особенности.

Вместе с тем в рамках социальной психологии, по утверждению Н. И. Семечкина, похвалу можно рассматривать как один из методов межличностного влияния, используемого для достижения своих целей (Семечкин 2023: 215–216). Семантически похвала представляет оценочно-информативный тип высказывания,

посредством которого выражается положительная оценка, однако некоторые исследования позволяют прийти к выводу, что ситуативно «похвала может быть средством и бескорыстной поддержки, и манипуляции» (Семечкин 2023: 217).

Вышеупомянутые утверждения вызывают интерес к такому неоднозначному феномену, как похвала.

С точки зрения семантики похвала представляет собой акт положительной оценки, направленной на атрибуты объекта (лица, предмета, действия, ситуации), которые говорящий считает достойными одобрения. Эта оценка может быть выражена эксплицитно, с помощью лексических единиц, непосредственно указывающих на положительную характеристику, или имплицитно, через контекстное выражение восхищения, удовлетворения или уважения.

Высказывания похвалы обладают ярко выраженной аксиологической (ценностной) нагрузкой. Они несут в себе положительную оценку и устанавливают определенную иерархию ценностей, демонстрируя, что именно говорящий считает важным и достойным одобрения. Эта аксиологическая оценка может быть связана как с объективными критериями, так и с субъективными предпочтениями.

Похвала всегда имеет референциальный объект, т. е. направлена на конкретный предмет, лицо или событие. Эта референциальная направленность определяет содержание высказывания и его специфику. Семантическая составляющая похвалы может варьироваться по степени интенсивности. Оценка может быть умеренной, выраженной или превосходной. Эта интенсивность определяется выбором лексических средств, а также использованием усилителей и квантификаторов.

В высказываниях похвалы часто используется лексика с положительной коннотацией, включая оценочные прилагательные, наречия, существительные, а также фразеологизмы и устойчивые выражения, несущие в себе позитивный смысл. Выбор лексики определяет эмоциональный тон и стилистическую окраску высказывания.

Синтаксическая структура высказываний похвалы может варьироваться от простых декларативных предложений до сложных развернутых конструкций, включающих вводные слова, придаточные предложения и обособленные обороты. Эта синтаксическая вариативность обеспечивает выразительность и структурную гибкость высказываний похвалы.

Для выражения похвалы могут использоваться различные стилистические приемы, такие как метафоры, гиперболы, сравнения, анафоры и эпитеты, что создает более яркий и выразительный эффект.

Лексические, синтаксические и стилистические особенности высказываний похвалы демонстрируют их многогранность и сложную лингвистическую природу. Эти особенности обеспечивают похвале не только оценочную, но и коммуникативно-прагматическую функцию, делая ее важным инструментом в межличностной и социальной коммуникации.

В данной статье похвала будет рассматриваться в ситуациях, которые противоречат ее положительной семантике и служат инструментом выражения критической оценки действий и поступков адресата или результата его деятельности, т. е. похвала становится частью стилистического приема иронии, когда ее эксплицитное значение противоречит имплицитному. Критическое замечание, замаскированное под похвалу, помогает снизить сопротивление адресата и сделать негативную оценку психологически более приемлемой для него.

Целью работы является лингвистическое описание похвалы в непрямой коммуникации, направленное на выявление структурных, семантических, лексических, стилистических и прагматических особенностей данного феномена. Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи: дать определение понятиям «похвала» и «ирония» с точки зрения семантики, лингвистики и психологии; выявить лингвистические маркеры иронической похвалы (иронии в форме похвалы) на различных языковых уровнях (лексическом, грамматическом, стилистическом, просодическом); определить прагматические функции иронической похвалы, включая регулятивную, оценочную и манипулятивную функции.

Объектом исследования являются высказывания похвалы в актах непрямой коммуникации. Предметом — лексико-грамматические, семантические, коммуникативно-прагматические характеристики иронической похвалы.

2. Характеристика материалов и методов исследования

Для анализа было выбрано произведение Джеральда Даррела (Gerald Malcolm Durrell) *My Family and Other Animals*. Эта автобиографическая книга рассказывает о детстве Джеральда Даррела на греческом острове Корфу в 1930-х годах. Десятилетний Джерри, как его зовут в семье, переезжает на остров вместе со своей эксцентричной семьей: матерью, старшими братьями Ларри (писателем) и Лесли (любителем оружия), а также сестрой Марго (модницей). Члены семьи Даррел постоянно попадают в неловкие и комичные ситуации. Книга также рассказывает о необычных отношениях между членами семьи Даррел, показывая их со всеми их достоинствами и недостатками.

Данное произведение представляет особый интерес для лингвистического исследования, так как именно ирония является ключевым элементом авторского стиля и играет важную роль в формировании юмористической тональности всего повествования. Она позволяет Даррелу с юмором описывать комические ситуации и эксцентричное поведение членов своей семьи. Например, описание «чудесных» привычек его семьи зачастую подразумевает их полную неадекватность и непредсказуемость. Лингвистический анализ позволяет выявить признаки, сигнализирующие о вербальной иронии, такие как несоответствие между контекстом и высказыванием, гипербола, гротеск и использование контрастов.

Лингвистический анализ иронии позволяет не только лучше понять особенности языка и стиля Джеральда Даррела, но и исследовать механизмы иронии как важного элемента коммуникации и культуры.

В ходе исследования использовались методы синтаксического анализа (изучение синтаксических конструкций и их значения), лексического анализа (изучение лексического состава высказывания, особое внимание уделяется оценочным прилагательным, интенсификаторам, клишированным выражениям и приемам использования формального / неформального вокабуляра), семантического анализа (выявление ключевых семантических компонентов высказывания, включая их коннотативные значения и прагматические импликации), прагматического анализа (выявление коммуникативной-прагматической цели на основе соотнесения эксплицитного выражения и имплицитного содержания), контекстуального анализа (соотнесение высказывания и ситуации) и социолингвистического анализа.

С социолингвистических позиций речевые ситуации в данном произведении могут быть охарактеризованы как «внутрисемейное общение», участники которого выступают в социальных ролях матери, сына (повествователь), дочери, брата, сестры.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Сущность иронического высказывания состоит в одновременном существовании и взаимопроникновении двух семантических планов: эксплицитного и имплицитного. На эксплицитном уровне происходит оценка ценностного потенциала субъекта и объекта иронии, при этом формально предпочтение отдается объекту. Однако на имплицитном уровне осуществляется корректировка, которая устанавливает превосходство субъекта.

Субъект иронии трансформирует свое ироническое осмысление объекта в вербальную форму, используя специфические маркеры, указывающие на ироническую интерпретацию.

Согласно лингвистической интерпретации иронии И. А. Антонио, ключевым механизмом является семантическое переключение между отрицательной и утвердительной модальностями в рамках одного и того же высказывания (на уровне слова, словосочетания или предложения), или же смена положительной оценки на негативную по отношению к объекту высказывания. Данное переключение осуществляется при помощи просодических средств (интонация) и контекстных факторов (как текстовых, так и экстралингвистических). Коммуникативные функции иронии варьируются от эксплицитного выражения сомнения до имплицитной дискредитации адресата, что позволяет рассматривать иронию как форму скрытой речевой агрессии в силу ее имплицитного негативного оценочного содержания (Антонио 2009: 15).

По определению «Русского семантического словаря», ирония — это «тонкая, скрытая насмешка» (Шведова 2023: 301).

Cambridge Dictionary описывает иронию как *a type of humour in which people say something they do not mean* (тип юмора, при котором люди говорят то, что не имеют в виду) (*Cambridge Dictionary*).

Данные определения противоречат положительной семантике похвалы, которую она имеет в прямой коммуникации, и позволяют сделать вывод о том, что похвала может использоваться и как инструмент непрямой коммуникации (Дементьев 2006, 2018), где она служит лишь форматом, своего рода маской, скрывающей противоположное содержание: упрек, критика, порицание (*praise stands for blame*). Критика переодевается в одежду похвалы.

Основными сигналами «ироничной» похвалы являются: подтекст, двусмысленность, противоречие между контекстом и высказыванием. При её восприятии в устной речи большую роль играют мимико-жестовое сопровождение высказывания и просодические факторы — тембр голоса, громкость, темп речи, высота тона, паузы.

Ироническая похвала, или ироническое высказывание в одеждах похвалы, — это акт непрямой коммуникации (Дементьев 2006), при которой смысл автора (похвала) не соответствует, а часто и противоположен смыслу сообщаемого (упрек). Следствием наличия двух планов в одном высказывании является то, что критика, выраженная в иронической форме, не имеет категоричности прямолинейного высказывания и менее обидна, чем прямой упрек.

Ниже будут рассмотрены некоторые эпизоды, в которых встречается ироническая похвала, с точки зрения отношений, складывающихся между субъектом оценки и ее объектом. Референциальным объектом оценки, т. е. референциальной направленностью иронической похвалы, в анализируемом материале становятся разнообразные моменты повседневной жизни большой семьи.

3.1. Референциальный объект оценки — вещно-событийный мир человека

Дети уговорили мать присоединиться к их водным развлечениям. Уступив их настояниям, она поехала в город, чтобы купить купальный костюм. По возвращении на виллу мать с радостью представила детям обновку, вызвавшую их изумление.

“That’s right, you do what you want to do”, agreed Larry; “don’t be put off. It’ll probably suit you very well if you can grow another three or four legs to go with it” (Durrell 1977: 152).

Лексический анализ:

Слово *right* (*that’s right*) выражает сиюминутную, мгновенную положительную реакцию субъекта на события, лексический интенсификатор *very* перед общеоценочным предикатом трансформирует *well* в эмотивный предикат (*very well*).

Синтаксический анализ:

Синтаксические конструкции *you do what you want to do, don't be put off* представляют собой синонимичный повтор, выполняющий функцию маркера формального согласия, подталкивания к продолжению действия.

Условное придаточное предложение *if you can grow another three or four leg* — гиперболизированный образ, подчеркивающий нелепость ситуации. Данное условие, апеллирующее к биологически нереальным и фантастическим обстоятельствам, не подразумевает буквальной реализации. Скорее, оно функционирует как риторический прием, нацеленный на демонстрацию нелепости и несостоятельности решения или действия, предпринятого адресатом.

Анализ коммуникативной интенции:

Высказывание демонстрирует диссонанс между эксплицитным согласием (выраженным в первых двух фразах) и имплицитным неодобрением, содержащимся в абсурдном условии о необходимости приобретения дополнительных конечностей.

На поверхностном, или эксплицитном, уровне анализируемое высказывание представляет собой набор фраз, выражающих формальное согласие и отсутствие возражений. Начальная часть, на первый взгляд, демонстрирует одобрение и поддержку субъективного выбора адресата. Прагматически подобное выражение, в отсутствие дополнительных контекстуальных маркеров, обычно интерпретируется как выражение уважения к автономному решению и предоставление свободы действий. Однако дальнейшее развитие высказывания вводит в дискурс имплицитный оценочный компонент, который вступает в противоречие с первоначальной эксплицитной позицией и радикально меняет семантическую направленность высказывания.

Таким образом, коммуникативная цель данного высказывания состоит не в выражении действительного согласия, а в осуществлении скрытой критики и выражении неодобрения по отношению к сделанному выбору. Абсурдное условие о дополнительных ногах выступает в качестве инструмента для выражения критического отношения к ситуации. Говорящий, таким образом, в действительности выражает несогласие и делает это в форме, отмеченной едким и насмешливым тоном.

Ирония как коммуникативная стратегия возникает в результате контраста между эксплицитным (формальным согласием) и имплицитным (скрытым неодобрением) уровнями высказывания. Первая часть высказывания, вводящая в заблуждение относительно реальной позиции говорящего, формирует ложную видимость поддержки, в то время как вторая, вводя абсурдное условие, резко меняет вектор интерпретации на противоположный.

При этом ироническая похвала реализуется через механизм имплицитности — т. е. неявного смысла, который не выражен эксплицитно, но извлекается

слушателем на основе контекстуальной информации и общих когнитивных ресурсов. Интерпретация иронического высказывания требует от слушателя понимания его неоднозначности и декодирования истинного намерения говорящего, которое не выражено прямо, а лишь подразумевается.

3.2. Референциальный объект оценки — результат деятельности человека

Старший брат Джеральда, Лесли, подарил ему лодку, о которой тот давно мечтал. Однако в кругу семьи возникли разногласия относительно параметров мачты. Лесли активно отстаивает свою точку зрения, аргументированно парируя критические замечания, высказанные другими членами семьи.

If you're so damn clever, why didn't you make the boat? (Durrell 1977: 163).

Лексический анализ:

Прилагательное *clever* используется иронически, его положительная коннотация нивелируется второй частью высказывания.

So — речевой интенсификатор, усилитель прилагательного *damn*.

Damn — эмотивное прилагательное, усилитель со стилистически сниженным оттенком — вносит эмоциональную окраску гнева, раздражения или презрения, указывает на неформальный характер общения, а также усиливает семантику прилагательного *clever*.

Синтаксический анализ:

Союз *if* сигнализирует о гипотетическом характере высказывания и снижает его прямую оценочную силу.

Why didn't you make the boat? — риторический вопрос, поскольку не предполагает ответа и направлен на уничижение адресата.

Анализ коммуникативной интенции:

Высказывание представляет собой пример скрытой критики, основанной на несоответствии между уровнем компетенции, которая приписывается объекту, и практическими результатами. Высказывание демонстрирует диссонанс между эксплицитным одобрением (выраженным в первых двух фразах) и имплицитным неодобрением.

Имплицитно говорящий выражает сомнение в фактической интеллектуальной компетентности объекта, а также возлагает на него, по крайней мере частично, ответственность за возникшую проблемную ситуацию (отсутствие лодки).

Последующая часть высказывания, представленная в форме риторического вопроса, не преследует цели получения фактической информации. Данный вопрос функционирует как риторический прием, направленный на экспликацию негативной оценки и выражение недовольства. С помощью риторического вопроса говорящий не просто подвергает сомнению интеллектуальные способности адресата, но и посредством иронической тональности высмеивает его некомпетентность или бездействие в сложившейся ситуации. Данная коммуникативная стратегия

позволяет говорящему выразить свое недовольство и критическое отношение, не прибегая к прямым и эксплицитным утверждениям.

3.3. Референциальный объект оценки — действия и поступки адресата

Во время охоты на диких кабанов один из братьев случайно упал в оросительный канал и полностью промок. Дома мать, проверив состояние его одежды, задала вопрос о причинах намокания, предположив факт падения. Ответ был следующий:

Really, Mother, you and Margo have such remarkable perspicacity I sometimes wonder how you survive (Durrell 1977: 186).

Лексический анализ:

Really — вводное слово, задает тон удивления.

Remarkable — эмотивное прилагательное.

Such — лексический интенсификатор. Усиливает семантическую нагрузку прилагательного *remarkable*. Слово *remarkable* используется как атрибут книжного стилистически приподнятого существительного *perspicacity*, означающего «проницательность, остроумие». Выбор именно этого слова, а не более простых синонимов в соответствующем синонимическом ряду добавляет оттенок, обертон преувеличенности к качеству интеллектуальности.

Синтаксический анализ:

В первой части предложения содержится подчеркнуто формальное обращение *Mother*, которое, возможно, противопоставляется менее формальному, более ласковому обращению *Mum* или *Mummy*, в ней говорящий в торжественной тональности произносит похвалу. Вторая часть обращения содержит косвенный риторический вопрос *I sometimes wonder how you survive*, который нивелирует похвалу.

Анализ коммуникативной интенции:

Слово *perspicacity*, семантически нагруженное положительными коннотациями, является ключевым элементом в иронической структуре высказывания. Несмотря на свою номинативную позитивную оценку, оно используется здесь иронически, что становится очевидным в свете последующей части высказывания, эксплицитно выражающей удивление или сомнение относительно способности лиц, к которым оно адресовано, к автономному выживанию.

В действительности говорящий не приписывает своей матери и сестре Марго свойства «замечательной проницательности». Напротив, в высказывании имплицитно выражено отрицание наличия данного качества. Таким образом, лексема *perspicacity* используется в контексте с противоположным значением, сигнализируя о том, что мать и Марго, вопреки формальной оценке, демонстрируют отсутствие проницательности и, вероятно, проявляют наивность или некомпетентность.

Коммуникативная интенция данного высказывания может быть интерпретирована как многофакторная. В частности, оно служит нескольким целям,

включая выражение негативной оценки и критического отношения, демонстрацию интеллектуального превосходства говорящего, посредством высмеивания наивности или некомпетентности адресатов высказывания, выражение удивления или недоумения относительно нелогичности, нерациональности или нецелесообразности их действий или суждений.

3.4. Референциальный объект оценки — сам субъект

После падения Ларри в оросительный канал его тело было покрыто слоем вязкой грязи. Сестра поинтересовалась, в порядке ли Ларри, и услышала ответ:

“I’m fine”, he said sarcastically, “simply fine. Never enjoyed myself more. Apart from a slight touch of pneumonia, a ricked back, and the fact that one of my shoes lies full fathoms five, I’m having a wonderful time” (Durrell 1977: 185).

Лексический анализ:

Прилагательные *fine*, *slight*, *wonderful* и глагол *enjoy myself* содержат положительную оценочную коннотацию, они интенсифицируются словами *more*, *simply*.

Именные словосочетания с оценочно-нейтральными стержневыми словами *back*, *touch*, *shoes* сопровождаются негативной оценочной коннотацией *a ricked back*, *a slight touch of pneumonia*, *shoes full fathoms five*.

Синтаксический анализ:

Простое предложение с эмфатическим повтором: *I’m fine*, <...> *simply fine*.

Эллиптическое предложение с гиперболизацией: *Never enjoyed myself more*.

Предложение, осложненное распространенной обстоятельственной группой и придаточным предложением, находящейся в отношениях антитезы с субъектно-предикатным ядром предложения: *Apart from... I’m having a wonderful time*.

Эмфатический повтор и гиперболизация вступают в явное противоречие с последующим описанием негативных обстоятельств, являясь тем самым маркерами иронического намерения автора. Это противоречие служит катализатором иронического восприятия, позволяя реципиенту дешифровать истинное положение вещей, отличное от формально заявленного.

Перечисление проблем в обстоятельственном блоке предложения создает комический эффект.

Slight touch of pneumonia — лилота — представляет собой намеренное уменьшение серьезности пневмонии, являющейся заболеванием, требующим медицинского вмешательства, что подчеркивает ироничное отношение субъекта к собственному состоянию.

Аналогичным образом выражение *a ricked back* (искривленная спина) также используется для минимизации значимости достаточно болезненной и ограничивающей движения травмы.

Придаточное предложение *the fact that one of my shoes lies full fathoms five* (*fathom*, морская сажень, — архаичная единица измерения глубины) содержит эвфемистическую замену (элегантное обозначение *one of my shoes lies full fathoms*

five вместо прямого обозначения *lost one of my shoes*), что создает ощущение театральности и добавляет юмористический эффект, акцентирует нелепость сложившейся ситуации.

Описание проблем, с которыми столкнулся говорящий, вступает в контраст с первоначальным утверждением *I'm fine* и заключительным уверением *I'm having a wonderful time* и подчеркивает его тяжелое положение.

Анализ коммуникативной интенции:

Проанализированный пример иронической похвалы демонстрирует комплексное использование стилистических приемов, в частности повтора, эффемизма, литоты (приуменьшения) и гиперболы (преувеличения), служащих в совокупности цели создания иронического эффекта.

Ирония, являющаяся ключевым элементом данной конструкции, строится на резком диссонансе между декларативным и имплицитным уровнями сообщения. На поверхностном уровне субъект эксплицитно утверждает о своем благополучии и позитивном времяпрепровождении. Однако посредством детализированного описания обстоятельств, намеренно упоминаемых как бы между прочим, раскрывается противоположная ситуация, характеризующаяся болезненным состоянием, физическим дискомфортом и общим затруднительным положением говорящего.

Результатом намеренного противоречия, несоответствия между формальным выражением удовлетворенности и реальным, детально описанным, крайне неблагоприятным состоянием дел является ирония. Это противоречие формирует комический и саркастический эффект, позволяющий субъекту вербализировать свое недовольство и, возможно, вызвать сочувствие у аудитории, не прибегая к прямому изложению своего тяжелого положения. Иронический эффект возникает вследствие резкого контраста между декларацией благополучия и описанием бедственного положения.

4. Заключение

Анализ приведенных выше актов непрямой коммуникации, содержащих ироническую похвалу, дает возможность сделать следующие выводы:

1. Ироническая похвала является инструментом непрямой коммуникации, в которой понимание высказывания предполагает учёт смыслов, явно не выраженных. В семейном общении непрямая коммуникация дополняет прямую коммуникацию, снимает напряжение и способствует оптимизации межличностного взаимодействия.

2. Ироническая похвала представляет собой сложное лингвистическое явление, характеризующееся диссонансом между эксплицитным (планом выражения) и имплицитным (планом содержания) уровнями сообщения. В рамках данного диссонанса похвала, как один из видов положительной оценки, может использоваться в качестве инструмента для выражения недовольства, критики

или насмешки, что парадоксальным образом противоречит ее семантической природе. Внешнее одобрение (форма) вступает в противоречие с контекстом, ему несоответствующим (содержание).

3. Смысловая инверсия, происходящая при ироническом использовании похвалы, требует от реципиента интуиции и понимания контекста, т. е. высокой когнитивной обработки и способности к контекстуальному анализу. Понимание истинного значения высказывания зависит от способности интерпретировать противоречие между эксплицитно выраженным одобрением и имплицитным контекстом, указывающим на наличие негативных коннотаций.

4. Использование похвалы в ироническом ключе позволяет говорящему не только выразить свое негативное отношение, но и смягчить его прямоту, предоставляя возможность избежать открытой конфронтации. Вместе с тем использование иронической похвалы повышает выразительность высказывания, делая его более запоминающимся и эмоционально окрашенным.

Представляется перспективным дальнейшее изучение феномена иронической похвалы для углубленного понимания ее роли в межличностном взаимодействии, например в ситуациях педагогического общения.

Список литературы / References

- Антонио И. А. Терминология комического в лингвистических исследованиях. Опыт интерпретации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. [Antonio, Izabel A. (2009) *Terminologija komicheskogo v lingvisticheskikh issledovanijah. Opyt interpretacii: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk.* М. (Terminology of the Comic in Linguistic Research. An Attempt at Interpretation: Extended Abstract of PhD Thesis in Philology). Moscow. (In Russian)].
- Дементьев В. В. Основы теории непрямо́й коммуникации: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2001. [Dement'ev Vadim V. (2001) *Osnovy teorii neprjamoj kommunikacii: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk.* (Fundamentals of the Theory of Indirect Communication: Extended Abstract of PhD (Advanced Doctorate) Thesis in Philology. Saratov. (In Russian)].
- Дементьев В. В. Непря́мая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. [Dement'ev, Vadim V. (2006) *Neprjamaja kommunikacija* (Indirect Communication). Moscow: Gnozis. (In Russian)].
- Дементьев В. В. Непря́мая коммуникация в русской национально-речевой культуре // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 4. С. 919–944. [Dement'ev, Vadim V. (2018) *Nepryamaya kommunikacija v russkoj nacional'no-rechevoj kul'ture* (Indirect Communication in Russian National Speech Culture). *Vestnik RUDN. Serija: Lingvistika*, Vol. 22, 4, 919–944. (In Russian)].
- Кодухов В. И. Введение в языкознание: Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» 2-е изд., перераб. и доп. М: Просвещение, 1987. [Koduhov, Vitalij I. (1987) *Vvedenie v jazykoznanie: Ucheb. dlja studentov ped. in-tov po spec. № 2101 «Rus. jaz. i lit.»* 2-e izd., pererab. i dop. (Introduction to Linguistics: Textbook for students of pedagogical institutes on spec. No. 2101 “Rus. yaz. and lit.” 2nd ed., revised and add.). Moscow: Prosveshhenie. (In Russian)].
- Кукушкина Е. И. Познание, язык, культура. М.: Изд-во МГУ, 1984. [Kukushkina, Elena I. (1984) *Poznanie, jazyk, kul'tura* (Cognition, Language, Culture). Moscow: Izd-vo MGU. (In Russian)].

- Леонтьев В. В. «Похвала», «лесть» и «комплимент» в структуре английской языковой личности: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. [Leont'ev, Viktor V. (1999) «*Pohvala*», «*lest'*» i «*compliment*» v strukture anglijskoj jazykovej lichnosti: Dis. ... kand. filol. nauk (Praise, Flattery and Compliment in the Structure of the English Linguistic Personality: PhD Thesis in Philology). Volgograd. (In Russian)].
- Маслова В. А. Лингвистический анализ текста. Экспрессивность: учебное пособие для вузов / Под ред. У. М. Бахтикиреевой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. [Maslova, Valentina A. (2023) *Lingvisticheskiy analiz teksta. Jekspressivnost'*: Uchebnoe posobie dlja vuzov (Linguistic Analysis of Text. Expressivity: Textbook for universities. Ed. by Bahtikireeva, Uldanaj M. 2-e edition, revised and extended. Moscow: Jurajt. (In Russian)].
- Психологическая энциклопедия / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха; науч. ред. пер. на рус. яз. А. А. Алексеева. 2-е изд. СПб.: Питер, 2006. [Korsini, Raymond J., Auferbach, Alan J. (eds.) (2006) *Psihologicheskaia jenciklopedija*. 2-e izd. (Concise Encyclopedia of Psychology; scientific ed. translated into Russian by A. A. Alekseev). Saint Petersburg: Piter. (In Russian)].
- Семечкин Н. И. Социальная психология: Учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2023. [Semechkin, Nikolaj I. (2023) *Social'naja psihologija: Uchebnik dlja vuzov*. 2-e izd., ispr. i dop. (Social Psychology: Textbook for universities. 2nd ed., revised and expanded). Moscow: Jurajt. (In Russian)].
- Шунейко А. А., Авдеенко И. А. Основы языкознания: Учебное пособие. Москва: Юрайт, 2024. [Shunejko, Aleksandr A., & Avdeenko, Ivan A. (2024) *Osnovy jazykoznanija: uchebnoe posobie* (Fundamentals of Linguistics: Textbook). Moscow: Jurajt. (In Russian)].
- Brown, Penelope, & Levinson, Stephen C. (1987) *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Holmes, Janet. (1988) Paying Compliments: a Sex-preferential Politeness Strategy. *Journal of Pragmatics*, 12, 445–465. [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(88\)90005-7](https://doi.org/10.1016/0378-2166(88)90005-7).
- Itakura, Hiroko. (2013) Hedging Praise in English and Japanese Book Reviews. *Journal of Pragmatics*, 45, 131–148. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2012.11.003>.
- Searle, John R. (1969) *Speech Acts. An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139173438>.
- Searle, John R. (1976) The Classification of Illocutionary Acts. *Language in Society*, 5, 1–24. <https://doi.org/10.1017/S0047404500006837>.
- Silverstein, Michael. (2003) Indexical Order and the Dialectics of Sociolinguistic Life. *Language and Communication*, 23, 193–229.

Словари / Dictionaries

- Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Том 3. М.: Азбуковник, 2003. [Shvedova Nataliya Yu. (ed.) (2003) *Russkij semanticheskij slovar'. Tolkovyj slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij* / RAN. In-t rus. jaz. Tom 3 (Russian Semantic Dictionary. Explanatory Dictionary, Systematized by Classes of Words and Meanings. Vol. 3). Moscow: Azbukovnik. (In Russian)].
- Cambridge Dictionary. Retrieved from <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/irony>.

Источники языкового материала / Language material resources

- Durrell, Gerald. (1977) *My Family and Other Animals*. Great Britain: Penguin books.

УДК 811.112.2

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-91-106

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЧЕВОГО АКТА СОБОЛЕЗНОВАНИЯ С ПРОПОЗИЦИЕЙ «ТЕРАКТ»

А. А. Логинова, В. М. Бухаров

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема «Вариационная система как структурно-значимый аспект естественного языка») (FSWZ-2024-0001).

Настоящая статья представляет собой функционально-прагматическое исследование речевого акта соболезнования в современном немецком языке, реализуемого в контексте теракта. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения языковых механизмов, которые обслуживают коммуникацию в условиях социальных потрясений и коллективной травмы. Целью исследования является системное описание прагматических условий, лингвистических средств и функционального потенциала данного типа высказывания, который качественно отличается от соболезнования в ситуации личной утраты. Материалом для анализа послужил корпус текстов немецкоязычных СМИ, содержащих высказывания официальных лиц в связи с трагедией. В работе применялся метод сплошной выборки, контекстуального и компонентного анализа, что позволило выявить и классифицировать наиболее частотные речевые стратегии и средства выражения авторской интенции. Результаты исследования свидетельствуют о том, что речевой акт соболезнования с пропозицией «теракт» представляет собой сложный, полифункциональный феномен. На прагматическом уровне он функционирует как мощный перформатив, ключевой иллокутивной силой которого является не только констатация поддержки, но и совершение значимого социального действия, которое направлено на моральное противодействие целям террора, установление эмоциональной связи с социумом и «восстановление» путем создания дискурсивной модели для переживания коллективной травмы. Функциональный анализ позволил раскрыть потенциал данного типа речевых актов в диалектическом единстве ряда функций: ритуальной (соблюдение общественного ритуала скорби), экспрессивной (выражение эмоций), социально-психологической (сплочение общества), этической (оценка произошедшего с точки зрения морали), аппелятивной (призыв к солидарности), репрезентативной (создание политического имиджа) и фатической (поддержание дипломатических отношений). Итогом анализа является вывод о том, что под действием пропозиции «теракт» акт соболезнования превращается из частного жеста сочувствия в публичный, институционально обусловленный дискурсивный акт, инструмент управления и конструирования новой реальности, что позволяет на основе сопоставительного анализа стратегий соболезнования в разных политических культурах и типах катастроф выявить как национально-специфические, так и универсальные черты этого речевого феномена.

Ключевые слова: речевой акт; речевой акт соболезнования; иллокуция; пропозиция; теракт; прагматическая лингвистика.

Цитирование: Логинова А. А., Бухаров В. М. Функционально-прагматическая характеристика речевого акта соболезнования с пропозицией «теракт» // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 4 (72). С. 91–106. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-91-106.

A Functional-Pragmatic Analysis of the Speech Act of Condolence with the Propositional Content “Terrorist Attack”

Aleksandra A. Loginova, Valeriy M. Bukharov

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

This paper examines the functional-pragmatic features of the contemporary German speech act of condolence in the context of terrorist attacks. The relevance of this topic is underscored by the growing need to understand the linguistic mechanisms that facilitate communication under conditions of social upheaval and collective trauma. The study aims to describe the pragmatic conditions, linguistic resources, and functional potential of this type of condolence, which differs substantially from expressions of sympathy in situations of personal loss or natural disaster. The analysis is based on texts drawn from German-language media that contain condolence statements issued by public officials in response to terrorist attacks. The study employs methods of continuous sampling, contextual analysis, and componential analysis, enabling the identification and classification of the most frequent speech strategies and linguistic means used to convey the speaker’s communicative intent. The findings demonstrate that condolence with the propositional content “terrorist attack” constitutes a complex, polyfunctional phenomenon. From a pragmatic perspective, such condolence functions as a powerful performative act whose illocutionary force extends beyond the expression of sympathy. It performs significant social actions, including articulating moral resistance to terrorism, establishing emotional solidarity with the public, and facilitating collective “recovery” by offering a discursive framework for processing shared trauma. The functional analysis reveals a dialectical unity of several interrelated functions: ritual, expressive, socio-psychological, ethical, appellative, representational, and phatic. It is argued that the inclusion of the propositional content “terrorist attack” transforms the act of condolence from a private expression of empathy into a public, institutionally conditioned discursive practice aimed at managing and constructing social reality. Future research may focus on comparative analyses of condolence strategies across different political cultures and in response to other types of disasters. Such studies could help identify both culture-specific patterns and universal features of condolence as a speech act.

Key words: speech act; speech act of condolence; illocution; propositional content; terrorist attack; pragmatic linguistics.

Citation: Loginova, Aleksandra A., & Bukharov, Valery M. (2025) A Functional-Pragmatic Analysis of the Speech Act of Condolence with the Propositional Content “Terrorist Attack.” *LUNN Bulletin*, 4 (72), 91–106. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-91-106.

1. Введение

Соболезнование как тип речевого высказывания уже не раз становилось объектом лингвистических исследований, освещающих его различные аспекты: вопросы классификации по иллокутивной силе (Формановская 1984; Серль 1986;

Трофимова 2008), локутивные средства его реализации на базе одного языка (Fischer 2009; Samavarchi, Allami 2012; Бен Шушан 2019; Mavlonova 2022), вербальный потенциал соболезнования при сопоставлении языков (Elwood 2004; Казачкова 2006; Yahia 2010; Wakefield, Chor, Lai 2020), перлокутивный эффект соболезнования (Parkes 2015; Bayo 2021). Большое внимание при изучении речевого акта соболезнования в отечественной и зарубежной лингвистике получили также вопросы, связанные с различными составляющими коммуникативной ситуации: коммуникантами (Янкина 2013; Онипко 2018), формированием смысла высказывания (Харитоновна 2020), различными типами дискурса (Дибиров, Амрахова 2018; Никонова 2021; Логинова 2023; Сидорова 2024), каналами коммуникации (Пивоварова 2016; Кожеко 2020), особенно социальными сетями (Cardozo, Raspanti, Zanfagnini 2020; Alemi, Pazoki Moakhar, Rezanejad 2021).

Не менее интересным для рассмотрения представляется вопрос о вариативности прагматических средств соболезнования под воздействием определенных типов пропозиции (смерть близкого, несчастный случай, природная катастрофа, теракт и пр.). Эта проблема пока не получила должного внимания, хотя уже было предпринято несколько попыток описания данного взаимодействия в условиях разных прагматических обстоятельств, например, коронавируса 2019 года (Gomez 2023), землетрясения в Турции и Сирии 2023 года (Логинова 2024) и некоторых других.

В связи с вышесказанным новизна данного исследования состоит в комплексном анализе речевого акта соболезнования с пропозицией «теракт» в современном немецком языке, а также в систематизации средств выражения и выявлении степени прагматической и функциональной вариативности данного типа речевого взаимодействия. Такой подход к анализу языкового материала ставит целью описание прагматических и функциональных особенностей речевого акта соболезнования с пропозицией «теракт» в современном немецком языке. Поставленная цель предполагает решение следующих задач: 1) описание прагматических условий реализации речевого акта соболезнования с пропозицией «теракт»; 2) установление наиболее частотных речевых средств в немецком языке для достижения авторской интенции; 3) определение функциональных особенностей подобного речевого высказывания.

Теракт как повод для выражения соболезнования — особый, уникальный контекст, который выходит за рамки сострадания и приобретает специфический смысл. В отличие от стихийного бедствия или техногенной катастрофы, первопричиной которых является безликая сила природы или роковая ошибка, теракт представляет собой намеренное, запланированное действие с целью устрашения. Поэтому выражение соболезнований становится актом совместного переживания и исцеления «коллективной травмы». Это способ общества избавиться от парализующего страха, найти силы в единстве и пережить удар, а также восстановить чувство безопасности через ощущение общности.

Другой аспект соболезнования связан с его адресатами. Жертвы теракта выбираются преступниками символически, т. е. как представители того общества, образа жизни, нации или религии, которые подвергаются намеренной атаке и устрашению. Следовательно, выражая соболезнование, адресант не только скорбит, но и провозглашает солидарность с ценностями пострадавших. Кроме того, теракт всегда имеет идеологическую подоплеку — как акт насилия «с посланием». Выражая соболезнования, общество и его лидеры дают своего рода ответ, заключающийся в сплочении, человечности и сострадании, отражающих моральное противостояние идеологии ненависти.

Таким образом, соболезнования с пропозицией теракт — это триединый акт, который включает в себя: скорбь о невинно погибших людях, поддержку пострадавшим и их близким, моральное и общественное сопротивление идеологии насилия, которое проявляется в сплочении и утверждении человечности. Это делает выражение соболезнований с пропозицией «теракт» особенно важным и социально значимым действием.

2. Характеристика материала и методов исследования

В качестве эмпирического материала используются публицистические статьи на немецком языке, освещающие мировые трагические события и реакцию на них и содержащие прямые и косвенные речевые акты соболезнования с пропозицией «теракт». Источниками практического материала послужили интернет-версии крупнейших немецких и швейцарских СМИ: *Spiegel**, *Welt*, *Tagesschau*, *Süddeutsche Zeitung*, *Zeit Online**, *SWR*, *Frankfurter Allgemeine Zeitung**, *Tagesspiegel*, *Tagesanzeiger*, *zdfheute*, — а также частично иностранных немецкоязычных СМИ: *Vatican News*, *CNA Deutsch*.

В процессе исследования использовались следующие методы: метод сплошной выборки, метод компонентного анализа, метод контекстуального анализа, метод лингвистического описания и классификации.

3. Результаты исследования и их обсуждение

В рамках нашего исследования речевой акт (РА) соболезнования с пропозицией «теракт» считается этикетным речевым актом, подклассом *экспрессивов (социативов)*, выражающих признание адресантом адресата как члена его социальной группы в типичных обстоятельствах (Трофимова 2015: 85). Выражение эмоций при совершении данного экспрессивного и этикетного акта продиктовано правилами ритуального общения. При наличии эмоциональный компонент

---

* В соответствии со статьей 3.4 Федерального закона от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушению основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» деятельность данного иностранного СМИ запрещена на территории Российской Федерации

способствует особой выразительности утешения, подчеркивает значимость ситуации для отправителя и его отношений с адресатом в такое непростое время. Коммуникативная цель РА соболезнования в исследуемых коммуникативных рамках состоит в оказании стабилизирующего воздействия на эмоциональную сферу адресата, пострадавшего ввиду установленных в рамках пропозиции обстоятельств.

При описании прагматической ситуации соболезнования с пропозицией «теракт» мы опираемся на схему, предложенную в нескольких прагматических исследованиях данного типа речевого взаимодействия (Moghaddam 2012: 109–110; Ресенчук, Рябова 2018: 66–67) и включающую следующие компоненты: адресант, адресат, психологическое состояние адресанта и пропозиция.

В результате анализа практического материала установлено, что адресантом соболезнования в связи с терактом в условиях публицистического дискурса (в официальной ситуации соболезнования) выступает двойной адресант, являющийся официальным лицом и передающий скорбь группы людей. Наиболее частым отправителем соболезнований в этой ситуации становятся политические лидеры. Это объясняется повышенными социальными ожиданиями к государственным деятелям как рупору общественного мнения и гарантам безопасности в ситуации кризиса. Однако, с их точки зрения, выражение соболезнований связано не только с социально-психологическими обязанностями глав государства, но и с поддержанием дипломатических отношений и определенного международного имиджа страны, поэтому адресанты-политики выражают не столько собственное сочувствие, сколько говорят о солидарности целой нации. На локутивном уровне речевого акта это может выражаться личными и притяжательными местоимениями первого лица единственного и множественного числа: (1) *Die Familien der vielen Opfer haben mein tiefstes Mitgefühl* (Die Zeit 2024); (2) *Wir teilen den Schmerz und die Trauer des türkischen Volkes, drücken ihm unsere Unterstützung und Solidarität aus* (Belta 2024); а также констатацией от третьего лица: (3) *Die Schweiz ist entsetzt über den Anschlag, der so viele Opfer gefordert hat, und spricht den Familien ihr tief empfundenes Beileid aus* (Tagesanzeiger 2024).

Не менее важным для международного сотрудничества являются соболезнования, выражаемые международными организациями и их представителями, например, ЕС в лице Урсулы фон дер Ляйен. В первом случае соболезнование используется как стратегия осуждения насилия и выражения собственной позиции, а также солидарности по отношению к пострадавшим: (4) *Wir sind bestürzt über den Anschlag und bringen unsere Solidarität mit dem iranischen Volk zum Ausdruck. Dieser Terrorakt hat eine schockierende Zahl ziviler Todesopfer und Verletzter gefordert. Die Täter müssen zur Rechenschaft gezogen werden* (Die Zeit 2024). Другой пример, помимо сострадания, говорит о благодарности за помощь и призыве

к еще большему сотрудничеству перед лицом всеобщей опасности: (5) *Ich spreche den Familien der Opfer im Namen der Kommission mein Beileid aus und danke den Einsatz der Rettungskräfte* (Süddeutsche Zeitung 2017).

Значительно реже в публицистических текстах о терактах встречаются фрагменты, содержащие соболезнования представителей неполитических организаций, например, католической церкви в лице Папы Франциска II. Его соболезнование первоначально направлено на поддержку и утешение пострадавших и, кроме того, осуждение насилия с морально-этической точки зрения. Это продиктовано его позицией лидера католического мира и христианским мировоззрением, что отражено на локутивном уровне: (6) *Ich bete für die Opfer und für das Land, das in einer Zeit des Feierns schmerzlich betroffen ist, und vertraue beides dem Herrn an, damit er seinen Geist schickt, um sie zu trösten* (DomRadio.de 2022).

Говоря о разных типах адресантов в данных коммуникативных обстоятельствах, можно выделить следующие общие черты: а) авторитетность: слова поддержки выражаются теми, чье мнение значимо для сообщества; б) публичность: солидарность выражается через общедоступный канал связи — СМИ; в) ритуализированность акта: реализация речевого действия предполагает определенные ожидания адресата, что детерминирует использование конвенциональных (клишированных) формул, формирующих политическое и идеологическое послание.

Средства массовой информации, играющие роль посредника между адресантом и адресатом РА соболезнования, транслируют обществу публичные официальные соболезнования в связи с террористической акцией и придерживаются установки не просто выразить гражданскую позицию, но и привлечь внимание большего числа людей к данной проблеме и способствовать мобилизации помощи.

В подобных опосредованных ситуациях соболезнования наблюдается наличие двойного адресата: первичного (жертвы и их близкие) и вторичного (массовый читатель и террористы).

Обращаясь к пострадавшим и их семьям, адресанты используют собирательные существительные: *Hinterbliebene, Angehörige / Familien der Opfer, Opfer, Verletzte, Betroffene*. В некоторых случаях говорящие намеренно описывают эмоциональное состояние адресатов с целью подчеркнуть теплоту своего участия и понимание их положения: (7) *Meine Gedanken sind auch bei den Personen, die bei dem Attentat in Mitleidenschaft gezogen wurden* (Tagesschau 2024).

По способу номинации адресата в рамках ситуации соболезнования можно также судить о характере взаимоотношений коммуникантов, например, в следующем примере адресант — объединение пятнадцати крупнейших исследовательских университетов Германии (*Verein German U15*) — указывает на дружеские партнерские отношения с реципиентом — израильскими коллегами: (8) *Unsere Sorgen gelten den Menschen vor Ort, darunter so viele Kolleg*innen und Freund*innen* (Forschung und Lehre 2023).

При выражении соболезнования в международном масштабе адресантам часто свойственно обобщать пострадавших в рамках всей нации, что обусловлено дипломатической функцией соболезнования: (9) *Der französischen Nation gilt in diesen schweren Stunden Deutschlands Solidarität* (Süddeutsche Zeitung 2020).

Ориентация адресанта соболезнования на массового получателя проявляется в ситуациях, когда частью иллокуции соболезнования служат напоминания о гуманизме, осуждение насилия, призыв к единению и помощи пострадавшим. Данные тактики соболезнования рассчитаны, с одной стороны, на восприятие неравнодушными читателями, разделяющими ценности адресанта и жертв трагедии: (10) *Ein Angriff auf einen unserer Mitgliedsstaaten ist ein Angriff auf uns alle. Der Anschlag hat sich gegen unseren Lebensstil gerichtet* (Süddeutsche Zeitung 2017), а с другой — они могут быть направлены на виновников трагедии, чтобы выразить решительность в борьбе с ними: (11) *Schweden wird sich nicht durch diese abscheulichen Mörder einschüchtern lassen* (Süddeutsche Zeitung 2017).

Достижение адресантом соболезнования перлокутивного эффекта на адресата определяется в том числе используемыми речевыми средствами для обозначения собственного эмоционального состояния и интенции.

С точки зрения плана выражения РА соболезнования преимущественно строится в виде двух моделей: 1) простого речевого акта соболезнования и 2) составного речевого акта, иллокуцию соболезнования которого образуют различные иллокутивные акты с / без простого речевого акта соболезнования.

Проведенный анализ эмпирического материала показал, что первая модель практически не используется в рамках пропозиции «теракт». Несмотря на конвенциональность и необязательное исполнение условия искренности в ситуации соболезнования, подобная «немногословность» на фоне произошедшей трагедии считается скорее некорректной. Это объясняется этикетной и этической составляющей исследуемого речевого акта. Этичное поведение предполагает ответственность перед другими: молчание и невнимательность к деталям в столь трагическом контексте представляют собой этическую и, следовательно, речевую неудачу, что можно считать причиной большего распространения второй модели РА соболезнования с составной иллокуцией.

Иллокутивную структуру составного РА соболезнования, реализуемого в связи с терактом, могут образовывать 14 основных видов простых речевых актов: выражения эмоционального состояния, сочувствия, утешения, оценки, осуждения, одобрения, обещания, призыва, пожелания, благодарности, сообщения, констатации, предположения, предупреждения — и косвенный речевой акт призыва.

Наиболее частотными простыми речевыми актами выступают те, которые свидетельствуют об испытываемых адресантом чувствах, как, например, косвенный речевой акт выражения эмоционального состояния: (12) *Die schrecklichen Ereignisse in Trier lassen uns ratlos und schmerzerfüllt zurück. Rheinland-Pfalz steht*

zusammen fest an der Seite der Opfer in Trier (Süddeutsche Zeitung 2020) или речевой акт оценки в форме косвенного вопроса: (13) *Die Meldungen aus Magdeburg lassen Schlimmes erahnen. Was für eine furchtbare Tat ist das, dort mit solcher Brutalität so viele Menschen zu verletzen und zu töten* (Welt 2024).

Иногда говорящий использует в рамках констатации тактику выражения надежды о благополучном исходе, демонстрируя личную заинтересованность в судьбе адресата соболезнования: (14) *Meine Gedanken sind bei der Familie des Beamten. Ich hoffe, es geht ihm gut* (Spiegel 2022).

Оказанию необходимого эффекта на адресата способствует также ярко выраженная позиция адресанта по отношению к виновным, что наблюдается в 28,4 % изученных случаев: (15) *Die Europäische Union verurteilt die barbarischen und feigen Angriffe* (Spiegel 2021).

В трагических обстоятельствах, служащих поводом выражения соболезнования, пострадавшие ищут не только поддержки, но и ожидают ответных мер обеспечения безопасности со стороны власти имущих. Поэтому неотъемлемой частью соболезнований политиков становятся в том числе обещания продолжить борьбу с терроризмом: (16) *Der Kampf gegen den Terror wird noch entschlossener weitergeführt* (Süddeutsche Zeitung 2016).

Анализ вербальных средств реализации иллокуции соболезнования показал, что главным из них выступают перформативы — словосочетания на основе существительного *Beileid* (27,1 %) и глаголов с семой «выражать»: *Beileid aussprechen / ausdrücken*. Относительно редко адресаты прибегают к синонимичным абстрактным существительным *Anteilnahme* (1,23 %), *Bedauern* (1,23 %), *Mitgefühl* (14,8 %) и *Solidarität* (12,4 %), последнее из которых особенно характерно для соболезнований с дипломатическим подтекстом. Намного реже иллокутивная сила высказывания строится на глаголе *mit j-m trauern* и выражении *Trauer teilen* (3,7 %), что, вероятно, связано с их большей эмоциональной окраской и показателем вовлеченности адресанта, которые не всегда считаются уместными в условиях официального обращения.

Модификация значений соболезнования в рамках публичного акта осуществляется за счет прилагательных и причастий (*tief, aufrichtig, voll, uneingeschränkt, tief empfunden*), а также наречий (*zutiefst erschüttern*). Именно таким образом в структуре смысла соболезнования с пропозицией «терафт» актуализируется эмотивный компонент — в ограниченной степени.

Среди средств имплицированного выражения соболезнования особенно распространена констатация о близости адресанта к пострадавшим. В таком случае иллокуция строится на основе словосочетаний *bei j-m in Gedanken sein* (28,4 %), *an j-ds Seite stehen* (6,17 %), *zusammenstehen* (6,17 %). Крайне редко (1,23 %) используются глаголы конкретного действия, однако необходимо признать, они обладают большим перлокутивным потенциалом: (17) *Wir weinen mit ihnen* (Spiegel 2015).

В простых речевых актах выражения эмоционального состояния или оценки представлены различные вербальные единицы, эксплицирующие намерение отправителя выразить соболезнование в связи с трагедией: *fassungslos, ängstlich, unsicher, verzweifelt, bestürzt, entsetzt, schockiert, bewogen, betroffen, mit Schock / Trauer / Bestürzung / Betroffenheit / Erschütterung, in tiefer Trauer, j-n schmerzerfüllt / ratlos zurücklassen*. В некоторых случаях адресант не может точно передать свои ощущения, что можно также считать одной из тактик выражения соболезнования: (18) *Es gibt keine Worte, um den Schmerz zu fassen* (Welt 2012).

Оценка событий, т. е. отражение пропозиции соболезнования, также служит показателем эмоционального состояния адресанта и его отношения к виновникам трагедии. Несомненно, в рамках ситуации соболезнования говорящий избегает указания трагедии, чтобы лишний раз не травмировать скорбящих. Однако в простых речевых актах, совокупность которых формирует иллокуцию соболезнования, можно найти множество номинаций произошедшего с эмотивным компонентом (*Tragödie, bedrückende Nachrichten, Ausnahmesituation, schwere Stunde, Grausamkeit, Allerschlimmste, schrecklicher Tag, Leid*). Описание пропозиции, как замечает Н. А. Трофимова, может служить подготовительным условием для выражения сострадания (Трофимова 2015: 42). Эмотивная лексика в описании пропозиции служит реализации перлокутивного эффекта, поскольку сигнализирует адресату о солидарном видении ситуации адресантом. Ключевым отличием трактовки пропозиции «теракт» являются номинации случившегося с семей намеренности (*widerwärtiges Verbrechen, menschenverachtender Terrorangriff, tödlicher Anschlag, absichtlicher Massenmord*), а также использование страдательных причастий от переходных глаголов со значением намеренного причинения ущерба и убийства в отношении жертв (*Ermordete, Verletzte, Getötete, Erschossene, Angefahrene*).

Использование различных средств служит построению антитезы, противопоставлению невинности жертв и агрессии нападавших, и не просто демонстрирует этические ценности говорящего, но и способствует формированию общественного мнения через СМИ. В представленном ниже примере антитеза строится на сложносоставном существительном *Amokfahrt*, где *Amok* означает вспышку ярости с намерением разрушения, убийства или причинения ущерба окружающим (*geplanter oder spontaner Ausbruch erheblicher Verletzungs-, Tötungs- oder Zerstörungswut [DWDS]*): (19) *Die Amokfahrt in Trier hat mich zutiefst erschüttert. Dass gerade in der Weihnachtszeit unschuldigen Menschen ein solches Leid zugefügt wird, lässt mich fassungslos zurück* (Süddeutsche Zeitung 2020).

Интересный пример оценки представлен в соболезновании Папы Франциска II, который не осуждает преступников, а просит божьей помощи для возвращения их на путь истинный, что проявляется в его основанной на христианском милосердии и прощении номинации виновных: (20) *Ich bete für Heilung und*

Trost der Verletzten und Trauernden, sowie für die Bekehrung der von Hass und Gewalt Verblendeten (DomRadio.de 2022).

Таким образом, социопрагматические характеристики пропозиционального содержания могут варьироваться в зависимости от различных факторов: пол, возраст, социальный статус покойного, причина гибели, число умерших. Но наиболее часто в качестве номинаторов участи пострадавших используются эвфемистические выражения (*Verlust von Menschenleben, sein Leben verlieren, ums Leben kommen, aus dem Leben gerissen werden*), отражающие табуированность темы смерти в публичном пространстве во имя сохранения общественного спокойствия.

Функционально-прагматический потенциал речевого акта соболезнования с пропозицией «теракт» представляется весьма разнообразным в силу наличия различных составляющих коммуникативной ситуации соболезнования, и в первую очередь — коммуникантов. Перлокутивный акт соболезнования, с одной стороны, может быть направлен на прямого адресата соболезнования. В таком случае помимо *экспрессивной функции*, заключающейся в выражении чувств адресантом по отношению к произошедшей трагедии, положительного отношения к жертвам и потерпевшим, соболезнование потенциально реализует следующие три функции.

Ритуальная функция соболезнования связана с намерением адресанта оправдать ожидания прямого и массового адресата, связанные с социальным положением (в первую очередь занимаемой должностью и обязанностями) говорящего, являющегося представителем государственной власти, дружественной страны, религиозной или другой организации.

Психологическая функция сопряжена с иллокуцией соболезнования — оказанием поддержки непосредственно пострадавшим. Как уже было сказано, террористы выбирают жертв как «анонимный символ», обезличивая их. Скорбь о конкретных людях и акт проявления поддержки совершают обратное — индивидуализируют жертв и их горе, им возвращается утраченное достоинство и человечность, разделяются их переживания и боль.

Социально-психологическая функция тесно связана с социальным характером трагедии и в рамках исследуемой пропозиции направлена на стабилизацию общественного волнения, возникающего в результате угрозы общей безопасности.

Остальные функции исследуемого речевого акта отражают намерение автора совершить в рамках акта выражения солидарности тесно связанное с пропозицией побочное действие, сопутствующее соболезнованию. В таком случае в качестве потенциального реципиента выступает массовый адресат. Обращаясь к нему, представители власти реализуют *апеллятивную функцию* соболезнования, напоминая общественности о бдительности и осторожности, призывая к сохранению порядка, а также иногда к конкретным действиям, например, оказанию помощи и поддержки пострадавшим.

Призывы к милосердию, напоминание об общечеловеческих ценностях, как и осуждение насилия, знаменуют следующую функцию, скорее характерную не для политических, а религиозных представителей общественного мнения, — *этическую*. Говорящий таким образом категорически отрицает моральную допустимость произошедшего, проводит грань между добром (сострадание) и злом (ненависть), а акт соболезнования становится противодействием хаосу, который пытаются посеять террористы.

Репрезентативная (политическая) функция соболезнования в исследуемых прагматических обстоятельствах заключается в том, что акт поддержки становится мощным инструментом политической коммуникации и управления. Во-первых, лидер, скорбящий от имени нации и объединяющий ее в горе, укрепляет социальный договор между властью и гражданами. Во-вторых, представители власти через акт соболезнования официально интерпретируют событие. Например, освещение теракта в деталях, выяснение причин произошедшего и комментарии о расследовании могут рассматриваться не только как тактики успокоения общественности, но и как способ донесения новых сведений до массового читателя, т. е. соболезнование может выполнять в том числе и информирующую функцию. В-третьих, скрытые или явные перформативные высказывания в отношении трагедии и ее последствий воплощают образ всей нации или государства, которые не только чтят свои принципы и граждан, но и контролируют ситуацию внутри страны и готовы к решительным действиям. Таким образом, пропозиция «теракт» детерминирует формирование так называемого ответного политического послания в рамках акта поддержки.

В ситуациях, когда солидарность в связи с терактом выражается в сфере международной политики, мы также можем наблюдать реализацию *фатической (дипломатической) функции*. Согласно определению Р. Якобсона, фатическая функция языка служит для установления, поддержания или прекращения коммуникации. В дипломатическом контексте соболезнования с исследуемой пропозицией выполняют эту функцию, превращая акт выражения сострадания в стратегический акт управления международными отношениями, т. е. соболезнование — это минимально необходимый и социально ожидаемый жест, сигнализирующий о состоянии отношений между государствами, укрепляющий или нормализующий их. В таких условиях скорбь используется в качестве дипломатического канала связи, где сам акт коммуникации оказывается ценнее его конкретного содержания. Отсутствие акта соболезнования, т. е. намеренное молчание, расценивается отнюдь не как нейтральная позиция, а явный повод к разрыву коммуникации.

4. Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что речевой акт соболезнования с пропозицией «теракт» представляет собой сложный, полифункциональный феномен, чей прагматический потенциал выходит за рамки бытового

акта выражения сочувствия. В условиях социального потрясения данный речевой акт становится ключевым инструментом символического управления и конструирования новой реальности.

На прагматическом уровне соболезнование функционирует как мощный перформатив, иллокутивной силой которого является не столько констатация скорби адресанта, сколько совершение значимого социального действия, которое направлено на моральное противостояние целям террора через единение и сострадание, легитимацию власти через демонстрацию эмоциональной связи с социумом и реинтеграцию «шокированного» общества через создание дискурсивной модели для переживания коллективной травмы.

Функциональный потенциал речевого акта соболезнования в рамках пропозиции «теракт» раскрывается в диалектическом единстве нескольких ключевых функций: ритуальная, экспрессивная, психологическая, социально-психологическая, этическая, аппелятивная, информирующая, репрезентативная (политическая) и фатическая (дипломатическая).

Таким образом, речевой акт соболезнования под действием пропозиции «теракт» трансформируется из приватного жеста в публичный, институционно обусловленный дискурсивный акт. Его успешность измеряется не столько риторическим совершенством, сколько способностью выполнить обозначенные выше прагматические задачи говорящего.

Дальнейшее исследование может быть направлено на сравнительный анализ прагматических стратегий соболезнования в разных политических культурах, а также в зависимости от прочих типов пропозиции, что позволит выявить национально-специфические и универсальные черты данного речевого феномена.

Список литературы / References

- Бен Шушан А. А. Особенности эмпатийного речевого акта соболезнования (на материале французского языка) // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2019. № 46. С. 247–250. [Ben Shushan, Anna A. (2019) Osobennosti ehmpatiinogo rechevogo akta soboleznovaniya (na materiale frantsuzskogo yazyka) (Features of the Empathic Speech Act of Condolence (Based on the Material of the French Language)). *Inostrannyye yazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty*, 46, 247–250. (In Russian)].
- Дибиров И. А., Амрахова М. А. Специфика реализации категории «сочувствие» в обиходном разговоре в русском и лезгинском языках // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». 2018. № 3. С. 30–33. [Dibirov, Ibragim. A. & Amrakhova, Mariam A. (2018) Spetsifika realizatsii kategorii «sochuvstvie» v obikhodnom razgovore v russkom i lezginском yazykakh (The Specifics of the Implementation of the Category “Sympathy” in Everyday Conversation in Russian and Lezgian Languages). *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences*, 3, 30–33. (In Russian)].

- Казачкова Ю. В. Выражение сочувствия в русском и английском речевом общении: Жанровый аспект: Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. [Kazachkova, Yulia V. (2006) *Vyrazhenie sochuvstviya v russkom i angliiskom rechevom obshchenii: Zhanrovyy aspekt* (Expression of Sympathy in Russian and English Speech Communication: A Genre Aspect): PhD Thesis in Philology. Saratov. (In Russian)].
- Кожжеко А. В. Лингвопрагматические особенности речевого жанра «соболезнование» в интернет-коммуникации // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2020. № 1 (51). С. 169–181. [Kozheko, Anna V. (2020) *Lingvopragmaticheskie osobennosti rechevogo zhanra «soboleznovanie» v internet-kommunikatsii* (Linguistic and Pragmatic Features of the “Condolence” Speech Genre in Internet Communication). *Bulletin of KSPU named after V. P. Astafyev*, 1 (51), 169–181. (In Russian)].
- Логинова А. А. Особенности реализации речевого акта соболезнования в немецком публицистическом дискурсе (на основе материалов о землетрясении в Турции и Сирии в 2023) // XXVIII Нижегородская сессия молодых ученых (гуманитарные, технические, естественные науки): Статьи и тезисы молодых ученых, Нижний Новгород, 5–8 декабря 2023 года. Нижний Новгород: Издательство «Перо», 2023. С. 447–451. [Loginova, Aleksandra A. (2023) *Osobennosti realizatsii rechevogo akta soboleznovaniya v nemetskom publitsisticheskom diskurse* (na osnove materialov o zemletryaseni v Turtsii i Sirii v 2023) (Features of the Speech Act of Condolence in German Journalistic Discourse (based on materials about the earthquake in Turkey and Syria in 2023)). *XXVIII Nizhegorodskaya sessiya molodykh uchenykh (gumanitarnye, tekhnicheskie, estestvennye nauki): Stat'i i tezisy molodykh uchenykh, Nizhnii Novgorod, 5–8 dekabrya 2023 goda.* (XXVIII Nizhny Novgorod Session of Young Scientists (Humanities, Technical Sciences, Natural Sciences): Articles and Abstracts of Young Scientists, Nizhny Novgorod, December 5–8, 2023.) Nizhny Novgorod: Izdatel'stvo «Pero». 447–451. (In Russian)].
- Логинова А. А. Функционально-прагматические особенности речевого акта соболезнования в современном немецком публицистическом дискурсе (на основе материалов о землетрясении в Турции и Сирии в феврале 2023) [Электронный ресурс] // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 10 (148). URL: <https://research-journal.org/archive/10-148-2024-october/10.60797/IRJ.2024.148.104> (дата обращения: 01.08.2025). [Loginova, Aleksandra A. (2024) *Funktsional'no-pragmaticheskie osobennosti rechevogo akta soboleznovaniya v sovremennom nemetskom publitsisticheskom diskurse* (na osnove materialov o zemletryaseni v Turtsii i Sirii v fevrale 2023) (Functional and Pragmatic Features of the Speech act of Condolence in Modern German Journalistic Discourse (based on materials about the earthquake in Turkey and Syria in February 2023)). *International Research Journal*, 10 (148), Retrieved from: <https://research-journal.org/archive/10-148-2024-october/10.60797/IRJ.2024.148.104> (2025, August 1). (In Russian)].
- Никонова Ж. В. Особенности реализации речевого акта соболезнования в современном немецком публицистическом дискурсе // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 18. М.: Флинта, 2021. С. 444–456. [Nikonova, Zhanna V. (2021) *Osobennosti realizatsii rechevogo akta soboleznovaniya v sovremennom nemetskom publitsisticheskom diskurse* (Features of the Implementation of the Speech Act of Condolence in Modern German Journalistic Discourse). *Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists*, Vol. 18, 444–456. (In Russian)].
- Онипко К. А. Прагматика некролога: позиция автора // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2018. № 9 (42). С. 50–60. [Onipko, Kira A. (2018) *Pragmatika nekrologa: pozitsiya avtora* (The Pragmatics of the Obituary: the Author's position). *RSUH / RGGU Bulletin: “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”*, Series, 9 (42), 50–60. (In Russian)].

- Пивоварова Ю. С.* Элементы социального символизма в речевом акте выражения соболезнования (на материале медиадискурса Твиттер-микроблогов) [Электронный ресурс] // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 6 (62). С. 642–647. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/06/69181> (дата обращения: 01.08.2025). [Pivovarova, Yulia S. (2016) *Elementy sotsial'nogo simvolizma v rechevom akte vyrazheniya soboleznovaniya (na materiale mediadiskursa Twitter-mikroblov)* (Elements of Social Symbolism in Condolence Speech Act (in the Media Discourse of Twitter-microblogs)). *Modern scientific researches and innovations*, 6 (62), 642–647. Retrieved from: <https://web.snauka.ru/issues/2016/06/69181> (2025, August, 1). (In Russian)].
- Ресенчук А. А., Рябова М. Ю.* Этикетная коммуникация: дискурс соболезнования: Монография. Кемерово: КемГУ, 2018. [Resenchuk, Anna A. & Ryabova, Marina Yu. (2018) *Etiketnaya kommunikatsiya: diskurs soboleznovaniya: Monografiya* (Etiquette Communication: a Discourse of Condolences: a Monograph). Кемерово: КемГУ. (In Russian)].
- Серль Дж. Р.* Классификация иллокутивных актов / Пер. с англ. В. З. Демьянкова // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 170–194. [Searle, John R. (1986) *Klassifikatsiya illokutivnykh aktov* (Classification of Speech Acts). Translated by Dem'yankov, Valerij Z. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike: Vyp. 17. Teoriya rechevykh aktov* (New in Foreign Linguistics: Vol. 17. Theory of Speech Acts). Moscow: Progress, 170–194. (In Russian)].
- Сидорова Е. Н.* Соболезнования политиков как экспрессивный речевой акт (на материале английского языка) // Катановские чтения 2024: Сборник научных трудов студентов. Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2024. С. 100–101. [Sidorova, Elena N. (2024) *Soboleznovaniya politikov kak ehkspressivnyi rechevoi akt (na materiale angliiskogo yazyka)* (Condolences of Politicians as an Expressive Speech Act (based on the material of the English language)). In *Katanovskie chteniya 2024: Sbornik nauchnykh trudov studentov* (Katanov Readings 2024: Collection of Scientific Papers of Students). Abakan: Izdatel'stvo FGBOU VO «Hakasskij gosudarstvennyj universitet im. N. F. Katanova», 100–101. (In Russian)].
- Трофимова Н. А.* Соболезнование: лингвистический взгляд (на материале немецкого языка) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2015. Т. 15. № 2. С. 39–44. [Trofimova, Nelli A. (2015) *Soboleznovanie: lingvisticheskiy vzglyad (na materiale nemetskogo yazyka)* (Condolences: a Linguistic View (based on the material of the German language)). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, Vol. 15, 2, 39–44. (In Russian)].
- Трофимова Н. А.* Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ: Монография. СПб.: Изд-во ВВМ, 2008. [Trofimova, Nelli A. (2008) *Ekspressivnye rechevye akty v dialogicheskom diskurse. Semanticheskii, pragmaticheskii, grammaticheskii analiz: Monografiya* (Expressive Speech Acts in Dialogic Discourse. Semantic, Pragmatic, Grammatical Analysis: A Monograph). Saint Petersburg: VVM. (In Russian)].
- Формановская Н. И.* Употребление русского речевого этикета. М.: Русский язык, 1984. [Formanovskaya, Nataliya I. (1984) *Upotreblenie russkogo rechevogo etiketa* (The Use of Russian Speech Etiquette). Moscow: Russkii yazyk. (In Russian)].
- Харитоновна О. Е.* Формирование смысла в высказываниях соболезнования (на материале немецкого языка) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2020. № 1 (106). С. 104–109. [Kharitonova, Olga E. (2020) *Formirovaniye smysla v vyskazyvaniyakh soboleznovaniya (na materiale nemetskogo yazyka)* (The Formation of Meaning in Expressions of Condolence (based on the material of the German

- language)). *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, 1 (106). 104–109. (In Russian)].
- Янкина Е. В. Адресат речевых жанров социальной поддержки // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания»: межвуз. сб. науч. ст. Том 14. № 16 (119). Волгоград: ВолгГТУ, 2013. С. 53–56. [Yankina, Elena V. (2013) Adresat rechevykh zhanrov sotsial'noi podderzhki (Social Support Addressee). In *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya «Problemy social'no-gumanitarnogo znaniya»: mezhvuz. sb. nauch. st.* (Proceedings of the Volgograd State Technical University. The series “Problems of social and humanitarian knowledge”: interuniversity collection of scientific articles. Issue 14). Volgograd: VolgGTU, Vol. 14, 16 (119), 53–56. (In Russian)].
- Alemi, Mino, Pazoki Moakhar N., & Rezanejad, Atefeh. (2021) A Cross-Cultural Study of Condolence Strategies in a Computer-Mediated Social Network. *Russian Journal of Linguistics*, 25 (2), 417–442.
- Bayo, Phaustini B. (2021) Analysis of Condolence Response to the Death of Dr. John Pombe Joseph Magufuli on Facebook. *East African Journal of Education and Social Sciences (EAJESS)*, 2 (4), 112–118.
- Cardozo, Andrés C., Raspanti, Rafael S., & Zanfagnini, Franco. (2020) Condolences on Online Social Networks: A Pragmatic Study Based on the Speech Act Theory. *Ideas Suplemento*, I (3), 35–41.
- Elwood, Kate. (2004) I'm So Sorry: A Cross-Cultural Analysis of Expressions of Condolence. *The Cultural Review*, 24, 101–126.
- Fischer, Andrea (2009) *Spanische, argentinische und costaricanische Todesanzeigen. Eine kontrastive Untersuchung textlinguistischer Elemente unter Berücksichtigung kultureller Eigenheiten*. Saarbrücken: Vdm Verlag Dr. Müller. (In German).
- Gomez, Tania. (2023) Colombian Expressions of Condolence on Facebook During the COVID-19 Crisis. *Borealis: An International Journal of Hispanic Linguistics*, 12 (2), 315–341.
- Mavlanova, Oybarchin S. (2022) Functional-Semantic Analysis of Condolences. *Innovative research in the modern world: theory and practice*, 1 (25), 78–80.
- Moghaddam, Mostafa M. (2012) Discourse Structures of Condolence Speech Act. *Journal of English Language Teaching and Learning*, 10, 105–125.
- Parkes, Colin M. (2015). Help for the Dying and the Bereaved. In Parkes, Colin M., Laungani, Pittu, & Young, Bill (eds.) *Death and bereavement across cultures*. New York: Routledge, 166–177.
- Samavarchi, Laila, & Allami, Hamid. (2012) Giving Condolences by Persian EFL Learners: A Contrastive Socio-pragmatic Study. *International Journal of English Linguistics*, 2 (1), 71–78.
- Wakefield, John C., Chor, Winnie, & Lai, Nikko. (2020) Condolences in Cantonese and English: What people say and why. In Mullan, Kerry, Peeters, Bert, & Sadow, Lauren (eds.) *Studies in Ethnopragmatics, Cultural Semantics, and Intercultural Communication*. Singapore: Springer, 35–58.
- Yahia, Ebaa M. (2010) A Study of Condolences in Iraqi Arabic with Reference to English. *Adab Al-Rafidayn*, 57, 47–70.

Источники языкового материала / Language material resources

- Book, Simon. (2015, November 15) „Unser Beileid - es lebe Frankreich!“. *Spiegel*. Retrieved from: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/paris-terror-serie-in-frankreich-a-1062865.html> (2025, September 2). (In German).
- Corsten, Volker. (2012, December 16) Vater von Adam L. spricht Opfern Beileid aus. *Welt*. Retrieved from: <https://www.welt.de/vermischtes/article112048105/Vater-von-Adam-L-spricht-Opfern-Beileid-aus.html> (2025, September 2). (In German).

- Daniel, Isabelle. (2024, January 3) Bundesregierung und EU verurteilen Terroranschlag im Iran. *Die Zeit*. Retrieved from: <https://www.zeit.de/politik/ausland/2024-01/iran-anschlag-reaktion-bundesregierung-eu> (2025, September 2). (In German).
- Deutsche Presse-Agentur (dpa). (2016, February 17) Erdogan spricht Familien der Opfer von Ankara Beileid aus. *Süddeutsche Zeitung*. Retrieved from: <https://www.sueddeutsche.de/politik/konflikte-erdogan-spricht-familien-der-opfer-von-ankara-beileid-aus-dpa.urn-newsml-dpa-com-20090101-160217-99-819287> (2025, September 2). (In German).
- Deutsche Presse-Agentur (dpa). (2020, December 1) Trier: Politiker sprechen von „Amokfahrt“ und „Anschlag“. *Süddeutsche Zeitung*. Retrieved from: <https://www.sueddeutsche.de/wirtschaft/trier-trier-politiker-sprechen-von-amokfahrt-und-anschlag-dpa.urn-newsml-dpa-com-20090101-201201-99-534326> (2025, September 2). (In German).
- Deutsche Presse-Agentur (dpa). (2024, April 7) „Unsere Gedanken sind bei den Getöteten und deren Familien“. *Süddeutsche Zeitung*. Retrieved from: <https://www.sueddeutsche.de/politik/terror-in-stockholm-unsere-gedanken-sind-bei-den-getoeteten-und-deren-familien-1.3456755> (2025, September 2). (In German).
- DWDS: Amok. *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*. Retrieved from: <https://www.dwds.de/wb/Amok> (2025, September 2). (In German).
- Ellermann, Eva. (2024, July 14) „Solche Gewalttaten bedrohen die Demokratie“. *Tagesschau*. Retrieved from: <https://www.tagesschau.de/ausland/amerika/trump-attentat-reaktionen-ausland-100.html> (2025, September 2). (In German).
- Kapalschinski, Christoph & Stössel, Sonja. (2024, December 21) „Scholz sollte sofort zurücktreten“ – Entsetzte Reaktionen im In- und Ausland. *Welt*. Retrieved from: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article254939474/Anschlag-auf-Weihnachtsmarkt-Scholz-sollte-sofort-zuruecktreten-Entsetzte-Reaktionen-im-In-und-Ausland.html> (2025, September 2). (In German).
- Katholische Nachrichten-Agentur (KNA). (2022, June 7) Für Heilung und Trost. *DomRadio.de*. Retrieved from: <https://www.domradio.de/artikel/papst-uebermittelt-beileid-nach-anschlag-nigeria> (2025, September 2). (In German).
- Kirchner, Thomas. (2020, October 29) Drei Tote und mehrere Verletzte bei Messerattacke in Nizza. *Süddeutsche Zeitung*. Retrieved from: <https://www.sueddeutsche.de/panorama/frankreich-nizza-messerattacke-1.5097820> (2025, September 2). (In German).
- Klovert, Heike. (2021, June 6) Überfall mit mehr als hundert Toten: UNO und EU verurteilen den Anschlag in Burkina Faso. *Spiegel*. Retrieved from: <https://www.spiegel.de/ausland/burkina-faso-antonio-guterres-verurteilt-anschlag-mit-mehr-als-130-toten-a-e44b4731-afdd-4cd4-9125-9894fc464266> (2025, September 2). (In German).
- Korge, Johannes. (2022, November 10) Polizist nach Messerangriff in Brüssel gestorben. *Spiegel*. Retrieved from: <https://www.spiegel.de/panorama/bruessel-polizist-nach-messerangriff-gestorben-a-c321c316-04bf-4c10-9076-8bf9eed3ee0e> (2025, September 2). (In German).
- Lehnen, Christine. (2023, October 17) Israelische Hochschulen bedanken sich für Solidarität. *Forschung und Lehre*. Retrieved from: <https://www.forschung-und-lehre.de/politik/wissenschaft-solidarisiert-sich-mit-israel-5963> (2025, September 2). (In German).
- Lukaschenko kondoliert Erdogan im Zusammenhang mit dem Terroranschlag auf die Firma TUSAŞ. (2024, October 24) *Belta*. Retrieved from: <https://deu.belta.by/president/view/lukaschenko-kondoliert-erdogan-im-zusammenhang-mit-dem-terroranschlag-auf-die-firma-tusa-68589-2024/> (2025, September 2). (In German).
- Preker, Alexander. (2024, March 23) Verdächtige werden verhört, Angreifer sind offenbar keine Russen — das ist bisher bekannt. *Tagesanzeiger*. Retrieved from: <https://www.tagesanzeiger.ch/russland-tote-nach-schuessen-und-explosion-in-konzerthaus-in-moskau-698937333301> (2025, September 2). (In German).

УДК 81'255.2

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-107-119

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ (на примере творчества Донны Тартт)

И. В. Пивень, А. А. Туча

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

В статье рассматривается проблема передачи интертекстуальных включений при переводе художественной литературы на примере произведений Донны Тартт «Щегол» и «Гайная история». Интертекстуальность играет ключевую роль в формировании смыслового пространства художественного текста, создавая сложную систему отсылок к литературным, культурным и историческим источникам. Однако при переводе такие включения часто оказываются труднодоступными для восприятия целевой аудитории, что требует от переводчика применения различных стратегий адаптации.

Особое внимание в статье уделяется переводу имен собственных и литературных аллюзий, поскольку они представляют собой значимые элементы интертекстуального взаимодействия. В статье анализируются основные подходы к передаче этих элементов, включая дословный перевод, адаптацию и использование комментариев. В качестве примеров рассматриваются ключевые эпизоды из романов Донны Тартт и их переводы на русский язык, выполненные Анастасией Завозовой, а также Денисом Бородкиным и Наталией Ленцман.

Методология исследования основана на сравнительном анализе оригинальных текстов и их переводов, что позволяет выявить основные трудности, возникающие при интерпретации интертекстуальных включений, и оценить эффективность различных переводческих стратегий. Анализ показывает, что сохранение смысловой глубины и эстетической ценности интертекстуальных элементов требует от переводчика не только высокого уровня языковой компетенции, но и глубокого понимания культурного контекста оригинального произведения.

Результаты исследования могут быть полезны переводчикам, лингвистам и литературоведам, занимающимся проблемами интертекстуальности и художественного перевода. Будущие исследования могут быть направлены на изучение восприятия переведенных интертекстуальных включений целевой аудиторией и сравнительный анализ стратегий их адаптации в различных языках.

Ключевые слова: Донна Тартт; «Щегол»; «Гайная история»; интертекстуальность; интертекст; перевод имен собственных; художественный перевод.

Цитирование: Пивень И. В., Туча А. А. Имена собственные как переводческая проблема в контексте интертекстуальности (на примере творчества Донны Тартт) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 4 (72). С. 107–119. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-107-119.

**Proper Nouns as a Translation Issue in the Context of Intertextuality.
A Case Study of Donna Tartt's Novels**

Irina V. Piven, Aleksandra A. Tucha

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

This article examines the problem of rendering intertextual elements in literary translation, using Donna Tartt's novels *The Goldfinch* and *The Secret History* as case studies. Intertextuality plays a crucial role in shaping the semantic space of a literary text by creating a complex network of references to literary, cultural, and historical sources. However, such elements often present significant challenges for target audiences, thereby requiring translators to employ a range of adaptation strategies.

Special attention is paid to the translation of proper nouns and literary allusions, as these constitute key components of intertextual interaction. The article analyzes the main approaches to conveying such elements, including literal translation, cultural adaptation, and the use of explanatory commentary. Selected passages from Tartt's novels and their Russian translations by Anastasia Zavozova, Denis Borodkin, and Natalia Lenzman are examined as illustrative examples.

The research methodology is based on a comparative analysis of the source texts and their translations, which allows for the identification of the principal challenges involved in interpreting intertextual references and for an assessment of the effectiveness of different translation strategies. The findings indicate that preserving the semantic depth and aesthetic value of intertextual elements requires translators not only to demonstrate a high level of linguistic competence but also to possess a thorough understanding of the cultural and literary context of the original works.

The results of this study may be of interest to translators, linguists, and literary scholars concerned with intertextuality and literary translation. Future research could productively pursue two principal avenues: target readers' reception of translated intertextual elements and comparative analyses of adaptation strategies across different languages and cultural contexts.

Key words: Donna Tartt; *The Goldfinch*; *The Secret History*; intertextuality; intertext; literary translation.

Citation: Piven, Irina V., & Tucha, Aleksandra A. (2025) Proper Nouns as a Translation Issue in the Context of Intertextuality. A Case Study of Donna Tartt's Novels. *LUNN Bulletin*, 4 (72), 107–119. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-107-119.

1. Введение

Интертекстуальность как феномен художественного текста является объектом академического обсуждения с середины XX века. В 1967 году французский теоретик постструктурализма Ю. Кристева ввела впоследствии ставшее программным в литературе понятие — интертекстуальность. При этом стоит отметить, что теория о том, что тексты явно или неявно ссылаются друг на друга, была основана на концепции, описанной в трудах известного русского филолога М. М. Бахтина, который считал диалогизм ключевой идеей литературной теории. В литературоведческом труде 1963 года под названием «Проблемы поэтики Достоевского» он утверждал, что каждое литературное произведение характеризуется многообразием голосов и точек зрения (в том числе различных персонажей), мнений, жанров и стилей. Автор общается с читателем с помощью «внутреннего

диалога» — внутри текста происходит дискурс между различными его частями, речью персонажей и комментариями писателя. В то же время и само произведение автоматически вступает во внешний диалог — по мнению М. М. Бахтина, научные и художественные книги, несмотря на сложность построения и специализацию, являются полноправными единицами речевого общения. Из-за этого они неизбежно взаимодействуют с уже существующими культурными объектами, вводят читателя в исторический, социальный и литературный контекст, предлагают свой собственный взгляд на дискуссионную тему, побуждая читателя на активное ответное понимание (Бахтин 1979).

Развивая эту концепцию, Ю. Кристева предложила свой взгляд на дискуссионные вопросы, которые и сегодня не имеют однозначного ответа. Она перенесла акцент при анализе текста с изучения структуры сообщения, содержащего конкретную коммуникативную информацию, на непосредственный процесс означивания, происходящего внутри текста и порождающего его. Она ввела в литературу понятия «фенотекст» — целое, законченное сообщение, и «генотекст» — динамическое пространство сосуществования и постоянного взаимодействия смыслов в самом тексте, а также в прецедентном и будущих текстах (Кристева 2013).

Понятие интертекстуальности имело литературоведческие предпосылки и отвечало общественному настроению — неудивительно, что его окончательное формирование пришлось на вторую половину XX века, эпоху девальвации прежних норм и ценностей и предложения своих собственных взглядов на традиционные вопросы. Если модернизм стремился разрушить все старое, то постмодернизм прошлое переосмыслял, что проявилось и в литературе: культура постмодерна часто играет со знакомыми текстами и образами, создает сложные интертекстуальные отсылки, благодаря которым границы между реальностью и вымыслом в произведениях представителей этого культурного течения размываются. Постмодернизм приветствует идею смешения или деконструкции различных жанров, стилей и культурных кодов. Несмотря на то, что интертекстуальность встречалась в текстах и ранее, именно в это время установление связей между недавно написанным и работами предшественников приобретает осмысленный и повсеместный характер, становится одним из самых используемых элементов постмодернистского дискурса. Это позволило писателям осознанно использовать интертекстуальные включения для передачи авторского замысла. Так, французский литературовед и представитель постструктурализма Р. Барт, развивавший понятие интертекста, представлял каждый текст как ткань, сотканную из старых цитат, в силу его неотделимости от языка и культурного фона. Он призывал перейти от модели «текст-чтение» к модели «текст-письмо», которая возможна только при постоянной интерпретации и переосмыслении только что полученной информации (Барт 1989).

С тех пор улучшение качества жизни — последствиями которого стали массовое образование, широкая доступность произведений искусства и формирование массовой культуры — привело к еще большей семиотизации произведений, в том числе и литературных. Сегодня сложно представить художественное произведение, не пробуждающее в читателе так называемой «интертекстуальной памяти», т. е. лишенное интертекстуальных включений самого различного рода: отсылок к библейским и античным сюжетам, аллюзий к театральным постановкам и современному кинематографу. Кроме того, сами эти произведения тоже становятся источником вдохновения для создания новых текстов. Актуальность выбора темы обусловлена широким распространением данного феномена в современной культуре — переводчик художественной литературы неизбежно сталкивается с интертекстуальностью в своей работе.

Ввиду спорности самого понятия существует множество его определений (Осадчая, Каплюхина 2025). Наиболее полным нам кажется определение Е. А. Баженовой, приведенное в «Стилистическом энциклопедическом словаре»: «Интертекстуальность — текстовая категория, отражающая соотнесенность одного текста с другими, диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования, обеспечивающее приращение смысла произведения» (Баженова 2006: 104–108). Таким образом, в контексте лингвистики об интертекстуальности следует говорить в том случае, когда автор намеренно тематизирует взаимодействие между текстами, делает его видимым для читателя с помощью особых формальных средств. Это означает, что адресат способен верно определить авторскую интенцию и воспринимает текст в его диалогической соотнесенности. Следовательно, речь идет о таком коммуникативном процессе, необходимой предпосылкой и условием которого является «интертекстуальное сознание» обоих участников диалога.

Насчитывается несколько классификаций для различия типов интертекстуальности (Рябуха, Трошина 2018). Так, на языковом уровне она может быть представлена цитированием, аллюзией, плагиатом, пародированием, афоризмами и пересказом чужой речи. Однако в использованных для исследования текстах примеры в этом отношении достаточно однотипны. Чаще всего используются аллюзии, чуть реже — цитаты.

Куда большим разнообразием отличаются источники заимствования. Авторы могут выбрать в качестве прецедентного текста Библию, мифы, предания, легенды, сказки, притчи, анекдоты и другие художественные произведения, а в качестве прецедентных имен — названия произведений, имена персонажей и известных людей.

2. Характеристика материала и методов исследования

Романы американской писательницы Донны Тартт предлагают посмотреть на привычный дискурс через призму современности. Реальность, окружающая

людей, и их ценности значительно изменились, однако моральные проблемы, с которыми они сталкиваются в жизни, остались прежними. В этой связи можно сделать предположение, что читательская память актуализируется ненамеренно, т. е. проявляется так называемым «неконтролируемым подтекстом», который не добавляет в произведение дополнительный смысл. Тем не менее начитанность Донны Тартт (она получила образование в сфере классической филологии) и кропотливый процесс создания произведений (работа над каждым произведением заняла около десяти лет) позволяют утверждать, что интертекстуальные ссылки в ее произведениях не случайность, а взвешенное решение (Тартт 1999). Художественные приемы, в том числе и интертекстуальные включения, тщательно проработаны и решают определенные задачи: расширить хронотоп произведения, вызвать эмоциональный отклик читателя и написать реалистичный психологический портрет героя. Нельзя отрицать их важность для восприятия текста. Для их адекватной передачи переводчику необходимо распознать и понять отсылку, интерпретировать ее согласно языковой норме и традициям и выбрать «средства перекодирования соответствующего комплекса сведений из совокупности функциональных» (Гришаева 2012: 52). В исследовании рассматриваются проблемы, которые могли возникнуть на этапе анализа и при переводе интертекстуальных включений на примере романа «Щегол», написанного в 2013 году, и его перевода на русский язык, выполненного в 2014 году Анастасией Завозовой, а также романа «Тайная история», написанного в 1992 году, и его перевода, выполненного в 2008 году Денисом Бородкиным и Наталией Ленцман. Следует отметить, что «Тайная история» была опубликована в переводе Юлии Рыбаковой и Марины Поповец еще в 1999 году, однако сегодня этот текст по большей части недоступен. Публикация 1999 года считается коллекционным букинистическим изданием, в то время как перевод Дениса Бородкина и Наталии Ленцман повторно издавался в 2009, 2014, 2019 и 2021 годах под другими обложками.

В рамках исследования использовался метод сопоставительного анализа, который позволил установить корреляции отдельных элементов оригинала и перевода, в которых были замечены интертекстуальные включения, а также метод описания типов преобразования (трансформаций). С помощью этих методов были проанализированы проблемы, которые могли возникнуть в процессе перевода, и примеры их решения.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Перевод имен собственных вызывает объективные сложности по ряду причин: они могут указывать на этническое, географическое происхождение персонажей; к тому же имя собственное указывает на культурные, исторические, литературные и стилистические слои, которые могут играть важную роль в оригинальном тексте, создавая сложные межтекстовые связи. Часто они отсылают читателя к литературным персонажам, произведениям, мифам или историческим фигурам.

Однако в контексте интертекстуальности появляется еще одна задача: переводчик должен сохранить эти отсылки так, чтобы целевая аудитория могла уловить ту же интертекстуальную связь, что и читатель оригинального текста.

В одной из сцен романа «Щегол» источником интертекста выступил библейский сюжет. В ней главный герой вновь обретает картину, которая годами была смыслом его жизни. На поверхностном уровне получатель текста считает удивление персонажа, но при более тщательном рассмотрении можно понять, что в этом сравнении передается еще и важность этого предмета для героя. Всеми своими действиями он обожествляет эту картину, возводит ее в абсолют, вокруг которого вращается все его существование.

Оригинал	Перевод
Running my fingertip incredulously around the edges of the board, like Doubting Thomas across the palm of Christ (Tartt 2013: 748).	Я, не веря своим глазам, провел пальцем по краю картины, словно Фома Неверующий — по ладони Христа (Тартт 2015: 751).

Можно заметить, что в переводе используется уже устоявшийся в языке аналог перевода имени собственного. Вероятно, такое решение было принято из-за распространенности источника интертекстуального включения, его наднационального характера. Благодаря узнаваемости образа апостола сюжет из Библии актуализируется как у русскоговорящего читателя, так и у англоговорящего. Однако несколько иная ситуация происходит с названием фильма *Lawrence of Arabia*, основанного на мемуарах британского офицера Т. Э. Лоуренса «Семь столпов мудрости», повествующих об арабском восстании 1916–1918 годов.

Оригинал	Перевод
The twilights out there were florid and melodramatic, great sweeps of orange and crimson and Lawrence-in-the-desert vermilion, then night dropping dark and hard like a slammed door (Tartt 2013: 258).	Сумерки тут были цветастые, театральные — гигантские всполохи оранжевого, пунцового, киношно-киноварного — «Лоуренс Аравийский», да и только, — и за ними разом, будто дверь захлопывали, обрушивалась ночь (Тартт 2015: 262).

Донна Тартт не говорит о названии фильма прямо. При переводе необходимо было правильно определить источник интертекстуального включения, которым выступает прецедентное имя персонажа. В русский прокат этот фильм вышел под другим названием — «Лоуренс Аравийский», — которое переводчица и использует в своем тексте. Чтобы облегчить читателю понимание, в прилагательном «киношно-киноварный» она конкретизирует жанр источника отсылки, тем самым применяя прием компенсации.

Интертекстуальные включения представлены в романе и отсылками к произведениям мировой литературы. Так, один из персонажей «Щегла» Борис озвучивает свое отношение к прочитанному им роману Ф. М. Достоевского «Идиот», выступившему источником интертекстуальности. Борис — славянин и поэтому знакомит главного героя с незнакомой ему до этого культурой.

Оригинал	Перевод
<p>You read <i>The Idiot</i>, right? Right. Well, 'Idiot' was very disturbing book to me. <...> Because all Myshkin ever did was good... unselfish... he treated all persons with understanding and compassion and what resulted from this goodness? (Tartt 2013: 313)</p>	<p>Ты читал «Идиота», так? Читал. В общем, «Идиот» меня здорово тогда растревожил. <...> Потому что Мышкин всем делал только добро... бескорыстно... ко всем он относился с пониманием и сочувствием, и к чему привела вся эта его доброта? (Тартт 2015: 320)</p>

Донна Тартт через слова героя устанавливает отношение автора к прецедентному тексту; позднее через них она соединяет образ Теодора Деккера и князя Мышкина, которые по сюжету сталкиваются со сравнительно похожими ситуациями. С помощью этого примера можно увидеть, что некоторые интертекстуальные включения имеют имплицитное, надтекстовое значение. Автор задействует ценностно-эмотивную систему значений для выражения своего отношения к предмету обсуждения и воздействует на чувства адресата путем такого воздействия. Обращение к прецедентному тексту, уже имеющему сформированные позитивные или негативные образы, вызывает у читателя эмоциональный отклик в меру глубины его фоновых знаний. Сжатость интертекстуальной ссылки становится одновременно и ее недостатком, и преимуществом. Актуализация интертекстуальной памяти читателя дает автору доступ к эстетическим и семантическим характеристикам оригинального текста, более того — это позволяет расширить ассоциативную систему образов, создавая новые яркие ассоциации (Yakovleva, Valeeva 2020). Однако в случае отсутствия у читателя знаний об источнике интертекстуальной ссылки языковое средство может потерять свою эффективность и не донести до адресата задуманное. Если переводчик решит донести до читателя эту информацию, ему, скорее всего, придется прибегнуть к комментарию, эссе или статье, предваряющим основной текст. Однако в этом случае читатель перевода хотя бы поверхностно знаком с мировым культурным наследием, следовательно, переводчице не требуется добавлять дополнительный контекст.

Говоря о названиях глав, можно заметить еще одну примечательную деталь. Одна из глав в оригинале называется *Wind, Sand and Stars*. Она отсылает нас к одноименному документально-публицистическому произведению Антуана

де Сент-Экзюпери. Такое название Тартт выбирает из-за образов пустыни и ночного неба, лейтмотивом проходящих через все произведение французского писателя. Структура произведения де Сент-Экзюпери представляет собой множество очерков, соединяющихся в единое композиционное целое, что напоминает атмосферу главы романа «Щегол» — Теодор и Борис проводят большую часть своего времени в состоянии опьянения, и их воспоминания о событиях, происходящих в главе, обрывочные. Сам главный герой вспоминает о произведении де Сент-Экзюпери, прибыв в Юту, — в этом контексте отсылка к книге очерков выступает еще и способом описания природы вокруг. Однако *Wind, Sand and Stars* — это наиболее распространенный вариант перевода произведения, которое в оригинале называется *Terre des hommes*, дословно «Земля людей», или же «Планета людей» в переводе Норы Галь, который, вероятнее всего, и знаком русскоязычному читателю. По-видимому, если бы Анастасия Завозова привела этот устоявшийся вариант названия, эстетическая образность потерялась бы. Переводчица осознанно от него уходит в целях сохранения адекватности. Однако интертекст исчезает.

В следующем примере интертекстуальное включение вряд ли может актуализировать у читателя память об упоминающемся произведении — оно попросту не было переведено на русский язык.

<p>And in my head a line I heard from somewhere: We being round thee, forget to die (Tartt 2013: 859).</p>	<p>А в голове у меня звучала строка из какого-то стихотворения: <i>Рядом с тобой мы забываем о смерти...</i> (Тартт 2015: 864).</p>
--	---

Источником интертекстуальности стало стихотворение *Spirits of Fuji Mountain* из сборника *Eastern Seas* (1903) авторства японского поэта Ёнэдзиро Ногути. Учитывая, что оно не знакомо получателю перевода, поскольку никогда не было адаптировано для русскоязычной аудитории, переводчица решает эксплицировать источник, из которого главный герой позаимствовал эту цитату. С одной стороны, это упрощает поиск данного произведения в случае заинтересованности читателя, с другой стороны — вознаграждает его дополнительным уровнем смысла. Лирический герой стихотворения описывает величие горы Фудзи и ее преображающее воздействие на смотрящего, превращающее простых смертных в богов. Это же чувство главный герой произведения испытывает, когда смотрит на картину голландского художника Карела Фабрициуса «Щегол».

Если в романе «Щегол» интертекстуальные включения работают на пользу как эстетической составляющей текста, так и идейно-смысловой задумки, то в «Тайной истории» они выступают скорее украшением, которое обусловлено местом разворачивания сюжета. Главные герои — высокомерные богатые студенты факультета классической филологии, одержимые идеей претворить

в жизнь эпизод из греческой мифологии. Хотя обычно ссылки на античные произведения раскрывают характер персонажей и погружают в атмосферу произведения, чаще всего они представляют собой распространенный вариант уже озвученной идеи. В «Тайной истории» главная функция интертекста отличается, она скорее поэтическая. Композиция, средства выразительности и многообразная лексика побуждают читателя фокусировать внимание не только на семиотике произведения, но и на его форме. С одной стороны, использование интертекстуальных ссылок делает текст более выразительным, с другой — процесс декодирования для читателя становится некой увлекательной игрой, проверкой на эрудицию. Некоторые ссылки безошибочно считываются читателем вне зависимости от его фоновых знаний и культурного контекста, другие же требуют профессиональной подготовки и глубокого анализа для их выявления.

Рассмотрим один из наиболее показательных примеров, иллюстрирующих эстетическую функцию интертекстуальных включений в данном тексте.

Оригинал	Перевод
<p>The poem was called ‘With Rue My Heart Is Laden.’ <...> It would have been so easy for him to choose something else, though, something you would think he would pick, for Christ’s sake, from Lycidas or the Upanishads or anything, really – certainly not that poem, which Bunny had known by heart. He’d been very fond of the corny old poems he’d learned in grade school: ‘The Charge of the Light Brigade’, ‘In Flanders Fields,’ a lot of strange old sentimental stuff whose authors and titles I never even knew (Tartt 1992: 563).</p>	<p>Стихотворение называлось «Печалью полно мое сердце». <...> Вполне в его духе было бы отыскать что-нибудь мудреное — бог ты мой, из «Ликида», из «Упанишад», откуда угодно, — и тем не менее он не придумал ничего лучше, как взять один из тех стишков, которые Банни знал наизусть. Банни питал слабость к хрестоматийным стихам, заученным в начальной школе. В его репертуаре была «Атака Легкой бригады», «На полях Фландрии», куча других допотопных sentimentальных виршей, авторов и названия которых я забыл или никогда не знал (Тартт 2008: 570).</p>

В этом примере источником заимствования становятся другие художественные произведения, а именно — стихотворения. С большой долей уверенности можно предположить, что хотя бы их часть не знакома или лишь поверхностно знакома как получателю оригинала, так и получателю перевода. Донна Тартт понимает это и эксплицирует личное отношение персонажа к ним для читателя. Переводчики сохраняют это объяснение, но все же добавляют переводческий комментарий в конце книги для каждого упомянутого произведения, дабы уточнить, что все они связаны одной тематикой, что поможет понять выбор

именно этих стихотворений в данном эпизоде, но не более того. Второстепенному персонажу романа по имени Генри выпадает честь прочесть траурное стихотворение на могиле друга, которого он убил вместе со своими друзьями. Вместо того чтобы выбрать что-то более сложное, он останавливается на произведении, которое нравилось именно Банни, что символизирует постепенное осознание его вины. Стихотворение посвящено потере юности, красоты и невинности. Лирический герой вспоминает о своих умерших друзьях. Из уст Генри, убившего своего товарища, это стихотворение воспринимается совершенно иначе, создается другой контекст.

Аналогичная ситуация наблюдается и в следующем отрывке:

Оригинал	Перевод
<p>‘Actually, I think they sold that one,’ said Francis, sitting in a leather armchair and lighting a cigarette. ‘There are one or two interesting things but mostly it’s Marie Corelli and old Rover Boys’. (Tartt 1992: 111)</p>	<p>— По-моему, его как раз продали, — сказал Фрэнсис, усевшись в кожаное кресло и закуривая. — Да, здесь есть парочка стоящих вещей, но в остальном — сплошь Мари Корелли и старые выпуски «Ровер бойз» (Тартт 2008: 113).</p>

Интертекстуальность здесь выражается в прецедентном имени писательницы Мари Корелли и в отсылке к сюжету прецедентного текста — серии комиксов *Rover boys*, повествующих о приключениях учеников школы-интернета, которые часто доставляли проблемы властям. Эти приключения перекликаются с сюжетом «Тайной истории». Несмотря на то, что переводчики дают комментарий, мы можем догадаться о смысле вышеприведенной реплики благодаря оценочным словам и подразумеваемому противопоставлению; однако о том, что данное произведение было использовано не случайно, можно узнать только при дополнительном изучении вопроса.

Иногда переводчики прибегают к приему компенсации:

Оригинал	Перевод
<p>‘You know, I thought I saw him when I was lying in the bathtub,’ said Francis. ‘Faucet dripping, blood all over the god-damned place. I thought I saw him standing there in his bathrobe’ (Tartt 1992: 772).</p>	<p>— Он ведь привиделся мне тогда... Когда я лежал в этой чертовой ванне, как Марат. Мне показалось, я вот-вот потеряю сознание, и вдруг смотрю — на пороге стоит Генри в домашнем халате (Тартт 2008: 736).</p>

Можно заметить, что в оригинале сравнение с Маратом — отсылка к прецедентному имени — отсутствует. Переводчики добавили этот художественный прием самостоятельно, при этом не дав пояснительных примечаний. Предполагается, что читатель знает, как умер Жан-Поль Марат. При этом нельзя отрицать,

что при актуализации этого сюжета у получателя перевода образ становится более ярким, а данный прием совпадает по функции и цели с другими интертекстуальными включениями, использованными автором.

В другом случае переводчики тоже конкретизируют источник заимствования:

Оригинал	Перевод
<p>But I wouldn't advise you to go out and buy a copy of <i>Goodbye, Columbus</i>' (required, notoriously, in one of the freshman English classes) 'if you will forgive me for being vulgar' (Tartt 1992: 69).</p>	<p>— Разумеется, нет. Мы изучаем Данте, Вергилия, множество других авторов. Впрочем, вам вряд ли понадобится «Прощай, Колумб», — (эта книга уже много лет значилась в программе по английскому для первого курса), — если вы простите мне эту маленькую вульгарность (Тартт 2008: 49).</p>

Тем не менее они все равно оставляют примечание, объясняющее использование этой интертекстуальной ссылки — «первая книга американского писателя Филипа Рота, за которую в 1960 году он получил Национальную книжную премию» (Тартт 2008: 583). Пояснение позволяет получателю перевода сложить более полную картину происходящего в этой сцене: персонаж, произносящий эту фразу, — преподаватель литературы, который с пренебрежением относится к всемирно признанному произведению. Это усиливает оттенок претенциозности, который до этого передавался только на уровне сюжетного повествования, что делает образ более запоминающимся.

Да и само название романа «Тайная история» является интертекстом, о чем свидетельствует примечание переводчиков: «Следует пояснить, что название книги отсылает к произведению византийского историка Прокопия Кесарийского (ок. 500–562 гг.). Исполняя обязанности военного летописца при дворе императора Юстиниана, он написал восьмитомную «Историю войн», которую снабдил «неофициальным» дополнением — памфлетом под заглавием *Anecdota* (т. е. «Неизданное»). <...> Греческое название памфлета переводилось на английский как *The Secret History*, а на русский — как «Тайная история» (Тартт 2008: 746). Учитывая, что персонажи произведения тесно связаны с изучением древнегреческой культуры, настолько, что это становится неотъемлемой частью их жизни, вполне можно сделать предположение о намеренном использовании этого названия в качестве интертекстуального включения, источником которого опять же выступает художественный текст. Однако о тематическом единстве прецедентного и современного текстов говорить не приходится. Если первый представляет собой критику власти Византийской империи и концентрируется на проблемах коррупции и тирании, то второй — перевернутый детектив, отчасти социальный комментарий на оторванность от реальности наследников богатых семей. Возможно, интертекст также призван показать нам, что за внешним лоском персонажей романа Тартт скрывается пустота и скука.

С точки зрения повествования можно заметить еще одну деталь — ученые все еще ведут споры по поводу жанровой принадлежности этого произведения Тартт, достоверности приводимых в нем сведений и времени его создания. Возможно, называя свое произведение именно так, автор в очередной раз указывает на то, что главный герой истории, так называемый ненадежный рассказчик — герой-повествователь, сообщающий недостоверную информацию. Некоторые эпизоды в тексте романа заставляют усомниться в объективности фокального персонажа; и достаточно интересно то, что это может проявляться и на уровне интертекстуальности.

4. Заключение

Итак, в переводе романа «Щегол» переводчица использует устоявшиеся аналоги названий и имен собственных в русском языке, эксплицирует источник заимствования, но чаще не добавляет собственных комментариев. В большинстве случаев она сохраняет отсылки, за редким исключением опускает их, чтобы избежать несоответствия образной выразительности между оригиналом и переводом и в целях сохранения эстетики оригинального текста. В переводе «Гайной истории» почти каждая ссылка сопровождается комментарием и в некоторых случаях в тексте можно увидеть новые интертекстуальные связи, созданные именно переводчиками. Это не влияет на сюжетно-образное единство текста, напротив, только усиливает уже сложившееся у читателя впечатление о персонаже и сюжете. Разница в подходе обусловлена и количеством интертекстуальных включений в тексте, и их функцией в произведениях, а также личными предпочтениями самих переводчиков.

Список литературы / References

- Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. [Barthes, Roland. (1989) *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika*. Per. s fr.; sost., obshh. red. i vstup. st. G. K. Kosikova (Selected Works: Semiotics, Poetics. Transl. from French; comp., general ed. and introductory article by Georgy K. Kosikov). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 4-е. М.: «Сов. Россия», 1979. [Bakhtin, Mikhail M. (1979). *Problemy poetiki Dostoevskogo* (Problems of Dostoevsky's Poetics). Moscow: «Sov. Rossiya». (In Russian)].
- Гришаева Л. И. Интертекстуальность как фактор риска в переводческой деятельности // Язык, коммуникация и социальная среда. 2012. Вып. 10. С. 46–68. [Grishaeva, Lyudmila I. (2012) *Intertekstual'nost' kak faktor riska v perevodcheskoj deyatel'nosti* (Intertextuality as a Risk Factor in Translation Activities). *Yazyk, kommunikaciya i social'naya sreda* (Language, Communication and Social Environment), 10, 46–68. (In Russian)].
- Кристева Ю. Семиотика: Исследования по семанализу / Пер. с фр. Э. А. Орловой. М.: Академический проект, 2013. [Kristeva, Yuliya. (2013) *Semiotika: Issledovaniya po semanalizu*.

Per. s fr. E. A. Orlovoj (Semiotics: Studies in Semanalysis. Transl. from the French by El'na A. Orlova). Moscow: Akademicheskij Proekt. (In Russian)].

Осадчая Т. Ю., Каплюхина П. Е. Способы реализации интертекстуального диалога в современном романе (на материале романа С. Уотерс «Бархатные коготки») // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2025. Вып. 03 (119). С. 206–213. [Электронный ресурс]. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/sposoby-realizatsii-intertekstualnogo-dialoga-v-sovremennom-romane-na-materiale-romana-s-uoters-barkhatnye-kogotki.html> (дата обращения: 31.03.2025). [Osadchaya, Tatiana Yu., Kaplyukhina, Polina E. (2025) Sposoby realizatsii intertekstual'nogo dialoga v sovremennom romane (na materiale romana S. Uoters «Barkhatnye kogotki») (Intertextual Dialogue in the Contemporary Novel (based on the novel “Tipping the Velvet” by S. Waters)). *Philological Aspect: International Applied Science Journal*, 3(110), 206–213. Retrieved from: <https://scipress.ru/philology/articles/sposoby-realizatsii-intertekstualnogo-dialoga-v-sovremennom-romane-na-materiale-romana-s-uoters-barkhatnye-kogotki.html> (2025, March 31). (In Russian)].

Рябуха О. В., Трошина А. В. Проблема типологии интертекстуальных включений и их роль в структуре интертекста (на материале журнальных и газетных статей) // Научный диалог. 2018. Вып. 4. С. 134–146. [Ryabukha, Olga V., Troshina, Aleksandra V. (2018) Problema tipologii intertekstual'nykh vklyuchenii i ikh rol' v strukture interteksta (na materiale zhurnal'nykh i gazetnykh statei) (Problem of Typology of Intertextual Inclusions and Their Role in Intertext Structure (by Material of Magazine and Newspaper Articles)). *Scientific Dialogue*, 4, 134–146. (In Russian)]. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-4-134-146.

Yakovleva, Svetlana, & Valeeva, Roza (2020, January 20). Translation of Intertextual Elements in Fiction (Illustrated by D. Tartt's Book “The Goldfinch”). *Abstracts & Proceedings of INTCESS 2020 — 7th International Conference on Education and Social Sciences, 20-22 January 2020, Dubai, UAE*. Retrieved from: https://www.ocerints.org/intcess20_e-publication/abstracts/a209.html (2025, November 11).

Словари / Dictionaries

Баженова Е. А. Интертекстуальность // Стилистический энциклопедический словарь / Под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 104–108. [Bazhenova, Elena A. (2006) Intertekstual'nost' (Intertextuality). In Margarita N. Kozhina (ed.) *Stilisticheskij e`nciklopedicheskij slovar`* (Stylistic Encyclopedic Dictionary). Moscow: Flinta: Nauka, 104–108. (In Russian)].

Источники языкового материала / Language material resources

Тартт Д. Тайная история: роман / Пер. с англ. Ю. Рыбаковой, М. Поповец. М.: Новости, 1999. [Tartt, Donna. (1999) *Tajnaya istoriya* (The Secret History. Transl. from English by Yuliya Rybakova, Marina Popovets). Moscow: Novosti. (In Russian)].

Тартт Д. Тайная история / Пер. с англ. Д. Бородкина, Н. Ленцман. М.: Иностранка, 2008. [Tartt, Donna. (2008) *Tajnaya istoriya* (The Secret History. Transl. from English by Denis Borodkin, Nataliya Lenzman). Moscow: Inostranka. (In Russian)].

Тартт Д. Щегол: роман / Пер. с англ. А. Завозовой. М.: АСТ: CORPUS, 2015. [Tartt, Donna. (2015) *Shchegol: roman* (The Goldfinch: novel. Transl. from English by Anastasiya Zavozova). Moscow: AST: CORPUS. (In Russian)].

Tartt, Donna. (2013) *The Goldfinch*. New York: Little, Brown and Company.

Tartt, Donna. (1992) *The Secret History*. London: Penguin Books.

УДК 81'22

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-120-134

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ СИМВОЛОВ
В РОМАНЕ В. В. ВЕРЕСАЕВА «СЕСТРЫ»**

В. Ю. Сухотина

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия

В статье изучены символы как инструменты выражения идеи художественного произведения — романа В. В. Вересаева «Сёстры». Художественные детали романа рассмотрены в контексте теории знаков Ч. С. Пирса. На основе изучения работ Н. Д. Арутюновой, А. Ф. Лосева, М. Л. Ковшовой дана собственная трактовка символа. В статье раскрыты основные характеристики данной лингвокультурной детали, затронута проблема понимания ее сущности и роли в построении художественного пространства романа. В романе В. В. Вересаева «Сёстры» выделены текстовые и нетекстовые знаки-символы. Предпринята попытка интерпретации важных для понимания культурной эпохи произведения фрагментов. В результате исследования было выявлено, что выделенные в текстовом пространстве романа символы обладают императивностью, образностью. Более того, они обладают планом выражения и содержания, выражают авторскую идею, отражают культуру определенной эпохи. В статье показан механизм образования новых смыслов знаков-символов. Посредством данного процесса происходит обновление культурных представлений и установок членов языкового сообщества, связанное со сменой культурно-исторической парадигмы. Символы являются частью художественного пространства романа и представляют собой особые общественные правила. Значение символов является частью сознания представителей лингвокультурной общности, что говорит об их коллективном, универсальном характере. Они, как правило, основаны на образах наивного мира, но могут описывать сущность духовного мира. Различные виды знаков-символов подчиняются культурным таксонам *Старая Жизнь*, *Новая Жизнь* и элементам дихотомии «свой — чужой», что ярко изображает специфику эпохи начала XX века.

Ключевые слова: художественное пространство; символы; культурная эпоха; интерпретация; ментальный образ.

Цитирование: Сухотина В. Ю. Лексико-семантические и функциональные характеристики символов в романе В. В. Вересаева «Сестры» // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 4 (72). С. 120–134. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-120-134.

**Lexico-Semantic and Functional Characteristics of Symbols
in V. V. Veresaev's Novel *The Sisters***

Valeria Ju. Sukhotina

Lev Tolstoy Tula State Pedagogical University, Tula, Russia

The article examines symbols as instruments for conveying the artistic concept of V. V. Veresaev's novel *The Sisters*. Artistic details are analyzed within the framework of C. S. Peirce's semiotic theory. The study proposes its own interpretation of the symbol, drawing on the works of N. D. Arutyunova, A. F. Losev, and M. L. Kovshova. It identifies the principal characteristics of this linguistic and cultural element, addressing the challenges of understanding its essence and role in shaping the novel's artistic space. The text of *The Sisters* reveals both textual and extra-textual signs functioning as symbols. The article interprets passages critical for understanding the cultural context of the work. Analysis demonstrates that the symbols embedded in the textual space possess both imperativeness and figurativeness. They operate on expressive and content levels, conveying the author's intent and reflecting the culture of a specific historical era. The study also elucidates the mechanisms by which symbolic signs acquire new meanings. Through this process, the cultural ideas and values of the linguistic community are renewed, corresponding to shifts in cultural and historical paradigms. Symbols are integral to the artistic space of the novel and embody specific social norms. They constitute elements of the collective consciousness of the linguistic and cultural community, indicating their universal character. While often rooted in images of the everyday, naive world, symbols can also articulate the essence of the spiritual sphere. Finally, various types of symbolic signs in the novel align with the cultural categories of *Old Life* and *New Life*, vividly illustrating the distinctiveness of the early twentieth-century historical and cultural context.

Key words: artistic space; symbols; cultural epoch; interpretation; mental image.

Citation: Sukhotina, Valeria Ju. (2025) Lexico-Semantic and Functional Characteristics of Symbols in V. V. Veresaev's novel *The Sisters*. *LUNN Bulletin*, 4 (72), 120–134. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-120-134.

1. Введение

Современная лингвистика развивается в рамках антропоцентрической парадигмы. Вектор исследования сместился на человека (Lévi Strauss 1966; Bernstein 1972; Schwartz 1994; Hofstede 1997; Hart 1998; Лотман 2000; Красных 2002; Hansen 2003; Smith 2004; Кузе 2012; Токарев 2021a). В связи с этим в настоящее время внимание исследователей сконцентрировано на явлениях языка, объясняющих механизмы мышления индивида и порождения новых смыслов. К данным явлениям, отражающим особенности мировосприятия и понимания, относятся символы (Маслова 2001; Шумбасова 2020). Они объективируют наивные представления человека о мире. В процессе обработки полученных знаний в сознании индивида формируются ментальные модели, которые в дальнейшем закладывают фундамент его национальной идентичности (Fairclough 1989; Van Dijk 2001; Бурукина 2020; Джамбаева, Жанабай 2025).

Ментальные образы, сформировавшиеся в сознании представителя лингвокультурной общности, реализуются в тексте путем использования текстовых и нетекстовых символов.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении лексико-семантических и функциональных особенностей символов при интерпретации художественного текста (на материале романа В. В. Вересаева «Сёстры»). Цель обусловила необходимость решения следующих задач:

- 1) изучить специфику символов и их использования в художественном тексте;
- 2) выявить лексико-семантические и функциональные особенности символов;
- 3) выделить особенности использования символов автором романа «Сестры».

Объектом исследования являются знаки-символы, содержащиеся в художественном тексте. Предмет включает лексико-семантическую и функциональную репрезентацию художественного пространства романа В. В. Вересаева «Сёстры» при помощи символов.

2. Характеристика материала и методов исследования

Для достижения поставленных задач были использованы следующие методы и приемы исследования: концептуальный, ономазиологический, семасиологический.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Проблемой изучения символа как лингвокультурологической единицы занимались многие ученые, тем не менее не было выработано единого определения данного явления. Н. Д. Арутюнова обращала внимание на функциональный потенциал символа. Данный вид знака, приобретая определённые функции в обществе, вводит в нем свои правила поведения. По мнению Н. Д. Арутюновой, «стать символом значит приобрести определяющую жизнь человека или коллектива людей функцию, властно диктующую выбор жизненных путей и моделей поведения» (Арутюнова 1999: 338). У истоков семиотической теории стояли Ч. Моррис (Morris 1938), Ч. С. Пирс. Разрабатывая семиотическую теорию, Ч. С. Пирс также придерживался данной концепции и определял символ как «репрезентативный, чей репрезентативный характер состоит в том, что он является правилом, которое обусловит его Интерпретант» (Пирс 2000: 87).

Правила использования знаков-символов в речи не могут быть определены их интерпретаторами (Токарев 2021b). В связи с этим А. Ф. Лосев подчеркивал в определении символа, что данный феномен представляет собой «заряженную множеством структур, призванную творчески переделывать действительность» (Лосев 1995: 17).

Культурологическим критерием символа является его типичность, универсальность. Согласно М. Л. Ковшовой, типичность символа проявляется в его

устойчивости и воспроизводимости: «Символы представляют собой константы, особого рода устойчивые образы, в структуре которых предметный и глубинный смысл находятся в тесной взаимосвязи, что предопределяет регулярную воспроизводимость культурного символа» (Ковшова, Гудков 2017: 119). Таким образом, исследователь выделяет в символе следующие особенности: устойчивость, предметность и воспроизводимость. Структуру символа предопределяет заложенная в него идея, отраженная в форме некоего объекта.

Ввиду полученной в ходе анализа теоретических источников информации символ определяется как лингвокультурная единица, обладающая знаковой природой, принадлежащая в равной степени миру вещей и ментальных образов различных культурных пластов, передающая национальный характер и определенные правила поведения человека в обществе (Токарев 2022). Данное лингвокультурологическое явление имеет ряд признаков: 1) обладает знаковой природой и, соответственно, имеет план выражения и план содержания, семиотическую связку (Арутюнова 1999); 2) имеет, как правило, яркое образное основание, которое запечатлевается в сознании индивида; 3) выражает некую идею, принадлежащую равно как к вещному миру, так и к миру ментальному (Топоров 1995); 4) определяет правила поведения человека и выступает для него ориентиром; 5) является атрибутом наивной картины мира.

Анализ романа В. В. Вересаева «Сёстры» позволил выделить символы текстовые и символы эпохи. Г. В. Токарев разграничивает данные типы символов, поскольку «текстовые символы неотделимы от текста, формируются в нём и далее определяют его воздействующую силу, во-вторых, характеризуются акциональностью, которая выражается в том, что текстовый символ отражает и проектирует человеческие практики. Текстовые символы напрямую связаны с таким свойством текста, как регулятивность» (Токарев 2016: 155). Следовательно, текстовые символы характеризуются такими признаками, как акциональность, так как обладают способностью оказывать влияние на человека и описывать его деятельность, и регулятивность — данный признак является определяющим в процессе познавательной деятельности читателя. Также, по мнению В. А. Масловой, символы могут генерироваться повседневностью, как и генерироваться текстом: «Символ как бы наращивается на прямом значении соответствующего слова, не заменяя и не видоизменяя его, но включаясь при этом в широкий культурный контекст» (Маслова 2001: 84).

Так, *валенки* следует отнести к текстовым символам. Данный знак читатель встречает в заключительной, третьей главе романа. Автор повествует об узурпации власти командой молодых активистов — Лелькой и другими ребятами, в том числе Юркой. Всецело доверяя девушке, Юрка забирал у зажиточных крестьян одежду, обувь, скот — всё, что могло пригодиться в колхозе. Забирая у ребенка валенки, Лелька держалась стойко и бескомпромиссно. Активисты потеряли голову от видимого и желаемого успеха своей деятельности и допустили перегиб,

о котором впоследствии Юрка будет вспоминать с болью в сердце: *Каждую ночь его вижу... Бежит босой по снегу: «Дяденька! Отдай валенки!..»* (Вересаев 1990: 351). Так, валенки в тексте романа являются символом милосердия, укора за бездушие.

Автор особенно обращает внимание читателя на такой предмет одежды, как платье. *Платье* также является текстовым символом. Приметной особенностью платья Нинки является его потрепанность. Одежда была ношеной, покрытой пылью и не соответствовала требованиям этики. Своим видом Нинка бросает вызов буржуазному обществу: *На площадке огромное зеркало отразило поношенное, покрытое пылью платье Нинки и озорные, вызывающие лица обоих.* (Вересаев 1990: 209) Марк поддерживает Нинку в ее решении: *А что платье... — Его глаза сверкнули тем грозным вызовом, который иногда так изменял его добродушно-веселое лицо. — Что же, мы будем стесняться и стыдиться нэпачей?* (Вересаев 1990: 209) Излюбленным местом отдыха представителей буржуазии в тексте представляется *ресторан*. Так, ресторан, платье являются текстовыми символами буржуазии. Данные символы используются в тексте с негативной окраской.

Текстовым символом также является вербальный знак *косы*. В дневнике Лелька оставляет своей сестре нравоучительное замечание: *Но одна моя к тебе просьба напоследок: Нинка! Остриги косы! Дело не в косах. А — отбрось к черту буржуазный пережиток* (Вересаев 1990: 187). Косы являются символом изжившего себя буржуазного строя. Его использование в романе обусловлено присутствием в тексте атрибутов «старого» и «нового» миров. Символ *косы* относится к понятию старого быта и содержит негативный оттенок значения.

В текстовом пространстве романа также содержатся узуальные символы, такие как *самовар* и *лапти*. Представляя собой объект вещного мира, самовар определяется как «металлический прибор для кипячения воды с топкой внутри, наполняемой угольями» (ТСРЯ 1940: 30). Люди издавна кипятили воду для чаепития и созывали гостей. Однако в ментальной картине мира самовар как предмет быта приобрел символическое значение гостеприимства и дружеской атмосферы: *Сейчас все сидели в большой комнате за блестящим самоваром. Были гости. Шумно разговаривали, смеялись и выпивали* (Вересаев 1990: 249). Узуальное значение данного символа во многом соответствует текстовому значению.

Лапти носили и зажиточные люди, и крестьяне, но традиционно этот вид обуви ассоциируется с деревней. Согласно толковому словарю Д. Н. Ушакова, лапти — это «плетеная обувь из лыка или веревок, охватывающая со всех сторон ступню ноги» (ТСРЯ 1938: 26). *И странно, почти не было в городской одежде, — стояли все бородатые мужики, в полушубках, многие в лаптях. Местный пастух, в очень грязных, разбитых лаптях, выкладывал из сундука вещи, изумлялся и встряхивал волосами* (Вересаев 1990: 345). В тексте романа

узуальное символическое значение данного вербального знака совпадает с представленным в тексте романа значением: преимущественно обувь крестьян, символ бедности.

В процессе интерпретации текста важным является символ *маски*. Маска символизирует стремление защититься от реальности внешнего мира либо от самого себя. Так, маска помогает главным героиням скрыть от окружающих глубокий личностный кризис, скрыть чувства: *Я [Нинка] (прим. — В. С.) очень самолюбива, очень чутка на насмешки, и когда у меня самой срывалась маска под давлением искренних чувств, я быстро напяливала ее опять* (Вересаев 1990: 206). При этом Нинка лично проводила деятельность по разоблачению масок окружающих ее людей: *Маска сорвана и, растоптанная, валяется на земле. А кто сорвет маску с меня?* (Вересаев 1990: 220). Итак, узуальное значение символа *маска* во многом совпадает с его значением в тексте. Маска символизирует сокрытие истинной личности.

Использование автором конкретных языковых единиц во многом обусловлено историческим контекстом. Находясь под влиянием идей В. И. Ленина и его учения, Лелька переживала внутренний кризис борьбы двух личностей — личности комсомолки и личности «великого шарлатана». В дневнике девушки упоминали символ *лестницы*, представляя свою жизнь как движение вверх и вниз, переход с одной ступеньки на другую: *Позвольте мне раньше побегать по всей лестнице вверх и вниз, постоять на каждой ступеньке, все узнать самой и продумать все самой же* (Вересаев 1990: 196). Личность «великого шарлатана» ассоциируется с одной из таких ступенек и выражается в поисках правды, изучении мира и наблюдении за поведением окружающих. Нинка учит сестру: *...чтобы жизнь тебя не надула, нужно, хоть на время, стать «великим шарлатаном», не верить ни во что и в то же время во все верить, научиться понимать всех людей, стать насмешливым наблюдателем на арене жизни и непрерывно производить эксперименты* (Вересаев 1990: 197).

В романе «Сестры» преобладают символы эпохи, которые формируются из совокупности знаков, относящихся преимущественно к миру вещей и к определенной культурно-исторической эпохе. В домах люди развешивали алые плакаты с изображением вождей; девушки повсеместно начинали носить красные косынки, а пионеры — красные галстуки. Красный цвет одежды передавал идею смены политического устройства. Так, *красная косынка* явилась ярким символом периода 1920–30-х годов, нового государства. Девушка, носившая такой головной убор, признавалась обществом в роли активистки и истинной комсомолки.

Также во внутритекстовом пространстве романа можно отметить частотное использование автором феминитивов. Данный факт указывает на изменение положения женщины в обществе 1920–30-х годов. В своей работе исследователь Д. А. Новичкова подробно рассматривает остро поставленный в период первой

пятилетки вопрос положения женщины в обществе (Новичкова 2020). Вектор общественного развития СССР изменил направление на процесс преобразования страны из аграрной в индустриальную. В связи с этим привычный образ женщины как хранительницы очага потерял актуальность — появились такие типажи, как *ленинка*, *вузовка*, *ударница*. Данные культурно маркированные единицы активизируют в сознании читателя представления, связанные с описываемой в романе эпохой.

Изменения коснулись также сферы культуры. *Культурная революция* стала продолжением общественных преобразований: появились новые жанры театрального искусства. В 1920–30-е годы известным коллективом агитационного эстрадно-драматического направления в советском театре являлась «Синяя блуза» (Мокиенко, Никитина 1998: 545). Данное название происходит от формы одежды, в которой выступали молодые люди. «Синяя блуза» в тексте романа выступает в качестве символа революционного массового искусства.

Ввиду того, что молодые люди считались опорой для будущих поколений, вопрос образования молодежи стоял довольно остро. В данный период были организованы *рабочие факультеты*; в подшефные деревни командировали активистов для *ликвидации безграмотности* среди крестьян. Бедственное положение крестьян описываемого в романе периода во многом связано с проводимой в деревне политикой *разверстки*, представлявшей собой процесс изъятия у крестьян продуктов сельского хозяйства в пользу пролетарского государства (Мокиенко, Никитина 1998: 506). В тексте романа разверстка — символ бедственного положения крестьян: *И без того разверстку райкома еле-еле выполнили. Всё себя обслуживаем, а обслужить никак не можем* (Вересаев 1990: 219). Данный отрывок указывает на большие объемы изъятых у крестьян продовольствия. *Рабфак*, *ликбез* представляют собой символы объединения рабочих и крестьян, символы новой системы народного образования. Также стоит обратить внимание на факт преобразования процесса производства — на предприятиях повсеместно распространялись и применялись правила *научной организации труда (НОТ)*. Культурная революция, научная организация труда являются символами нового общества и его переустройства. Наряду с данными знаками автор выделяет понятия *коллективизация*, *индустриализация*, *пятилетка*, которые являются яркими символами эпохи 1920–30-х годов в СССР, символами правления И. В. Сталина и государственной реструктуризации различных сфер общества.

Отличительной особенностью романа является тот факт, что автор ведет повествование от лица главных героинь. Одна из сестер, Лелька, прекратила обучение в университете ради работы на производстве. В стремлении проявить себя активной комсомолкой она руководила различными кружками, осуществляла агитацию среди рабочих. Используемые в тексте романа культурные единицы *рабфак*, *втуз* также представляют собой знаки-символы эпохи изменения содержания образования СССР (Мокиенко, Никитина 1998: 102, 505): *Завязали связь*

с деревней, на той неделе деревенская молодежь приезжает к нам во втуз, на экскурсию (Вересаев 1990: 197). Как было сказано ранее, в 1920–30-х годах одним из направлений работы правительства являлась ликвидация безграмотности среди молодежи. Молодых людей зачисляли в высшие учебные заведения для получения специальности и дальнейшего поступления на работу. Техническое образование будущие специалисты могли получить в том числе во втузах или заводах-втузах (БЭС 1973). Так, в знаковом пространстве романа содержится множество единиц, соответствующих социально-культурному фону описываемой эпохи, например, Лелькой и бригадой других заинтересованных работников (*инициативной тройкой*) была организована *ударная группа для улучшения производительности*. В тексте романа инициативная тройка является символом силы, власти и целеустремленности работников.

В. В. Вересаев акцентирует внимание на том, что девушки и женщины придерживаются активной жизненной позиции, изображая их как представительниц какой-либо организации. В словаре языка Совдепии вербальный знак *ленинка* выступает в образе человека, следующего учению В. И. Ленина, или, иными словами, последовательницы ленинизма (Мокиенко, Никитина 1998: 310). Также известно, что ленинкой именовали женщину, вступившую в партию по Ленинскому призыву в 1924 году (Мокиенко, Никитина 1998: 311). В своем диссертационном исследовании Д. А. Новичкова подчеркивает сильный характер и волю вересаевской женщины: «Среди них немало сильных героинь, которые смело занимают самостоятельную позицию: они вступают в споры с мужчинами о будущем России, выражают личное мнение, стремятся разобраться в смысле революции и Гражданской войны, получают образование, много работают физически и интеллектуально — строят коммунизм» (Новичкова 2020: 109). Так осуществляемая женщиной деятельность стала ассоциироваться с тяжелым трудом на производстве. Напротив, с пренебрежением и неуважительно в начале 1920-х годов в обществе относились к *беспартийным* гражданам. Считалось, что у них нет цели и стремлений в жизни. Беспартийный человек символизировал безыдейность, и взаимоотношения с такими элементами в обществе считались унижительными: *унизился до любви к беспартийной* (Вересаев 1990: 300).

Главным направлением творчества В. В. Вересаева всегда являлось изучение жизни простого народа. В романе «Сестры» автор показывает жизнь молодежи периода 1920–30-х годов. Одним из символов Советского Союза и молодости, несомненно, является *комсомол (ВЛКСМ)*. Вступление в комсомол считалось почетным для каждого молодого ленинца. Самые юные представители союза молодежи имели возможность присоединиться к пионерам. *Барабанный бой, красные галстучки* являются символами участия детей в пионерском движении. Бой барабанов можно было услышать при маршировке, красные галстуки представляют собой предмет одежды пионеров. Данные знаки являются также и знаками-указателями.

Известно, что предметы одежды могут быть причислены к различным типам знаков — они выступают как индексы, иконы и символы в зависимости от интенции автора и коммуникативной ситуации. Молодые люди чувствовали себя необременённо, были открыты новым идеям. Новое положение в обществе и внутреннее ощущение свободы отражала одежда. Так, *кожаная курточка* является символом, выражающим определенный образ человека — истинного комсомольца, по мнению героини романа Лельки: *А когда повернулись и пошли домой, крепкие, стойкие, три кожаные курточки, то у меня задергались брови, сжались зубы, я решила: буду идти по тому пути, чтобы стать кожаной курточкой* (Вересаев 1990: 225). Таким образом, предмет одежды молодежи 1920–30-х годов — кожаная курточка — выступает символом новой жизни, бунта и ощущения власти молодежи. Кожаная курточка ассоциируется с борьбой с провинившимися общественными элементами. В период описываемых в романе событий кожаные куртки носили сотрудники ВЧК (Мокиенко, Никитина 1998: 104), занимавшиеся борьбой с контрреволюционными элементами и оппортунистами. *Оппортунизм* представляет собой символ присутствия нравственно разложившихся элементов в обществе.

Автор использует единицы *интеллигентщина* и *шигалевщина*. В тексте интеллигентщина — символ старого мира, буржуазии, «торгашеского» мышления. В обществе возникло пренебрежительное отношение к интеллигенции. К представителям интеллигенции относились с холодным снисхождением: *Интеллигентка, дворяночка. Деликатности всякие* (Вересаев 1990: 336). Данное высказывание одного из героев романа подтверждает враждебное отношение рабочего класса к интеллигенции и имеет негативные коннотации, генерируемые текстом.

Идеологемы, отраженные в тексте романа, диктуют правила поведения и установки и имеют особенность развиваться со сменой культурной парадигмы. Так, в романе обостряется конфликт между сестрами и их матерью — представителями нового и старого поколения. Мать говорит дочерям о шигалевщине и к каким результатам это явление может привести. Словом *шигалевщина* в произведении называется учение философа Шигалева, героя Ф. М. Достоевского, о социалистическом переустройстве мира на основе тотального контроля за людьми. Шигалевщина — это символ равенства и несвободы человека в условиях социалистического общества.

В художественном тексте часто прослеживается соотношение знака, символа и концепта. Цитируя А. Г. Шейкина, Е. А. Мошина утверждает, что знак может переходить в символ, приобретая определенную культурную коннотацию (Мошина 2021). В свою очередь процесс символизации объекта, выражающийся в его принадлежности к другому миру, противоположному миру вещей, является частью процесса концептуализации, в результате чего объект приобретает новые смыслы. Так, концепт «Враг», использующийся преимущественно в военном

дискурсе, получил переосмысление и приобрел дополнительное смежное значение. В тексте романа можно выделить понятие *классовый враг*, включающее в себя множество компонентов. *Классовый* определяется как ‘соответствующий идеологии, интересам того или иного класса’ (ТСРЯ 1935: 296). Под классом понимается класс пролетариев, являющийся представителем новой жизни. Классовый враг — противник пролетарской идеологии. В процессе концептуализации образовались фреймы «старая жизнь» и «новая жизнь», содержащие в себе участников, установки, правила поведения.

Вопрос взаимоотношений различных классов, своего и чужого в романе является одним из ключевых. Известно, что в период написания романа «Сестры» общественные настроения были направлены на классовую борьбу — зажиточные кулаки выступали как чуждые элементы, наряду с интеллигенцией были противопоставлены рабочему классу. Чуждыми элементами провозглашались представители какой-либо общественной среды (примазавшиеся, разложившиеся, негодные). Данное выражение используется с осудительным оттенком значения (Мокиенко, Никитина 1998: 675). *Кулаками* называли богатых зажиточных крестьян-собственников, эксплуатирующих батраков, бедняков (Мокиенко, Никитина 1998: 296). — *Нет, я не кулак, я труждающий!* (Вересаев 1990: 347) здесь употреблено с уничижительным оттенком значения. В романе кулак представляется как злостный эксплуататор бедного населения. Содержится указание на нетрудовой характер дохода кулаков, что приравнивалось к деятельности нэпачей, торгашей. Кулаками могли называть также помещиков. Известно, что помещичество противопоставлялось крестьянству. Землевладелец находился в более выгодном финансовом положении, чем простые работники. Итак, кулачество в период 1920–30-х годов являлось символом изжившего себя буржуазного строя.

Люди, придерживающиеся новых устоев и представлений, с пренебрежением относились к рвачеству и к приверженцам консервативных взглядов. *Праветь* используется с неодобрительной коннотацией и имеет значение ‘становиться более правым, реакционным, консервативным’ (Мокиенко, Никитина 1998: 466). В свою очередь *рвачество* определяется как стремление человека получить как можно больше материальных благ (Мокиенко, Никитина 1998: 515).

В тексте романа содержатся именные словосочетания с цветовым компонентом «черный», например, *черная касса, черная доска, черное дело*. Данный цвет приобрел символическое значение в русской лингвокультуре. В период 1920-х годов черный цвет использовался в языке для указания на какие-либо действия, противоречащие установленным предписаниям. Для борьбы с безответственным отношением к работе в период индустриализации страны рабочими были созданы черные кассы — отдельно выделенное место, где получали заработную плату прогульщики (определение В. Ю. Сухотиной). На предприятиях также были организованы уголки, где размещались черные доски, на которые

заносились имена отстающих или провинившихся в чем-либо (Мокиенко, Никитина 1998: 179). Таким образом, *черная касса, черная доска, рвачество, правый уклон* — символы старых устоев и представлений. Следует отметить, что сочетание красного и черного цветов является знаковым и отражает колорит описываемой в романе эпохи: *В цехах, на заводском дворе и на заборе летнего помещения клуба пестрели красным и черным большие плакаты* (Вересаев 1990: 324).

Следует отметить, что символ является ключом к интерпретации текста. В романе В. В. Вересаев использует ряд символов, являющихся своего рода маячками в художественном пространстве. При помощи символов автор достоверно показал эпоху 1920–30-х годов. Также, используя знаки-символы, автор попытался передать основные идеи романа — идеи душевного кризиса, общественного разложения и перегиба. Символы в романе В. В. Вересаева «Сестры» являются основой формирования национальной идентичности, а также несут общественную значимость.

Итак, символ играет ключевую роль в семиотическом пространстве художественного произведения. Ввиду своей двусторонней природы знак-символ принадлежит к двум мирам — материальному и духовному. При смене культурной парадигмы символ сохраняет свою преемственность, однако определенный набор символов может передавать образ конкретной исторической эпохи. В романе «Сестры» В. В. Вересаев при помощи лингвокультурных деталей пытался наиболее четко изобразить события 1920–30-х годов. В романе можно выделить яркие текстовые знаки-символы — *валенки, косы, платье* — и символы эпохи, такие как *кулачество, интеллигенщина, шигалевищина, коллективизация, индустриализация, черная касса, кожаная курточка* и др. В ходе исследования было установлено, что выявленные в тексте знаки-символы соответствуют заявленным признакам, а именно: данные знаки имеют смысл (означаемое), означающее и семиотическую связку; основаны на наивных представлениях об объектах реальности. Основание выбранных символов представляет собой запоминающийся образ и передает определенную идею или явление, связанное с действительностью. Символы романа изображены в форме императивов и побуждают человека вести себя строго заданным образом.

4. Заключение

Представленные в романе символы подчинены идее старого и нового устройства общества. Прагматическая цель использования данных вербальных знаков в тексте определяется выражением ключевой оппозиции свой / чужой, по принципу которой строится советское общество 1920–30-х годов. Символы романа изображены в форме императивов и побуждают человека вести себя строго заданным образом. К идее «чужого» можно отнести следующие символы: *беспартийный, кулак, черная касса, черная доска, рвачество, правый уклон, косы,*

платье. Символы, относящиеся к идее приверженности старым устоям, имеют отрицательную коннотацию.

К идее «своего» можно отнести узуальные символы *самовар, лапти*, отражающие артефакты русской культуры, а также следующие символы эпохи: *красная косынка, «Синяя блуза», ликбез, разверстка, культурная революция, научная организация труда, коллективизация, индустриализация, пятилетка, рабфак, втуз, инициативная тройка, беспартийный, комсомол, пионер, барабанный бой, красные галстучки, кожаная курточка*. Символы в художественном произведении выполняют функцию моделирования поведения. Схожую функцию выполняют содержащиеся в тексте идеологемы *классовый враг, интеллигентщина, шигалевщина*. Символы, относящиеся к идее перестройки общества, имеют положительную коннотацию.

Используя текстовые знаки-символы, такие как *маска, валенки*, автор попытался передать основные идеи романа — идеи душевного кризиса, общественного разложения и перегиба.

Список литературы / References

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. [Arutyunova, Nina D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* (Language and the Human World). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (In Russian)].
- Бурукина О. А. Репрезентация национальных культурных кодов в кинематографе: переводческие находки и потери // Культура и цивилизация. 2020. 10. № 3А. С. 40–56. [Burukina, Ol'ga A. (2020) *Reprezentatsiya natsional'nykh kul'turnykh kodov v kinematografe: perevodcheskie nakhodki i poteri* (Representation of National Cultural Codes in Cinema: Translation Finds and Losses). *Culture and Civilization*, Vol. 10, 3A, 40–56. DOI: 10.34670/AR.2020.85.92.005 (In Russian)].
- Джамбаева Ж. А., Жаңабай Ф. Т. Паремии с компонентом «мать» в русском языке: лингвокультурологический аспект // Актуальные вопросы лингвистики, межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков в вузе. Сб. материалов VIII Международной научно-практической конференции. Екатеринбург: УГГУ, 2025. С. 152–157. [Dzhambaeva, Zhanar A. & Zhanabai, Fariza T. (2025) *Paremii s komponentom «mat'» v russkom yazyke: lingvo-kul'turologicheskij aspekt* (Paroemias with the Component “Mother” in the Russian Language: Linguocultural Aspect). In *Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: Aktualnie voprosi lingvistiki, mezhkulturnoi kommunikatsii i metodiki prepodavaniya inostrannikh yazykov v vuze* (Proc. 8th Int. Scientific and Practical Conf. “Current Issues of Linguistics, Intercultural Communication and Methods of Teaching Foreign Languages at the University”). Ekaterinburg: UGGU, 152–157. (In Russian)].
- Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. [Krasnykh, Viktoriya V. (2002) *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya* (Ethnopsycholinguistics and Linguoculturology). Moscow: Gnozis. (In Russian)].
- Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1995. [Losev, Aleksej F. (1995) *Problema simvola i realisticheskoe iskucstvo* (The Problem of Symbol and Realistic Art). Moscow: Iskusstvo. (In Russian)].

- Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. [Lotman, Yurij M. (2000) *Semiosfera* (Semiosphere). Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB. (In Russian)].
- Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. [Maslova, Valentina A. (2001) *Lingvokul'turologija: Ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij* (Linguoculturology: study guide for university students). М.: Izdatel'skij centr «Akademija». (In Russian)].
- Мошина Е. А. Синкретизм древних понятий на примере макроконцепта earth / land (обзор мотивирующих и архаичных понятийных признаков) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. унта. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2021. № 1. С. 61–71. [Moshina, Elena A. (2021) *Sinkretizm drevnix ponyatii na primere makrokontsepta earth / land (obzor motiviruyushchikh i arkhainykh ponyatiinykh priznakov)* (Syncretism of Ancient Concepts Exemplified by the Macroconcept “earth / land” (A Review of Motivating and Archaic Conceptual Signs)). *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series “Humanitarian and Social Sciences”*, 1, 61–71. (In Russian)]. DOI: 10.37482/2687-1505-V075.
- Новичкова Д. А. Художественное осмысление противоречий эпохи и духовного кризиса человека в литературном творчестве В. В. Вересаева: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Мытищи, 2020. [Novichkova, Dar'ya A. (2020) *Khudozhestvennoe osmyslenie protivorechii epokhi i dukhovnogo krizisa cheloveka v literaturnom tvorchestve V. V. Veresaeva: Dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01.* (Artistic Understanding of the Contradictions of the Epoch and the Spiritual Crisis of Man in V. V. Veresaev's Literary Works: PhD. Thesis in Philology). Mytishchi. (In Russian)].
- Пирс Ч. С. Начала прагматизма. Том 2. Логические основания теории знаков. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетея, 2000. [Peirce, Charles S. (2000) *Nachala pragmatizma. Tom 2. Logicheskie osnovaniya teorii znakov* (The Beginnings of Pragmatism. Logical Foundations of the Theory of Signs). Saint Petersburg: Laboratoriya metafizicheskikh issledovaniy filosofskogo fakul'teta SPbGU; Aleteiya. (In Russian)].
- Токарев Г. В. К проблеме изучения текстовых символов (на примере трактата Л. Н. Толстого «Исповедь») // Русский язык на перекрёстке эпох: традиции и инновации в русистике. Ереван: Изд-во РАУ, 2016. С. 155–158. [Tokarev, Grigorij V. (2016) *K probleme izucheniya tekstovykh simbolov (na primere traktata L. N. Tolstogo «Isповед'»)* (On the Problem of Studying Text Symbols (Based on L. Tolstoy's “A Confession”)). In *Russkij yazyk na perekryostke epoh: tradicii i innovacii v rusistike* (The Russian Language at the Crossroads of Epochs: Traditions and Innovations in Russian Studies.) Erevan: Izd-vo RAU, 155–158. (In Russian)].
- Токарев Г. В. Лингвокультурный симболярый: квазисимволы: Монография. Тула: Тульское производственное полиграфическое объединение, 2021а. [Tokarev, Grigorij V. (2021a) *Lingvokul'turnyi simbolarii: kvazisimvoly* (Linguistic and Cultural Symbolary: Quasi-Symbols). Tula: Tul'skoe proizvodstvennoe poligraficheskoe ob''edinenie. (In Russian)].
- Токарев Г. В. Прагматика квазисимвола // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021б. Т. 20. № 3. С. 142–150. [Tokarev, Grigorij V. (2021b) *Pragmatika kvazisimvola* (Pragmatics of Quasi-symbol). *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 3, 142–150. (In Russian)]. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.12>
- Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. М.: Прогресс: Культура, Б. г., (1995). [Toporov, Vladimir N. (1995) *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* (Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the Field of Mythopoetic). Moscow: Progress: Kul'tura. (In Russian)].

- Шумбасова С. С. Современные лингвистические парадигмы // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: Материалы VI Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Белорусского государственного университета. Минск: БГУ, 2020. С. 131–135. [Shumbasova, Svetlana S. (2020) *Sovremennye lingvisticheskie paradigm (Modern Linguistic Paradigms. In Yazykovaya lichnost' i effektivnaya kommunikatsiya v sovremennom polikul'turnom mire: Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta (Linguistic Personality and Effective Communication in the Modern Multicultural World: Proc. 6th Int. Scientific and Practical Conf. dedicated to the 100th anniversary of the Belarusian State University). Minsk: BGU, 131–135. (In Russian)]].*
- Bernstein, Basil. (1972) *Social Class, Language and Socialization*. In Moscovici, Serge (ed.) *The psychosociology of Language*. Chicago: Markham Publishing Co.
- Fairclough, Norman. (1989) *Language and Power*. New York: Longman.
- Hansen, Klaus P. (2003) *Kultur und Kulturwissenschaft: eine Einführung*. Tübingen; Basel: Francke. (In German).
- Hart, William B. (1998) Three Levels of Cultural Studies. *E-Journal of Intercultural Relations*, 6.
- Hofstede, Geert. (1997) *Cultures and Organizations: Software of the mind: Intercultural Cooperation and its importance for survival*. New York: McGraw-Hill.
- Kuße, Holger. (2012) *Kulturwissenschaftliche Linguistik: Eine Einführung*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. (In German).
- Levi-Strauss, Claude. (1966) *The savage mind*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Morris, Charles W. (1938) *Foundation of the Theory of Signs*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Schwartz, Shalom H. (1994) Beyond Individualism and Collectivism: New Cultural Dimensions of Values. In Kim, Uichol, Triandis, Harry C., Kagitcibasi, Cigdem, Choi, Sang-Chin & Yoon, Gene. (eds.), *Individualism and Collectivism: Theory, Method and Application*. Thousand Oaks CA: Sage, 85–119.
- Smith, Peter B. (2004) Nations, Cultures and Individuals: New Perspectives on Old Dilemmas. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, Vol. 35, 1, 6–12.
- Van Dijk, Teun A. (2001) Discourse, Ideology and Context. *Folia Linguistica*, XXXV (1-2), 11–40.

Словари / Dictionaries

- БЭС — Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1973. [Prokhorov, Aleksandr M. (ed.) (1973) *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya (Great Soviet Encyclopedia)*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russian)].
- Ковшова М. Л., Гудков Д. Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2017. [Kovshova, Mariya L., Gudkov, Dmitry B. (2017) *Slovar' lingvokul'turologicheskikh terminov (Dictionary of Linguoculturology Terms)*. Moscow: Gnozis. (In Russian)].
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб: Фолио-пресс, 1998. [Mokienko, Valerij M., Nikitina, Tat'yana G. (1998) *Tolkovyi slovar' yazyka Sovdep'ii (Explanatory Dictionary of Sovdepia)*. Saint Peterburg: Folio-press. (In Russian)].
- Токарев Г. В. Словарь лингвокультурологических терминов. Тула: ТППО, 2022. Tokarev, Grigorij V. (2022) *Slovar' lingvokul'turologicheskikh terminov (Dictionary of Linguoculturology Terms)*. Tula: TPPO. (In Russian)].
- ТСРЯ — Толковый словарь русского языка. Т. 1. А — Кюрины / Под ред. проф. Д. Н. Ушаков. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935. [Ushakov, Dmitry N. (1935) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka (Explanatory Dictionary of the Russian Language)*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej. (In Russian)].

ТСРЯ — Толковый словарь русского языка. Т. 2. Л — Ояловеть / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1938. [Ushakov, Dmitry N. (1938) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* (Explanatory Dictionary of the Russian Language). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej. (In Russian)].

ТСРЯ — Толковый словарь русского языка. Т. 4. С — Ящурный / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1940. [Ushakov, Dmitry N. (1940) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* (Explanatory Dictionary of the Russian Language). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej. (In Russian)].

Источники языкового материала / Language material resources

Вересаев В. В. В тупике; Сестры: романы / Предисл. В. Лидина; подгот. текста, послесл., примеч. В. Нольде, Е. Зайончковского. Москва: Книжная палата, 1990. [Veresaev, Vikentij V. (1990). *V tupike; Sestry: romany* (At a dead end; The Sisters: Novels). Preface by Lidin, Vladimir G.; prepared by text, afterword, note by Nol'de, Valeriya M., Zaionchkovsky, Evgenij. Moscow: Knizhnaya palata. (In Russian)].

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 811: 371.3

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-135-146

АСПЕКТ ВАРИАТИВНОСТИ ЯЗЫКА В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОМ ОБУЧЕНИИ

К. В. Чайка ¹, М. В. Митина ¹, В. Т. Малыгин ²

¹ Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

² Владимирский институт развития образования
им. Л. И. Новиковой, Владимир, Россия

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема «Вариационная система как структурно значимый аспект естественного языка») (FSWZ-2024-0001).

В статье рассматривается вопрос о необходимости введения аспекта языковой вариативности в обучение, основанное на принципах полилингвальности. Преподавание тех или иных дисциплин на иностранном языке предполагает решение проблемы соотношения и взаимодействия языковой нормы и языкового разнообразия, проявляющегося в существовании различных вариантов языка. Современная глоттодидактика сосредоточена на предоставлении обучающимся необходимых инструментов для надлежащего использования языка(ов), при котором соблюдаются как языковая, так и социальная нормы. В проводимом исследовании определяются основные методические задачи, которые необходимо принимать во внимание в процессе приобщения обучающихся к проблеме лингвистической вариативности в рамках изучения ими литературы на иностранном языке. Анализируется учебный материал, представленный в учебном пособии «*Lire la littérature en français / Литература на французском языке*», предназначенном для обучения литературе на двуязычных русско-французских отделениях. Устанавливается, что уже на начальном этапе овладения дисциплиной обучающиеся получают возможность осознать тот факт, что язык является динамической системой, постоянно находящейся в процессе развития и изменения, что приводит к появлению различных языковых вариантов, которые фиксируются в различных типах художественных текстов. Доказывается, что тематический принцип организации учебного материала, как и применение сравнительно-сопоставительного подхода в качестве методической базы способствует ознакомлению

обучающихся с диатопическим, диахроническим, диастратным, диафазным и диамезическим аспектами лингвистической вариативности. Любой авторский текст является одним из источников вариативности литературного языка, и его изучение позволяет выявить фонетические, фонематические, лексические, словообразовательные, морфологические, синтаксические варианты, а также варианты нормы и стиля. Такое погружение в лингвистическое разнообразие, проявляющееся в том или ином тексте, помогает обучающимся осознать его жанровую природу, принадлежность к какой-либо исторической эпохе или литературному направлению. Проводимое исследование вносит вклад в изучение проблемы места и роли иностранного языка в рамках преподавания нелингвистических дисциплин на иностранном языке.

Ключевые слова: вариативность языка; языковая норма; полилингвальное обучение; глоттодидактика.

Цитирование: Чайка К. В., Митина М. В., Малыгин В. Т. Аспект вариативности языка в полилингвальном обучении // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 4 (72). С. 135–146. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-135-146.

The Aspect of Language Variability in Multilingual Education

Ksenia V. Chayka ¹, Marina V. Mitina ¹, Victor T. Malygin ²

¹ Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

² Institute for Education Development of Vladimir, Vladimir, Russia

This article examines the need to integrate linguistic diversity into multilingual education. Teaching academic subjects in a foreign language requires careful consideration of the relationship between linguistic norms and linguistic variability, which manifests itself in the coexistence of multiple language variants. Contemporary glottodidactics emphasizes equipping learners with the tools necessary for appropriate language use while respecting both linguistic and social norms. The study identifies key methodological objectives that should be taken into account when introducing students to linguistic diversity in the context of studying literature in a foreign language. The analysis focuses on teaching materials presented in the textbook *Lire la littérature en français / Literatura na francuzskom yazyke (Literature in French)*, designed for literature instruction in bilingual Russian-French university departments. The findings show that even at the initial stage of mastering the discipline, students are encouraged to recognize language as a dynamic system that is constantly evolving and changing, which leads to the emergence of diverse linguistic variants reflected in different types of literary texts. It is demonstrated that the thematic organization of the teaching materials, combined with a comparative methodological approach, facilitates students' familiarization with the diatopic, diachronic, diastratic, diaphasic, and diamesic dimensions of linguistic variation. Any author's text is viewed as a significant source of variation within the literary language. Its analysis enables the identification of phonetic, phonemic, lexical, word-formation, morphological, and syntactic variants, as well as variations in norms and stylistic markers. Such immersion in linguistic diversity as manifested in a given text helps students to better understand its genre characteristics, its affiliation with a particular historical period, and its connection to a specific literary movement. The research contributes to ongoing discussions concerning the place and role of a foreign language in the teaching of non-linguistic disciplines through a foreign language.

Key words: language variability; language norm; multilingual teaching; glottodidactics.

Citation: Chayka, Ksenia V., Mitina, Marina V., & Malygin, Victor T. (2025) The Aspect of Language Variability in Multilingual Education. *LUNN Bulletin*, 4 (72), 135–146. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-135-146.

1. Введение

Школьное образование в целом и языковое обучение в частности являются контекстом для изучения, преподавания и кодификации языка(ов); поэтому они традиционно и постоянно сталкиваются с проблемами, связанными с наличием как языковой нормы, так и языкового разнообразия и существования нескольких вариантов языка. Вопрос нормы может касаться приемлемости либо неприемлемости нестандартных языковых форм в работах обучающихся, носящих продуктивный характер, а также использования в качестве учебных материалов текстов, не относящихся к жанровому канону. В случае преподавания иностранных языков либо лингвистических дисциплин на иностранном языке дискуссионным является вопрос о том, какое языковое разнообразие следует передавать: нужно ли рассматривать только традиционные стандартные формы языка или же следует также принимать во внимание нестандартные формы, нововведения, существующие в границах нормы, а иногда и выходящие за рамки нормативности. Следовательно, одна из важнейших задач глоттодидактики заключается в предоставлении необходимых инструментов для надлежащего использования языка(ов), при котором соблюдаются как языковая, так и социальная нормы. Если на начальных этапах обучения предпочтительнее сосредоточиться в основном на языковой норме и стандартных формах (изучение прочных норм, приобретение эталонной модели), то на продвинутых этапах полезно также развивать понимание вариативности, различных вариантов использования языковых средств, включая нестандартные нормы, которые присутствуют в среде носителей языка (например, различных стилей либо регистров речи), и, следовательно, возможности и необходимости адаптации своего высказывания к коммуникативной ситуации.

Современные научные исследования в области глоттодидактики могут рассматривать лингвистическое разнообразие с точки зрения языкового плюрализма и быть направленными на укрепление потенциала плюрилингвистических компетенций, например, при реализации модели полилингвального обучения. Фундаментальное осмысление этого подхода предполагает решение проблемы целесообразности построения образования на базе составных языковых репертуаров, включающих в том числе нестандартные языки, например, диалекты или языки, не имеющие официального статуса, не являющиеся языками общения или языками, включенными в официальные учебные программы, как в случае со многими языками иммигрантов (см., например: [Leeman-Bouix 1994; Blanche-Benveniste 1997; Grutman 1997; Billiez, De Robillard 2007; Lebon-Eyquem 2014;

Forlot, Ouvrard 2020; Galante 2020; Verney 2022]). Другой подход предлагает уделять основное внимание аспектам вариативности внутри одного изучаемого языка (Ladjani 2007; Voelker 2009; Guerin 2010; Rispaill 2018). Поскольку учебный класс является местом кодификации языка и металингвистической рефлексии, поднимается вопрос о том, как внутриязыковая вариативность рассматривается в учебных пособиях и реализуется на практических занятиях, какие виды вариативности учитываются, какое соотношение должно преобладать между нормативным и коммуникативным и как обучающийся может определить свое место в динамике между языковой нормой и узусом. Все эти моменты позволяют установить целесообразность учета аспектов устной и письменной речи, определить роль новых медиа и проследить взаимосвязь между стандартными вариантами и различными региональными или национальными вариантами языка.

2. Характеристика материала и методов исследования

Согласно принципам полилингвального образования, в рамках которого ведется преподавание лингвистических дисциплин на иностранном языке, изучение этого языка не является целью обучения, т. е. иностранный язык выступает средством получения знаний, умений и навыков, необходимых для постижения той или иной конкретной дисциплины. В результате обучающиеся овладевают определенным набором как лингвистических, так и экстралингвистических компетенций. Так, преподавание литературы на иностранном языке предполагает развитие нескольких экстралингвистических / метапредметных компетенций. Среди них

- компетенция идентификации и локализации, выражающаяся в умении называть и определять явления и процессы, фиксируя их во времени и пространстве;
- компетенция установления взаимосвязей, позволяющая понять место событий в ряду им подобных либо отличающихся по природе, времени и локализации;
- компетенция понимания и анализа документов, связанная с умением критически интерпретировать документы разных жанров, как текстовые, так и иконографические, выдвигая на их основе свои гипотезы и составляя различные графики, схемы, эскизы и т. п.;
- компетенция обобщения и организации информации, позволяющая в устной и письменной форме излагать ключевые понятия, основные составляющие изучаемых документов, структурировать излагаемый материал;
- ИКТ-компетенция, заключающаяся в умении работать с онлайн словарями, энциклопедиями и специализированными тематическими сайтами для поиска информации и создания собственных аудиовизуальных продуктов;

– компетенция критического мышления, понимаемая как способность ориентироваться в основах эстетики, формировать ценностные критерии, обосновывать собственное мнение, проверять данные и источники информации, сравнивая документы разных типов;

– корпоративная компетенция, ответственная за умение работать в команде, соотнося собственную деятельность с деятельностью группы для разработки коллективного продукта, делиться с другими своими знаниями и умениями, защищать свою точку зрения, принимать общее решение;

– компетенция подготовки и организации индивидуальной работы, направленная на конспектирование, запоминание информации, самостоятельную работу с дополнительной информацией, оценивание ее существенности, планирование и проведение индивидуального или группового исследования.

Вместе с тем происходит опосредованное развитие лингвистической компетенции и всех ее составляющих: произносительной, грамматической, лексической, коммуникативной, социокультурной, стратегической. Формирование лингвистической компетенции всегда направлено на овладение языком конкретной дисциплины, в связи с чем изучение отдельных языковых явлений осуществляется с опорой на изучаемый текст, сосредоточиваясь на авторском выборе стилистических средств, прочих языковых элементов, участвующих в смыслопорождении. Такой подход может стимулировать интерес обучающихся к дальнейшему изучению языка в целом. Кроме того, изучение литературы как самостоятельной дисциплины позволяет затронуть проблему места и роли литературного языка в современном социуме, проблему языковой нормативности и влияния художественных текстов на способность языка к изменению и развитию ввиду не только реализации в них потенциальных возможностей конкретного языка, но и необычного употребления языковых форм. Все это подводит к мысли о необходимости в процессе полилингвального обучения уделять особое внимание языковой вариативности как неотъемлемому свойству, проявляющемуся на всех уровнях языка (фонетическом, лексическом, синтаксическом) и включающем диахронический, диастратический, диафазический и диамезический аспекты (Labov 1976; Baylon 1991; Calvet 1993; Abecassis, Ayosso, Vialleton 2007; Gadet 2007). Несомненно, преподавание литературы на иностранном языке способствует осознанию того факта, что язык, будучи динамической системой, постоянно находится в процессе развития и изменения, что проявляется в наличии определенных вариантов этого языка, которые фиксируются в том числе в различных типах текстов. Так, любой авторский текст является одним из источников вариативности литературного языка, и его изучение позволяет выявить фонетические, фонематические, лексические, словообразовательные, морфологические, синтаксические варианты, а также варианты нормы и стиля (Москальская 1969; Беляевская 2017). Учитывая жесткую регламентированность французской письменной речи, крайне продуктивным представляется

рассмотрение диамезической вариативности, т. е. различия в употреблении языковых средств при трансформации передачи информации из письменной формы в устную и наоборот.

В рамках проведенного исследования были сформулированы следующие методические задачи, решение которых позволяет приобщить обучающихся к проблеме лингвистической вариативности в курсе изучения ими литературы на иностранном языке:

- предусмотреть определенный набор текстов художественных произведений, содержащих разные виды лингвистической вариативности;
- называть вид лингвистической вариативности, встретившийся при изучении того или иного текста, уточняя, что речь идет о естественном и закономерном языковом явлении;
- проследить использование в тексте средств выразительности, заостряя внимание на том, что они сами по себе могут являться носителями авторской идеи;
- предлагать обучающимся привести в соответствие с современными языковыми нормами фразы из литературных произведений прошлых веков;
- побуждать обучающихся сопоставлять правила употребления языковых форм в родном и иностранном языках;
- проводить сравнение оригинального языка художественных произведений далекого прошлого (Средневековья, Возрождения) с версией, представляющей их переложение на современный французский язык, чтобы обучающиеся смогли наглядно представить процесс языковой эволюции;
- изучая разнообразие жанров и родов литературы, не пренебрегать новейшими жанровыми модификациями, связанными с появлением компьютерных технологий, таких, например, как цифровая литература, слам, блог, информационная видеокапсула и т. п., каждый раз отмечая языковые особенности, свойственные тому или иному литературному жанру, роду, стилю;
- конструировать вместе с обучающимися тематические лексические поля изучаемых литературных текстов, в особенности поэтических;
- показывать обучающимся, что использование рифмы в поэтических произведениях связано с вариантами произношения, принятыми в ту или иную эпоху;
- организовывать устные высказывания обучающихся на французском языке, цель которых — использовать специфическую терминологическую лексику преподаваемой дисциплины;
- предлагать обучающимся творческие письменные работы, предполагающие включение различных видов языковой вариативности;
- научить выявлять и анализировать воздействие языковой вариативности на реципиента художественного текста;

– включать задания на перевод небольших фрагментов художественных текстов с французского языка на русский и наоборот, а также на сравнение нескольких переводов на родной язык одного поэтического текста, что позволяет обучающимся понять законы вариативности, действующие в разных языках.

Материалом данного исследования послужила серия учебных пособий «*Lire la littérature en français / Литература на французском языке*», вышедшая в издательстве «Просвещение» в 2021–2025 гг. и предназначенная для обучающихся билингвальных отделений с преподаванием ряда предметов на французском языке (так называемых «нелингвистических дисциплин» / *disciplines non linguistiques*).

Ведущим методом исследования явился сравнительно-сопоставительный.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Рассмотрим, каким образом осуществляется обучение лингвистической вариативности в преподавании литературы на французском языке. Взятый за основу тематический принцип подачи учебного материала позволяет использовать в процессе изучения каждой темы широкий спектр документов разнообразной жанровой природы. Так, тема *L'éducation bilingue, une éducation humaniste*, предлагаемая обучающимся в самом начале их знакомства с дисциплиной, предполагает обращение к тексту из художественной литературы (адаптированным фрагментам романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», посвященным двум типам воспитания, которые получает главный герой произведения); к жанру эссе на примере текста М. Монтеня «Об образовании», который дается обучающимся в двух версиях параллельно — на русском и французском языках; к текстам научных статей по литературоведению и истории, посвященных изучению творчества Ф. Рабле российским ученым М. М. Бахтиным и распространению книгопечатания в России; а также к тексту, представляющему образец официально-делового стиля речи, — декрету французского правительства, дающему определение места гуманистической культуры в образовательном процессе (*Décret № 2006-830 du 11 juillet 2006 relatif au socle commun de connaissances et de compétences et modifiant le code de l'éducation*), и нескольким словарным статьям из толкового словаря французского языка для юношества (*Dictionnaire junior*) издательства *Larousse*.

Текст Ф. Рабле представлен в адаптации и в переложении на современный стандартный французский язык:

Il se lève entre huit et neuf heures. Il reste un peu au lit, puis s'habille. Il se peigne avec ses doigts, car ses professeurs disent que se laver, c'est perdre du temps.

Однако в нейтральном с точки зрения языка тексте сохранены определенные особенности авторского стиля, предполагающего использование сниженной лексики для создания комического эффекта:

Ensuite, il pisse, rote, pète, bâille, crache, tousse, éternue et déjeune.

Эта фраза позволяет обучающимся понять, что автор, желая рассмешить читателя, выражает в то же время критическое отношение к существующей традиционной модели средневекового образования, не отвечающей запросам новой эпохи. В одном из заданий обучающимся предлагается найти в тексте эквивалент фразы из оригинальной версии произведения: *Puis par troys bonnes heures luy estoit faicte lecture, ce fait yssoient hors tousiours conferens des propoz de la lecture* и провести небольшой лингвистический анализ, выявив изменения, произошедшие во французском языке со времен Рабле на лексическом, грамматическом и орфографическом уровнях.

Изучая текст М. Монтеня, обучающиеся прежде всего обращают внимание на его структуру, представляющую собой аргументированное рассуждение от первого лица с обозначением собственного мнения и приведением конкретных примеров. Параллельное чтение на французском и русском языках позволяет выявить основные тезисы авторской мысли и затем переформулировать их, получив принципы гуманистического образования:

Фраза из оригинального текста М. Монтеня	Соответствующая фраза из русского перевода	Вариант переформулированного авторского тезиса
Qu'il ne lui demande pas seulement compte des mots de sa leçon, mais du sens et de la substance, et qu'il juge du profit qu'il aura fait, non par le témoignage de sa mémoire mais de sa vie.	Пусть учитель спрашивает с ученика не только слова затверженного урока, но смысл и самую суть его и судит о пользе, которую он принес, не по показаниям памяти своего питомца, а по его жизни.	L'élève ne doit pas seulement apprendre sa leçon par cœur, il doit comprendre ce qu'il apprend et savoir appliquer ses connaissances dans sa vie.

Стилистической особенностью текста М. Монтеня является постоянное использование метафор, многие из которых стали общеупотребимыми во французском языке. Обучающимся предлагается объяснить смысл выражений *C'est du bourrage de crâne !*; *L'élève doit faire son miel de tout ce qu'il apprend !* и дать вариант их перевода на русский язык.

Обращение к текстам научного стиля по литературоведению и истории помогает прояснить некоторые аспекты содержания темы, одновременно служа для обучающихся способом ознакомления с различными лексико-семантическими вариантами языка, прежде всего специальной терминологией: *une science de la littérature; les slavistes; les structuralistes occidentaux; les formalistes russes; l'impression des livres; l'orthodoxie; le scribe.*

Словарные статьи, в которых даются определения слов, образующих лексико-семантическое поле с центральным значением *homme: humain, humanitaire, humanité(s), humanisme* — позволяют затронуть проблему полисемии — одного из ярчайших проявлений языковой вариативности. Выполняя задание на объяснение смысла русских слов и выражений «гуманистический», «гуманитарный», «гуманитарные науки», «гуманитарная помощь» франкоговорящему собеседнику, обучающиеся сравнивают варианты, существующие в родном и иностранном языках.

Фрагмент правительственного декрета об общей базе получаемых в средней школе знаний и компетенций дает представление о существенных различиях между французской устной и письменной речью, являясь наглядной иллюстрацией диамезической вариативности французского языка на морфо-синтаксическом уровне (использование неличных форм глагола, пассивного залога, синтаксической конструкции «глагол + существительное-дополнение (прямое и косвенное)»): *La culture humaniste permet aux élèves d'acquérir tout à la fois le sens de la continuité et de la rupture, de l'identité et de l'altérité. En sachant d'où viennent la France et l'Europe et en sachant les situer dans le monde d'aujourd'hui, les élèves se projeteront plus lucidement dans l'avenir. La culture humaniste contribue à la formation du jugement, du goût et de la sensibilité. Elle enrichit la perception du réel, ouvre l'esprit à la diversité des situations humaines, invite à la réflexion sur ses propres opinions et sentiments et suscite des émotions esthétiques. Elle se fonde sur l'analyse et l'interprétation des textes et des œuvres d'époques ou de genres différents. Elle repose sur la fréquentation des œuvres littéraires (récits, romans, poèmes, pièces de théâtre), qui contribue à la connaissance des idées et à la découverte de soi. Elle se nourrit des apports de l'éducation artistique et culturelle.*

Таким образом, пристальное изучение всего лишь одного из предложенных в пособии тематических разделов позволяет убедиться в возможности ознакомления обучающихся сразу с несколькими видами лингвистической вариативности уже на начальном этапе их приобщения к нелингвистическим дисциплинам, преподавание которых ведется на иностранном языке. Этот этап предполагает владение языком на уровне A2 согласно шкале общеевропейских компетенций владения иностранным языком (CEFR) и подразумевает работу обучающихся с текстами небольшого объема, художественными произведениями, имеющими предпочтительно законченный характер: сказками, баснями, стихотворениями, отдельными сценами из пьес. В ряде случаев они сопровождаются параллельным переводом на русский язык для снятия трудностей в понимании.

Сравнение оригинальной и переводной версий, как и сравнение нескольких переводов одного и того же поэтического текста позволяет также проследить лингвистические вариации в родном языке. Так, при изучении темы *Qui a peur*

du grand, méchant loup ? обучающиеся знакомятся с текстами басни «Волк и ягненок» Ж. де Лафонтена и И. А. Крылова и сравнивая их, находят в русской версии лексемы, образующие лексико-семантическое поле виновности («виноват»; «грехи»; «вины твои»), отсутствующее у Лафонтена, который лишь в самом конце произведения упоминает судебный процесс (*Le Loup l'emporte, et puis le mange, / Sans autre forme de procès*). И хотя диастратическая вариативность в художественных текстах проявляется ярче всего в литературе XIX века, с появлением реалистического социально-психологического романа, в басне «Волк и ягненок» необходимо обратить внимание обучающихся на различия в речи главных персонажей, выражающиеся в использовании местоимения «ты» в репликах волка (*Tu seras châtié de ta témérité ; Et je sais que de moi tu médis l'an passé* и др.) и почтительных формул вежливости в речи ягненка (*Sire, répond l'Agneau, que votre Majesté / Ne se mette pas en colère ; Comment l'aurais-je fait si je n'étais pas né ?*). Эти лексические различия в речевой характеристике персонажей помогают понять сатирическую направленность басни, авторскую критику социального беспорядка непривилегированных слоев французского общества.

Проявление языковой вариативности на синтаксическом уровне хорошо заметно при сравнении одного и того же художественного произведения, существующего в традиционной форме текста и в форме комикса, жанра, ставшего очень популярным у французского молодого читателя в XX веке и остающегося таковым по сей день. В учебном пособии обучающимся предоставляется возможность ознакомиться сначала с текстом средневековой фавлю «Ловля угря» из произведения «Роман о Лисе», а затем со страницей современного комикса по этому же произведению, изданного в 2007 году. Текстовый материал комикса представляет собой нераспространённые, неполные предложения, зачастую состоящие из междометий, ономотопей, идиом: *Holà ! Il y a un loup sur l'étang ! ; Wah ! Wah ! Grr ! ; Au loup ! Kai !*. Смысл, который они несут, достраивается с помощью визуальной опоры. Таким образом, изучение синтаксических вариантов помогает обучающимся понять жанровую природу комикса, который не сводится к сопровождающим текст иллюстрациям, а является самостоятельной формой выразительности.

4. Заключение

Овладению как лингвистическими, так и экстралингвистическими компетенциями во многом способствует проектная деятельность, осуществляемая на всех этапах полилингвального обучения. Ее результатом является формирование у обучающихся метапредметных знаний и умений, происходящее за счет постоянного диалога со смежными дисциплинами, изучаемыми ими на родном языке. В первую очередь необходимо обратить внимание на взаимовлияние ли-

тературы и истории развития человеческого общества, эволюцию идей, представлений, научно-технического прогресса; предусмотреть возможность обращения обучающихся к другим эстетическим формам, таким как живопись, музыка, театр, кинематограф и т. д., с целью развития собственного эстетического чувства через приобщение к разным видам искусства во всем их многообразии. Неизбежно сталкиваясь в этих ситуациях и с лингвистической вариативностью, обучающиеся будут обладать способностью адаптировать полученные компетенции к тому или иному виду коммуникации.

Список литературы / References

- Беляевская Е. Г. Лексико-семантическое варьирование в традиционной и когнитивной перспективе // Норма и вариативность в языке и речи: Сб. науч. трудов / РАН ИНИОН. Центр гуманитарных научно-информационных исследований. Отдел языкознания. Сер. Теория и история языкознания. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 60–79. [Belyayevskaya, Yelena. G. (2017) *Leksiko-semanticheskoye var'irovaniye v traditsionnoy i kognitivnoy perspective* (Lexical-Semantic Variation in Traditional and Cognitive Perspectives) In *Norma i variativnost' v yazyke i rechi: Sb. nauch. trudov* (Norm and Variability in Language and Speech: Collection of Scientific Papers). Moscow: INION RAN, 60–79. (In Russian)].
- Москальская О. И. Вариантность и дифференциация в лексике литературного немецкого языка // Норма и социальная дифференциация языка. М.: Наука, 1969. С. 57–68. [Moskalskaya, Olga I. (1969) *Varietnost i differenciaciya v leksike literaturnogo nemeckogo yazyka* (Variation and Differentiation in the Vocabulary of Literary German). In *Norma i socialnaya differenciaciya yazyka* (The Norm and Social Differentiation of Language). Moscow: Nauka, 57–68. (In Russian)].
- Abecassis Michaël, Ayooso Laure et Vialleton Elodie. (2007) *Le français parlé au XXIème siècle : normes et variations géographiques et sociales*. Paris : L'Harmattan. (In French).
- Baylon, Christian. (1991) *Sociolinguistique, société, langue et discours*. Paris : Nathan. (In French).
- Billiez, Jacqueline, De Robillard, Didier. (2007) *Français : variations, représentations, pratiques. Cahiers du français contemporain*, Vol. 8. Lyon : ENS Editions. (In French).
- Blanche-Benveniste, Claire. (1997) *Approches de la langue parlée en français*. Paris : Ophrys. (In French).
- Calvet, Louis-Jean. (1993) *La sociolinguistique*. Paris : PUF. (In French).
- Gadet, Françoise. (2007) *La variation sociale en français*. Paris : Ophrys. (In French).
- Gadet, Françoise. (1997) *Le français ordinaire*. Paris : Armand Colin / Masson. (In French).
- Galante, Angelica. (2020) Plurilingual and Pluricultural Competence (PPC) Scale : the Inseparability of Language and Culture. *International Journal of Multilingualism*, Vol. 19, Iss. 4, 477–498. DOI: 10.1080/14790718.2020.1753747.
- Grutman, Rainier. (1997) *Des langues qui résonnent. L'hétérolinguisme au XIXe siècle québécois*. Montréal : Fides / Cétuq. (In French).
- Guerin, Emanuelle. (2010) L'outrelangue ou le mythe d'une langue monovariétale. *Pratiques*, 145–146, 45–54. (In French).
- Forlot, Gilles, Ouvrard, Louise (2020) *Variation linguistique et enseignement des langues*. Paris : Presses de l'Inalco. (In French). DOI: 10.4000/books.pressesinalco.39822.
- Labov, William. (1976) *Sociolinguistique*. Paris : Ed. Minuit. (In French).

- Ladjani, Cécile. (2007). *Mauvaise Langue*. Paris : Seuil. (In French).
- Lebon-Eyquem, Mylène (2014). Comment adapter l'enseignement à la variation linguistique réunionnaise? *Contextes et didactiques*, 4. (In French). DOI: <https://doi.org/10.4000/ced.358>
- Leeman-Bouix, Danielle. (1994). *Les fautes de français existent-elles ?* Préface d'André Goosse. Paris : Seuil. (In French).
- Rispail, Marielle. (2018). *Abécédaire de sociodidactique : 65 notions et concepts*. Saint-Étienne : Publications de l'Université de Saint-Étienne. (In French).
- Voelker, Harald. (2009). La linguistique variationnelle et la perspective intralinguistique. *Revue de Linguistique Romane*, 73, 27–76. (In French).
- Verney, Yann. (2022) Sensibiliser à la variation linguistique. *Abécédaire des gestes professionnels dans l'enseignement bi/plurilingue*. Paris : ADEB, 2–5. (In French).

УДК 37.034

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-147-163

НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Е. Н. Дмитриева¹, В. А. Малинин²

¹ Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

² Нижегородский государственный педагогический университет
им. К. Минина, Нижний Новгород Россия

Рассматривается проблема интеграции нравственного воспитания в процесс обучения иностранному языку на этапе начальной общеобразовательной школы. Актуальность данной проблемы диктуется социальной потребностью в формировании современного человека: активной личности, патриота, инноватора, обладающего высоким уровнем духовно-нравственного развития. Нравственное воспитание младших школьников в процессе изучения иностранного языка является уникальной возможностью для построения целостной картины мира в сознании учащихся, развития эмпатии и ценностного отношения к разнообразию культур и традиций в человеческом обществе. Такое понимание вписывается в концепцию гуманной педагогики, где акцентируется важность развития личности в гармонии с окружающим миром. Изучение иностранного языка открывает доступ к широкому спектру культурных и исторических контекстов, посредством которых осуществляется духовно-нравственное развитие личности школьника. Объектом исследования в статье является реализация воспитательной функции обучения иностранному языку в начальной школе, предмет исследования — дидактические условия организации нравственного воспитания младших школьников в этом процессе. Целью настоящей статьи является определение сущности и содержания нравственного воспитания в контексте процесса иноязычного образования с учетом возрастных особенностей младших школьников, а также определение дидактических условий для решения задач нравственного воспитания в начальной школе. Обоснованы дидактические условия реализации нравственного воспитания в процессе обучения младших школьников иностранному языку, которые включают действия учителей по отбору содержания, средств, методов и форм предметного обучения, что в совокупности составляет педагогическую стратегию нравственного воспитания, интегрированную в иноязычное образование в начальной школе. Приведена характеристика рекомендованной педагогической стратегии нравственного воспитания младших школьников в иноязычном образовании, раскрывающая базовые цели, средства, методы и формы организации воспитания школьников в процессе обучения иностранному языку. Предложенная педагогическая стратегия включает комплекс частных принципов осуществления нравственного воспитания в процессе обучения иностранному языку: комплексное влияние на сознание, чувства и поведение; сочетание образных, логических и деятельностно-практических средств и методов воспитания; создание нравственно-состоятельной среды иноязычного образования; активизация самостоятельности школьников на пути достижения целей нравственного становления личности.

Ключевые слова: нравственное воспитание; иноязычное образование; дидактические условия; педагогическая стратегия нравственного воспитания.

Цитирование: Дмитриева Е. Н., Малинин В. А. Нравственное воспитание младших школьников в процессе иноязычного образования // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 4 (72). С. 147–163. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-147-163.

Integrating Moral Education into Elementary Foreign Language Instruction

Elena N. Dmitrieva¹, Valery A. Malinin²

¹ Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

² Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russia

The article addresses the issue of integrating moral education into the teaching of a foreign language at the primary school level. The relevance of this topic stems from the social need to cultivate a well-rounded modern individual: an active citizen, a patriot, and an innovator with a high level of spiritual and moral development. Incorporating moral education into foreign language instruction at the primary level offers a unique opportunity to shape a holistic worldview, foster empathy, and nurture a value-based appreciation of cultural and social diversity. This approach aligns with the principles of humane pedagogy, which emphasize the development of the individual in harmony with the surrounding world. Learning a foreign language provides access to a wide array of cultural and historical contexts, contributing significantly to students' spiritual and moral development. The object of this study is the implementation of the educational function of foreign language teaching in elementary school, while the subject of the research is the didactic conditions necessary for promoting moral education in this process. The purpose of the article is to elucidate the essence and content of moral education within the context of foreign language learning, taking into account the developmental characteristics of primary school students, and to identify effective didactic strategies for achieving moral education objectives at this stage. The article also presents a recommended pedagogical strategy for moral education in foreign language instruction, outlining the primary goals, methods, and forms of organizing moral development within the classroom. This strategy is based on several key principles: a comprehensive approach addressing cognitive, emotional, and behavioral aspects; the integration of imaginative, logical, and practical teaching methods; the creation of a morally supportive learning environment; and the promotion of student autonomy in pursuing moral development goals.

Key words: moral education; foreign language instruction; didactic conditions; pedagogical strategy of moral education.

Citation: Dmitrieva, Elena N., & Malinin, Valery A. (2025) Integrating Moral Education into Elementary Foreign Language Instruction. *LUNN Bulletin*, 4 (72), 147–163. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-147-163.

1. Введение

В свете непрерывных изменений и реформ в области образования особое внимание уделяется целостному развитию личности учащихся, где ключевую

роль играет воспитание нравственных качеств. Исследование, посвящённое воспитанию нравственной личности школьника на уроках иностранного языка, выходит на первый план, учитывая текущие требования общества к формированию современного человека: активной личности, патриота, инноватора. Выпускник общеобразовательной школы должен быть не только образованным, но и воспитанным в духе высоких моральных ценностей, что актуализирует задачу интеграции нравственного воспитания в образовательный процесс, в том числе в иноязычное образование.

Нравственное воспитание младших школьников в процессе изучения иностранного языка является уникальной возможностью для развития межкультурной компетентности, эмпатии, уважения как к иным, так и к своей культурам и точкам зрения. Такое понимание вписывается в концепцию гуманной педагогики, где акцентируется важность развития личности в гармонии с окружающим миром (Попов 2003; Макарова 2016; Тихомирова, Фомина 2016). Изучение иностранного языка открывает доступ к широкому спектру культурных и исторических контекстов, через которые можно прививать и развивать такие качества, как отзывчивость, искренность, ответственность.

В законодательных документах отражена необходимость духовно-нравственного развития и воспитания учащихся, государством это определено одной из приоритетных задач (ФЗ «Об образовании...» 2012). Уроки иностранного языка, благодаря их содержательному и методическому потенциалу, могут стать эффективным инструментом в достижении этой цели; тем более, если речь идет о таком восприимчивом контингенте, как младшие школьники. Использование литературных произведений, исторических текстов и современных медиаресурсов на иностранном языке позволяет организовать обучение таким образом, чтобы способствовать формированию и развитию положительных нравственных качеств и присвоению ценностей. При этом ограниченное время уроков, фокус на предметном аспекте в ущерб воспитательной функции, отсутствие специализированных методических материалов выступают в качестве основных проблем при внедрении нравственного воспитания в процесс обучения иностранному языку младших школьников. Эти трудности указывают на актуальность исследования дидактических условий для интеграции нравственного воспитания в процесс иноязычного образования, что делает данную тему особенно важной для современной школьной образовательной практики. Таким образом, объектом исследования является реализация воспитательной функции процесса обучения иностранному языку в начальной школе, предмет исследования — дидактические условия осуществления нравственного воспитания младших школьников в этом процессе. Цель настоящей статьи — выявление сущности и содержания нравственного воспитания в контексте процесса иноязычного образования с учетом возрастных особенностей младших школьников, а также

определение дидактических условий для решения задач нравственного воспитания в начальной школе.

2. Характеристика материала и методов исследования

В качестве материалов исследования использованы научные труды ученых в области педагогики, психологии, методики преподавания иностранных языков, раскрывающие теоретические и практические вопросы нравственного воспитания школьников и закономерности реализации воспитательной функции обучения иностранному языку на младшем этапе; нормативные документы, регламентирующие содержание обучения иностранному языку; публикации, посвященные описанию особенностей младшего школьного возраста; учитывалась практика иноязычного образования в начальной общеобразовательной школе. При раскрытии темы статьи применялись описательные методы, теоретический анализ, систематизация и обобщение научной информации по теме, педагогическое проектирование стратегии нравственного воспитания в процессе обучения иностранному языку в начальной школе.

3. Результаты исследования и их обсуждение

В истории отечественной педагогики вопросы нравственного воспитания и морального становления личности всегда были в центре внимания замечательных мыслителей и педагогов — М. А. Бердяева, И. А. Ильина, Н. К. Крупской, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинского, К. Д. Ушинского и мн. др. Трактовка нравственного воспитания опирается на глубокие философские и этические традиции, для которых характерна оценка нравственности человека через призму добра и зла. Так, К. Д. Ушинский отмечает в нравственном человеке стремление к добру и борьбу со злом как определяющие черты, подчеркивая значение моральных ориентиров в жизни человека (Ушинский 2005). Известный педагог прошлого А. Н. Острогорский акцентирует внимание на необходимости внушения детям стремления к нравственному идеалу, отмечая значимость постоянного стремления к добру, гуманности и любви (Острогорский 2024).

Замечательный советский педагог В. А. Сухомлинский утверждает, что важно воспитывать в детях доброту, умение видеть и ценить красоту, развивать чувство чести и справедливости. Он подчеркивает, что основа нравственного воспитания закладывается в детстве, когда такие моральные понятия, как добро и зло становятся понятными для ребенка через яркие и наглядные примеры; указывает на важность обучения детей способности сочувствовать и понимать других людей (Сухомлинский 1988).

Крупнейший специалист в области теории и технологии воспитания Н. Е. Щуркова обращает внимание на воспитание у детей нравственного сознания, утверждая, что «создавая в ребенке непоколебимые моральные ориентиры,

воспитываем мыслительные процессы, способные к анализу и синтезу моральных принципов» (Щуркова 2002: 49).

Таким образом, нравственное воспитание является комплексным процессом, нацеленным на формирование глубоких духовных и моральных качеств личности, что требует осмысленного подхода и применения разнообразных педагогических методов и приемов для достижения поставленных целей. Главной целью нравственного воспитания является развитие у детей системы взаимоотношений, которые гармонируют с установленными моральными нормами общества. Данные нормы в социальной жизни и в воспитательном процессе имеют значение ценностей. В контексте нравственного воспитания понятие «ценность» приобретает особое значение, поскольку оно воплощает в себе не только объекты и явления, но и абстрактные идеи, которые отражают общественные идеалы. Эти ценности становятся своеобразными ориентирами для детей, указывая на то, что является важным и значимым в жизни общества и личности.

Согласно Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России (Данилюк, Кондаков, Тишков 2009), целью нравственного воспитания в современный период является подготовка молодого поколения к жизни в обществе, где основополагающими утверждаются высокие моральные ориентиры, ответственность, творчество и инициативность. Это предполагает не только передачу знаний, но и социально-педагогическую поддержку личностного становления и развития каждого гражданина, как отмечено в Концепции. В ней акцентирована важность развития у обучающихся способности к духовному и нравственному самосовершенствованию, самооценке и пониманию смысла жизни. Особое внимание уделяется готовности к реализации собственного творческого потенциала, а также к активному участию в социальной жизни на основе моральных норм.

Нравственное воспитание направлено на укрепление внутренней моральной устойчивости личности, основанной на отечественных традициях свободы, воли и духовности. Это положение обуславливает развитие у учащихся осознанного отношения к морали как непреложности определенного поведения в соответствии с общественными представлениями о добре и зле. Основная цель нравственного воспитания заключается в том, чтобы каждый гражданин обрел готовность к самостоятельным поступкам, основанным на моральном выборе, и был готов взять на себя ответственность за их результаты. Это предполагает уже в младшем школьном возрасте воспитание целеустремленности, настойчивости, а также развитие уважения к человеческой жизни и нетерпимости к действиям, угрожающим физическому и нравственному здоровью личности.

Задачей нравственного воспитания также является благотворное воздействие на совесть как основу нравственного самосознания, что предполагает спо-

способность к нравственному самоконтролю и самооценке. Ожидается, что учащиеся научатся принимать и отстаивать базовые национальные ценности и традиции, выражать и защищать свои общественные позиции, а также проявлять трудолюбие, оптимизм и способность к преодолению трудностей.

Таким образом, нравственное воспитание в России направлено на развитие гармонично развитой личности, способной к духовному росту, творчеству и активному гражданскому участию, тем самым на укрепление основ общественного благополучия и национального самосознания.

В сфере педагогики дидактические условия нравственного воспитания занимают ключевую позицию, обеспечивая системный подход к совершенствованию моральных качеств у школьников. На основе анализа научных психолого-педагогических исследований А. Н. Острогорского, В. И. Загвязинского, С. Г. Чухина можно определить следующие педагогические факторы нравственного воспитания школьников:

– Согласованное воспитательное воздействие: создание единой воспитательной стратегии между учителем и ученическим коллективом, направленной на достижение общих нравственных целей. Это предполагает активное взаимодействие и взаимоподдержку в решении педагогических задач, способствующих формированию нравственного сознания.

– Интеграция нравственного воспитания в учебный процесс: использование специальных приемов и методов в обучении, которые способствуют развитию моральных качеств. К таким методам относится обсуждение нравственных дилемм, анализ литературных произведений с точки зрения морали, ролевые игры и прочие активные формы работы.

– Взаимосвязь моральных качеств: понимание системы нравственного воспитания как динамического процесса, в котором осуществляется постоянное взаимодействие и взаимовлияние развивающихся моральных качеств у детей. Это подразумевает индивидуальный подход и учет текущего уровня развития каждого учащегося.

– Последовательное развитие личности: учет возрастных и индивидуальных особенностей учащихся при планировании и реализации нравственного воспитания. Важно обеспечить постепенность и системность в формировании моральных ценностей, соответствующих стадиям умственного и эмоционального созревания.

– Активное вовлечение учащихся: стимулирование самостоятельной деятельности и инициативы учащихся в процессе нравственного воспитания. Это включает в себя развитие критического мышления, способности к самоанализу и самооценке, а также умения аргументированно выражать и защищать свою позицию.

– Взаимодействие с социумом: расширение рамок нравственного воспитания за пределы учебного заведения через включение в процесс школьного образования родителей и общественности, использование педагогического потенциала культурных и общественных институтов.

– Оценка и рефлексия: регулярное проведение анализа и оценки результатов нравственного воспитания, что позволяет своевременно корректировать воспитательный процесс и повышать его эффективность (Острогорский 2024; Загвязинский, Емельянова 2024; Чухин, Левичев 2024).

Основы нравственной личности закладываются уже на этапе дошкольного детства, когда у ребенка начинают зарождаться основы морали: складываются первичные моральные чувства, представления и базовые навыки поведения, соответствующие нравственным нормам (Хожиева, Хамраев 2021). В младшем школьном возрасте эта основа обогащается и дополняется, поскольку дети вступают в новый социальный контекст и сталкиваются с более сложными моральными явлениями. Важно понимать, что нравственное развитие в этот период не является изолированным процессом, а взаимосвязано с предыдущими этапами воспитания и обучения, способствуя построению сложной системы взаимодействий, которые влияют на становление личности ребенка. Таким образом, изучение психолого-педагогических аспектов нравственного воспитания младшего школьника помогает выявить ключевые механизмы и педагогическую стратегию, способствующие нравственному становлению личности на этом важном этапе.

В возрастном диапазоне от 6–7 до 9–11 лет ребенок вступает в новый жизненный период — школьный. Этот переход сопровождается рядом значительных изменений как в повседневной жизни, так и в социальной адаптации. Роль ученика накладывает новые обязательства и требования, что стимулирует осмысление своего места в социальной иерархии и реформатирование ценностей. В процессе школьного образования, которое играет ключевую роль в жизни ребенка, возникает сильная мотивация к достижению успеха, признанию со стороны учителей и сверстников, к установлению дружеских связей. Этот период отмечен ростом познавательного интереса, стремлением к обогащению знаний, что оказывает существенное влияние на формирование личности в младшем школьном возрасте.

Основная потребность и стимул развития ребенка заключается в самоактуализации и стремлении к самоутверждению, а также в осознании себя уникальной личностью и нахождении своего места в обществе (Роджерс, Фрейберг 2019). По мысли К. Роджерса, задача школы, учителей и родителей не сводится к навязыванию определенных моральных ценностей. Их роль заключается в предоставлении возможности детям самостоятельно осмыслить и принять эти ценности, а также реализовать различные способы нравственного поведения, что поможет становлению самостоятельной личности.

В исследованиях эмоциональной сферы личности (К. Н. Волков, Л. С. Выготский, У. Джеймс и др.) подчеркивается, что эмоциональный опыт является ключевым в активизации ценностных ориентаций и творческого потенциала. Э. Эриксон в своей работе «Детство и общество» (Эриксон 2019), особо акцентирует внимание на психосоциальных аспектах кризисного формирования эмоций, что особенно важно в младшем школьном возрасте. Согласно Эриксону, в эмоциональных переживаниях младшего школьника выделяется два основных аспекта:

– Социальный статус ребенка в классе и семье часто оценивается через качество его учебной работы, что вызывает как позитивные, так и негативные эмоции. Это подчеркивает роль взрослых в поддержке и развитии позитивного эмоционального опыта у детей, способствующего укреплению уверенности в себе и появлению стремления к успеху.

– Восприятие моральных категорий «хорошего» и «плохого», «доброе» и «злого» на новом, более глубоком уровне является значимым этапом в развитии морального поведения младшего школьника. Это период, когда ребенок начинает осознавать важность ответственности, прилежания и социальной адаптации, что влияет на способность к самооценке и моральные стремления.

В процессе развития морально-ценностных ориентаций у младших школьников выделяются три ключевых, тесно связанных и взаимодополняющих друг друга аспекта: интеллектуальный, мотивационно-поведенческий и деятельностный. Единство этих аспектов составляет основу для развития нравственного сознания и поведения детей в период обучения в начальной школе (Серова 2023: 79). Гармоничная организация этих трех аспектов в рамках школьного образования способствует возникновению у младших школьников устойчивых морально-ценностных ориентаций, которые лежат в основе их поведения и взаимодействия с окружающим миром. Нравственное воспитание в начальных классах — комплексный процесс, направленный на становление морально зрелой личности, способной к самостоятельному осмыслению и реализации этических принципов в жизни. Эта подготовка позволяет создать прочный фундамент для дальнейшего нравственного развития личности школьника.

Школьный курс иностранного языка является окном в другую страну, ее культуру и самобытность. Культурный компонент в обучении иностранному языку — это «одно из важнейших средств развития духовно-нравственного мира школьника, его национального самосознания, языковой личности» (Мильруд 2024: 13). Интеграция духовно-нравственного воспитания в процесс изучения английского языка открывает уникальные возможности для развития личности учеников, что благоприятно сказывается не только на освоении иностранного языка, но и способствует построению целостной картины мира в сознании учащихся, учит их ценить разнообразие культур и традиций.

В практике школьного иноязычного образования сложилось обоснованное представление о путях нравственного воспитания на уроках иностранного языка:

– Дискуссии на английском языке о духовных и этических вопросах позволяют ученикам не только улучшить свои языковые навыки и коммуникативные способности, но и развить критическое мышление. Они учатся выражать и обосновывать свою точку зрения, слушать и уважать мнения других, что является ключевым навыком для жизни в мультикультурном мире.

– Ролевые игры, которые предоставляют возможность столкнуться с моральными дилеммами в контролируемой и безопасной обстановке. Перевоплощение в различных персонажей развивает эмпатию и понимание того, что каждое действие имеет последствия, а моральные решения могут быть сложными и многогранными.

– Тематические уроки, раскрывающие культурное и историческое богатство разных народов, способствуют возникновению глубокого уважения к разнообразию мировых традиций и культур. Изучение и обсуждение выдающихся произведений литературы, искусства и истории разных стран на английском языке помогает ученикам по-новому взглянуть на собственную культуру и ценности, а также совершенствоваться в межкультурной компетентности.

– Групповые проекты на иностранном языке, посвященные актуальным социальным темам, таким как семья, школьная жизнь или защита животных, которые укрепляют командный дух и учат ценить вклад каждого члена группы. Такие проекты дают возможность учащимся проявить творчество, научиться решать сложные задачи и работать ради общего результата (Шамурадова 2021).

В педагогическом плане организационные формы играют ключевую роль в структурировании и реализации воспитания в иноязычном образовании. Эти формы представляют собой различные методы и подходы к организации взаимодействия в системах «учитель — учащиеся» и «учащиеся — учащиеся», обеспечивая эффективное и целенаправленное развитие нравственных, интеллектуальных и социальных качеств личности. Основные формы воспитания включают фронтальную, групповую и индивидуальную формы работы, каждая из которых имеет свои уникальные характеристики и области применения. Фронтальная форма характеризуется единым взаимодействием педагога со всем классом, что способствует появлению коллективного духа и общих ценностей. Она идеально подходит для обсуждения общих тем, вводных лекций и коллективного решения проблем, однако может ограничивать индивидуальное внимание к ученику (Ковальчук, Щелконогова 2023).

Групповая форма воспитания предполагает работу в малых группах, что стимулирует командную работу, развивает навыки общения и взаимопомощи между учащимися. Такой подход позволяет более глубоко исследовать специфические темы, проводить практические и лабораторные работы, а также организовывать диспуты и конференции. Эта форма особенно ценна для освоения умения работать совместно и проявления чувства ответственности за общий результат.

Индивидуальная форма воспитания фокусируется на персональном подходе к каждому ученику, учитывая его индивидуальные особенности, способности и потребности. Этот подход позволяет максимально адаптировать образовательный процесс к личным запросам ученика, способствуя глубокому осмыслению материала и развитию его индивидуальных способностей.

Атмосфера, пронизанная духом доверия, открытости и взаимного уважения, которую созидает учитель на уроке иностранного языка, играет ведущую роль в достижении целей воспитания в начальной школе. Необходимо стремиться к созданию такого климата в классе, где каждый учащийся ощущает, что его мнение имеет значение, его слышат и помогут при необходимости, что, в свою очередь, стимулирует активное участие в образовательном процессе и способствует развитию индивидуальности.

В рамках Федерального государственного образовательного стандарта для начального общего образования (ФГОС НОО) возникает крайне важная задача — обеспечить не только академическое, но и духовно-нравственное развитие учащихся. Это означает, что учебная программа должна способствовать не только усвоению предметного материала, но и глубокому осмыслению учениками моральных ценностей, нравственных принципов и культурных традиций общества. Особенно важно в этом контексте внедрение образовательных элементов, нацеленных на развитие уважительного отношения к культурному и языковому разнообразию (Приказ Минпросвещения... 2021).

Одним из ключевых направлений является поощрение доброжелательности к людям, говорящим на других языках. Достижение этой цели подразумевает знакомство учеников с жизнью их ровесников в разных странах, а также изучение детского фольклора и литературы, отражающих культурное разнообразие. Такой подход не только расширяет кругозор учеников в плане представлений о людях, но и воспитывает в них уважение к различиям в культуре и языке.

Овладение иностранным языком на начальных этапах обучения превосходит по своим результатам рамки учебного общения и помогает развитию коммуникативных навыков, нравственности, эстетической чувствительности и творческой активности у учащихся. При изучении языка дети учатся выражать свои мысли и чувства, а также понимать и ценить разнообразие культурных контекстов и сам факт человеческого общения.

В современном иноязычном образовании особое место занимает применение аутентичных материалов, которые обогащают учебную среду и приближают ученика к реалиям культуры изучаемого языка. Такие материалы включают в себя не только художественные и музыкальные произведения, но и предметы из повседневной жизни, такие как меню, расписания, билеты, рекламные проспекты и многое другое. Использование этих элементов на уроках иностранного языка помогает создать образовательную среду, максимально приближенную

к естественному языковому и культурному контексту. «Такие материалы действуют как катализаторы, стимулируя естественное языковое общение и погружая учащихся в контекст, который способствует более ясному пониманию культурных нюансов и организации ситуаций общения, приближенных к реальности. Когда ученики встречаются с аутентичными текстами и объектами, они развивают навыки, необходимые для навигации в реальном мире, учатся адаптироваться к различным коммуникативным ситуациям и культурным особенностям» (Горбунова 2022: 32)

Исследование научной информации о воспитательном потенциале школьного иноязычного образования и задачах, продиктованных ФГОС НОО в отношении нравственного воспитания, дает основания для предположения, что необходима продуманная педагогическая стратегия осуществления нравственного воспитания при обучении иностранному языку. Проведенный анализ позволяет констатировать, что базовые дидактические условия нравственного воспитания в предметном образовании младших школьников — это целенаправленно отобранное воспитывающее программное содержание обучения и соответствующие ему средства, методы и формы организации учебно-воспитательной работы на уроках иностранного языка. В совокупности они характеризуют педагогическую стратегию нравственного воспитания. Приведем пример рекомендуемой педагогической стратегии нравственного воспитания на уроках иностранного языка, апробированной в начальной школе:

– Цель: обогащение знаний о моральных нормах, принятых в социуме правилах поведения. Осуществляется с помощью текстов, отражающих моральные ценности различных культур; выполнение заданий, в том числе в диалоговых формах, а также — посредством составления монологических высказываний на нравственно-этические темы, как с опорой на текст, так и творческого характера, самостоятельно или с опорой на предложенный учителем план. Результат: приобретение новых моральных знаний, уточнение (коррекция) нравственных представлений, способность транслировать нормы и правила поведения на иностранном языке.

– Цель: социализация учеников, формирование и закрепление положительных нравственных качеств. Осуществляется с помощью ситуационных задач и игр для воспитания уважения, ответственности, вежливости, способности к общению, эмпатии и социальной перцепции. Результат: демонстрация положительных качеств, устойчивая способность действовать, проявляя эмпатию в соответствии с нормами нравственности,

– Цель: развитие способности к ответственному выбору, формирование этической позиции. Осуществляется с помощью заданий — моральных дилемм для выстраивания диалога дискуссионного или согласованного характера в процессе взаимодействия с учителем и /или в группах. Результат: достижение понимания нравственно значимой информации, ценности нравственных норм,

способность к сознательному выбору положительной этической позиции и отказу от неверной, проявлению доброты и справедливости.

– Цель: культивирование уважения к культурному многообразию, актуализация патриотических чувств. Осуществляется с помощью текстов, аудиовизуальных материалов, транслирующих факты родной и иноязычной культуры (праздники, традиции и т. п.) для нахождения сходства и различий культурных событий, установления их нравственно-этического значения, моделирования практических (квазиреальных и игровых / ролевых) ситуаций с помощью учителя. Результат: способность фиксировать факты культурных различий и общности, актуализация патриотических чувств, умение в рамках стандартных требований для начальной школы формулировать связные высказывания и объяснять значение тех или иных традиций с нравственной точки зрения, замечать и корректировать отступления от норм в условиях конкретной ситуации.

– Цель: развитие самосознания и самооценки. Осуществляется посредством проектной работы (индивидуально или в составе малой группы) на нравственно состоятельную тему и ее презентации на иностранном языке. Результат: способность создавать и презентовать связный текст в соответствии с заданием и установленными требованиями, при работе в группе соотносить свои речевые и практические действия с определенными правилами, оценивать качество своей деятельности и свой вклад в решение общей задачи.

– Цель: стимулирование целеустремленности и личностного роста. Осуществляется посредством организации языковых конкурсов и групповых мероприятий нравственной тематики для побуждения учебной активности и активизации социального становления школьников. Результат: формирование чувства ответственности за общий результат мероприятия или командного выступления, способность проявлять инициативу и максимально полно использовать свои знания и навыки для получения наилучшего общего результата, при необходимости восполнять или корректировать их.

Данная стратегия подразумевает определенные достижения школьников в знаниях и навыках, как предметного плана (иностранный язык) так и нравственного.

Приведенная стратегия способствует интеграции нравственного воспитания в процесс обучения иностранному языку, обеспечивает реализацию нравственного воспитания как неотъемлемой функции учебного процесса. Она включает в себя разнообразие образовательных ресурсов, направленных на развитие положительных, социально значимых личностных качеств школьников в рамках освоения иностранного языка. Доступность цифровых ресурсов способствует улучшению иноязычных навыков, расширению культурного и нравственного кругозора, а организация групповой работы помогает школьникам научиться ценить обмен знаниями и опытом с другими.

При реализации педагогической стратегии нравственного воспитания в процессе обучения иностранному языку, наряду с дидактическими и методическими принципами, целесообразна опора на следующие принципы: единство влияния на сознание, чувства и поведение; сочетание образных, логических и деятельностно-практических средств и методов воспитания; создание нравственно-состоятельной среды иноязычного образования; активизация самостоятельности школьников при осуществлении целей нравственного становления личности.

Педагогическая стратегия нравственного воспитания, включенная в иноязычное образование, предлагает учителям дидактические условия для реализации комплексного подхода к обучению, где уделяется равное внимание как навыкам иноязычной коммуникации, так и нравственному, социальному и культурному росту учеников.

4. Заключение

Исследование вопроса об осуществлении нравственного воспитания младших школьников в процессе обучения иностранному языку позволяет сделать следующий вывод.

Нравственное воспитание представляет собой фундаментальную задачу современного образовательного процесса, направленную на формирование у молодого поколения системы взаимоотношений, соответствующих высоким моральным стандартам общества. Основываясь на отечественных философских и этических традициях, нравственное воспитание, интегрированное в предметное образование, направлено на развитие таких качеств, как гуманизм, патриотизм, ответственность, доброта, честность, и многие другие, культивирует у учащихся уважение к культурным ценностям и стремление к добру.

Установлено, что:

– В контексте задач современного школьного образования акцент в нравственном воспитании направлен на культивирование таких моральных ценностей и качеств, как гуманизм, ответственность и патриотизм в среде школьников, начиная с периода начального общего образования. Дидактические условия осуществления нравственного воспитания в процессе обучения иностранному языку включают действия учителей по отбору содержания, средств, методов и форм предметного обучения, что в совокупности составляет педагогическую стратегию нравственного воспитания, интегрированную в иноязычное образование в начальной школе.

– Младший школьный возраст (6–11 лет) отличается значительными изменениями в эмоциональной сфере, когнитивных способностях и социальном поведении детей. Эта фаза развития характеризуется активным восприятием и усвоением моральных стандартов и ценностей, оказывающих влияние на формирование личности ребенка. В этот период нравственное воспитание выходит

за рамки простой передачи знаний о моральных правилах, стимулируя детей к самостоятельному размышлению о них и проявлению их в поведении. Создание условий, в которых дети могут проявлять инициативу, доброту и справедливость, необходимо для того, чтобы они могли на субъектно-личностном уровне осмыслить и принять эти моральные ценности.

– В организации обучения английскому языку, ориентированного на нравственное воспитание в начальной школе, первоочередную роль играют дидактические условия, обогащающие образовательный процесс многообразной нравственно состоятельной деятельностью, способствующие преобразованию урока иностранного языка в ценностную ситуацию, где происходит активное, заинтересованное присвоение школьниками духовно-нравственных ценностей иноязычной и родной культур в единстве с формированием положительных нравственных установок, убеждений, чувств и привычек, составляющих основу нравственной личности. Работа в рамках дискуссий на этические темы, участие в ролевых играх, тематические занятия и проектная деятельность стимулируют личностную и познавательную активность учащихся, развивают у них эмпатию и уважение культурного разнообразия, изучаемого на уроках иностранного языка; способствуют формированию нравственного опыта младших школьников как субъектов социальной жизни.

Список литературы / References

- Антология гуманной педагогики. Соловейчик / Сост. и авт. предисл. А. С. Русаков. М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 2007. [Rusakov, Andrej S. (ed.) (2007) *Antologiya gumannoj pedagogiki. Solovejchik* (Anthology of Humane Pedagogy. Soloveychik). Moscow: Izdatel'skij Dom Shalvy Amonashvili. (In Russian)].
- Горбунова Т. А. Духовно-нравственное воспитание и формирование межкультурной компетенции школьников на базе аутентичных материалов в условиях изменяющейся политической ситуации // Идеи, гипотезы, поиск...: Материалы XXVII региональной научной конференции аспирантов, соискателей и молодых исследователей. Магадан, 21 апреля 2022. М.: «Знание-М», 2022. С. 32–44. [Gorbunova, Tat'yana A. (2022) *Duhovno-nravstvennoe vospitanie i formirovanie mezhhkul'turnoj kompetencii shkol'nikov na baze autentichnyh materialov v usloviyah izmenyayushchejsya politicheskoy situacii* (Spiritual and Moral Education and the Formation of Intercultural Competence Among Schoolchildren Based on Authentic Materials in a Changing Political Environment). In *Idei, gipotezy, poisk... Materialy XXVII regional'noj nauchnoj konferencii aspirantov, soiskatelej i molodyh issledovatelej*. Magadan, 21 aprelya 2022. (Ideas, Hypotheses, Search... Proceedings of the XXVII regional scientific conference of graduate students, applicants and young researchers. Magadan, April 21, 2022). Moscow: «Znanie-M», 32–44. (In Russian)].
- Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России: проект. М.: Просвещение, 2009. [Danilyuk, Aleksandr Ya., Kondakov, Aleksandr M., & Tishkov, Valerij A. (2009) *Koncepciya duhovno-*

- npravstvennogo razvitiya i vospitaniya lichnosti grazhdanina Rossii: proekt* (Concept of Spiritual and Moral Development and Education of the Individual Citizen of Russia: Project). Moscow: Prosveshchenie. (In Russian)].
- Загвязинский В. И., Емельянова И. Н. Теория обучения и воспитания: учебник и практикум для вузов. 2-е изд. М.: Юрайт, 2024. [Zagvyazinskij, Vladimir I. & Emel'yanova, Irina N. (2024) *Teoriya obucheniya i vospitaniya: uchebnik i praktikum dlya vuzov*. 2-e izd. (Theory of Education and Upbringing: Textbook and Workshop for Universities. 2nd ed.). Moscow: Yurajt. (In Russian)].
- Ковальчук А. В., Щелконогова О. С. Воспитательный потенциал уроков иностранного языка // К. Д. Ушинский и образование в XXI веке: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Благовещенск, 26 января 2023. Благовещенск: БГПУ, 2023. С. 194–201. [Koval'chuk, Anna V., & Shchelkonogova, Ol'ga S. (2023) *Vospitatel'nyj potencial urokov inostrannogo yazyka* (Educational Potential of Foreign Language Lessons). In K. D. Ushinskij i obrazovanie v XXI veke: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Blagoveshchensk, 26 yanvarya 2023. (K. D. Ushinsky and Education in the 21st Century. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference Blagoveshchensk, January 26, 2023). Blagoveshchensk: BGPU, 195–201. (In Russian)].
- Макарова Ю. В. Идеи гуманной педагогики в трудах отечественных и зарубежных ученых [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2016. № 21 (125). С. 880–883. URL: <https://moluch.ru/archive/125/34681> (дата обращения: 13.12.2025). [Makarova, Yuliya V. (2016) *Idei gumannoj pedagogiki v trudah otechestvennyh i zarubezhnyh uchenyh* (The Ideas of Humane Pedagogy in the Works of Russian and Foreign Scientists). *Young Scientist*, 21 (125), 880–883. Retrieved from <https://moluch.ru/archive/125/34681> (2025, December 13) (In Russian)].
- Мильруд Р. П. Теория обучения иностранным языкам. Английский язык: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. [Mil'rud, Radislav P. (2024) *Teoriya obucheniya inostrannym yazykam. Anglijskij yazyk: uchebnik dlya vuzov*. 2-e izd., pererab. i dop. (Theory of Foreign Language Teaching. English: Textbook for Universities. 2nd ed., revised and add.). Moscow: Yurajt. (In Russian)].
- Острогорский А. Н. Образование и воспитание. Избранные труды. 2-е изд., стер. М.: Юрайт, 2024. [Ostrogorskij, Aleksej N. (2024) *Obrazovanie i vospitanie. Izbrannye trudy*. 2-e izd., ster. (Education and upbringing. Selected works. 2nd ed.). Moscow: Yurajt. (In Russian)].
- Попов Е. Б. Гуманистическая педагогика: идеи, концепции, практика. Из серии «Педагогика и гуманизм»: Учеб. пособие, книга вторая. Оренбург: ИПК ОГУ, 2003. [Popov, Evgenij B. (2003) *Gumanisticheskaya pedagogika: idei, koncepcii, praktika. Iz serii «Pedagogika i gumanizm»*: Uchebnoe posobie, kniga vtoraya (Humanistic Pedagogy: Ideas, Concepts, and Practice: From the Pedagogy and Humanism Series: Textbook, Book Two). Orenburg: IPK OGU. (In Russian)].
- Приказ Минпросвещения России от 31.05.2021 № 286 (ред. от 22.01.2024) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования» [Электронный ресурс]. URL: https://sch76krsk.gosuslugi.ru/netcat_files/32/50/FGOS_NOO_v_red_ot_22.01.2024.pdf (дата обращения: 19.11.2025) [*Prikaz Ministerstva prosveshcheniya Rossii ot 31.05.2021 N 286 (red. ot 22.01.2024) «Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta nachal'nogo obshchego obrazovaniya»* (Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated May 31, 2021, No. 286 (as amended on January 22, 2024), “On Approval of the Federal State Educational Standard for Primary General Education”). Retrieved from https://sch76krsk.gosuslugi.ru/netcat_files/32/50/FGOS_NOO_v_red_ot_22.01.2024.pdf (2025, November 19) (In Russian)].

- Роджерс К., Фрейберг Дж.* Свобода учиться. М: Смысл, 2019. [Rodzhers, Karl R. & Frejberg, Dzherom (2019) *Svoboda uchit'sya* (Freedom to Learn). Moscow: Smysl. (In Russian)].
- Серова А. А.* К вопросу о нравственном воспитании школьников на уроках английского языка // Актуальные вопросы современной науки: теория, методология, практика, инноватика: Сборник науч. статей по материалам X Международной научно-практической конференции (3 февраля 2023 г., Уфа). Ч. 2. Уфа: Изд-во НИЦ «Вестник науки», 2023. С. 78–82. [Serova, Anna A. (2023) K voprosu o npravstvennom vospitanii shkol'nikov na urokah anglijskogo yazyka (On the Issue of Moral Education of Schoolchildren in English Lessons) In *Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki: teoriya, metodologiya, praktika, innovatika*. Sbornik nauchnyh statej po materialam X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (3 fevralya 2023. Ufa). Ch. 2 (Current Issues in Modern Science: Theory, Methodology, Practice, and Innovation. Collection of Scientific Articles. Articles Based on the Materials of the X International Scientific and Practical Conference (February 3, 2023, Ufa). Part 2.). Ufa: Izdatel'stvo nauchno-issledovatel'skogo centra «Vestnik nauki», 78–82. (In Russian)].
- Сухомлинский В. А.* О воспитании. М.: Политиздат, 1988. [Suhomlinskij, Vasilij A. (1988) *O vospitanii* (About Education). Moscow: Politizdat. (In Russian)].
- Тихомирова О. Б., Фомина Н. И.* Концепция гуманной педагогики в современном обучении // Международный научно-исследовательский журнал. № 7(49). С. 61–64. [Tihomirova, Ol'ga B. & Fomina, Natal'ya I. (2016) Konceptsiya gumannoj pedagogiki v sovremennom obuchenii (The Concept of Humane Pedagogy in Modern Education). *International Scientific Research Journal*, 7 (49), 61–64. (In Russian)].
- Ушинский К. Д.* Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. М.: Дрофа, 2005. [Ushinskij, Konstantin D. (2005) *Chelovek kak predmet vospitaniya. Opyt pedagogicheskoj antropologii* (Man as an Object of Education. The Experience of Pedagogical Anthropology). Moscow: Drofa. (In Russian)].
- Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 23.05.2025). [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 16.12.2025). [*Federal'nyj zakon «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» ot 29.12.2012 № 273-FZ (red. ot 23.05.2025)* (Federal Law “On Education in the Russian Federation” dated 29.12.2012 N 273-FZ (ed. dated 23.05.2025). Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (2025, December 16). (In Russian)].
- Хожиева М. Ш., Хамраев Б. Т.* Нравственное воспитание младших школьников // Вопросы науки и образования. 2021. №. 10 (135). С. 41–45. [Hozhieva, Matluba Sh. & Hamraev, Bahtiyor T. (2021) Npravstvennoe vospitanie mladshih shkol'nikov (Moral Education of Younger Schoolchildren). *Problems of Science and Education*, 10 (135), 41–45. (In Russian)].
- Чухин С. Г., Левичев О. Ф.* Основы духовно-нравственного воспитания школьников: учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2024. [Chuhin, Stepan G. & Levichev, Oleg F. (2024) *Osnovy duhovno-npravstvennogo vospitaniya shkol'nikov: ucheb. posobie dlya vuzov* (Fundamentals of Spiritual and Moral Education of Schoolchildren: Textbook for Universities). Moscow: Yurajt. (In Russian)].
- Шамурادова В.* Духовно-нравственное воспитание на уроках английского языка // Шуйская сессия студентов, аспирантов, педагогов, молодых ученых: Материалы XIV Международной научной конференции, Москва – Иваново – Шуя, 06–07 октября 2021 года. Москва-Иваново-Шуя: Изд-во ИГУ, 2021. С. 72–73. [Shamuradova, Venera (2021) Duhovno-npravstvennoe vospitanie na urokah anglijskogo yazyka (Spiritual and Moral Education in English Lessons). In *Shujskaya sessiya studentov, aspirantov, pedagogov, molodyh uchenyh: Materialy XIV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*, Moskva – Ivanovo – Shuya,

06–07 oktyabrya 2021 goda (Shuya Session for Students, Postgraduate Students, Teachers, and Young Scientists: Proceedings of the XIV International Scientific Conference, Moscow – Ivanovo–Shuya, October 06–07, 2021). Moskva – Ivanovo – Shuya: Izdatel'stvo Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta, 72–73. (In Russian)].

Щуркова Н. Е. Педагогическая технология. М.: Педагогическое общество России, 2002. [Shchurkova, Nadezhda E. (2002) *Pedagogicheskaya tekhnologiya* (Educational Technology). Moscow: Pedagogicheskoe obshchestvo Rossii. (In Russian)].

Эриксон Э. Детство и общество. Спб.: Изд-во Питер, 2019. [Erikson, Erik (2019) *Detstvo i obshchestvo* (Childhood and Society). Saint Petersburg: Izdatel'stvo Piter. (In Russian)].

УДК 37.013.73

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-164-177

ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА НА ОСНОВЕ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Г. В. Сороковых¹, В. И. Петров², И. А. Молодцов³

¹ Государственный университет просвещения, Москва, Россия

² Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

³ Нижегородский государственный педагогический университет
им. К. Минина, Нижний Новгород Россия

В статье поднимается одна из важнейших проблем — подготовки современного учителя, способного обучать и воспитывать новое поколение в России как патриотов и граждан своего Отечества. Как показано в исследовании, современная профессионально-личностная подготовка будущего учителя сопряжена со многими противоречиями, среди которых особо необходимо выделить следующее. С одной стороны, существует требование государственной политики формировать ценностные доминанты у молодых людей, с другой стороны, отмечается неразработанность системной программы данного процесса. В работе уточнено понятие «мировоззрение будущего педагога», которое представляет собой систему взглядов и убеждений, определяющую направленность его профессиональной образовательно-воспитательной деятельности на решение важнейших задач воспитания и развития современной молодежи. В уточненном определении указано, что мировоззрение педагога как многоаспектный феномен состоит из трех важнейших компонентов, учет которых важен для развития взглядов и убеждений молодого учителя. Обосновывается значимость формирования мировоззрения студентов в рамках вузовской подготовки как одна из стратегических задач государства и общества. В работе показано, что формирование мировоззрения современного учащегося педагогических направлений во многом определяет его позицию по знаковым вопросам и влияет на качество его педагогической деятельности, уровень мастерства, успешность и востребованность.

В статье приведены примеры диагностики отношения студентов к таким понятиям, как «Родина», «Отечество», «патриотизм», и выявлены проблемы духовно-нравственного становления будущего учителя, который как продукт своего времени является носителем проблем современной молодежи. Предложенная комплексная программа способствует решению многих задач по воспитанию и формированию духовно-нравственных ценностей и гражданской позиции будущего педагога, а также развитию каждого компонента формирования мировоззрения, которые взаимосвязаны и взаимообусловлены. Показано, что правильно и системно организованный процесс формирования мировоззрения студентов на основе комплексной программы духовно-нравственного и гражданского образования способствует созданию ценностных доминант профессионально-личностного становления современного учителя, готовит его к обучению, развитию и воспитанию школьников в условиях современной образовательной среды.

Ключевые слова: формирование мировоззрения учителя; программа духовно-нравственного становления педагога; проблемы духовно-нравственного становления современной молодежи.

Цитирование: Сороковых Г. В., Петров В. И., Молодцов И. А. Формирование мировоззрения будущего педагога на основе традиционных духовно-нравственных ценностей и гражданско-патриотического образования // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 4 (72). С. 164–177. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-164-177.

Forming the Worldview of Future Teachers Based on Traditional Spiritual and Moral Values and Civil-Patriotic Education

Galina V. Sorokovykh¹, Vadim I. Petrov², Ilya A. Molodtsov³

¹ Federal State University of Education, Moscow, Russia

² Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

³ Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russia

This article addresses a critical challenge in training modern teachers capable of educating and nurturing the next generation as responsible citizens and patriots. The study highlights contradictions in the professional and personal training of future teachers, particularly the tension between state policy demands to instill value priorities in young people and the absence of a systematic program to achieve this goal. The paper clarifies the concept of “a future teacher’s worldview,” defined as a structured system of views and beliefs guiding their professional and educational activities, particularly in shaping and developing modern youth. The worldview is presented as a multifaceted construct consisting of three essential components that are pivotal for the development of a young teacher’s perspectives and beliefs. The article emphasizes the strategic importance of cultivating students’ worldviews during their years at the university, demonstrating that a teacher’s worldview significantly shapes their approach to key societal issues and impacts the quality of their teaching, their effectiveness, and professional relevance. Examples of assessing students’ attitudes toward concepts such as “homeland,” “fatherland,” and “patriotism” illustrate the challenges of fostering spiritual and moral development in future teachers, who themselves reflect the concerns of contemporary youth. Finally, the study proposes a comprehensive program for developing future teachers’ spiritual, moral, and civic values, highlighting the interdependence of the components of their worldview. Systematic implementation of such a program contributes to the formation of value-based orientations in professional and personal development, equipping teachers to educate and guide students effectively in a modern educational environment.

Key words: teachers’ worldview formation; program for teachers’ spiritual and moral development; problems of spiritual and moral development of contemporary youth.

Citation: Sorokovykh, Galina V., Petrov, Vadim I., & Molodtsov Ilya A. (2025) Forming the Worldview of Future Teachers Based on Traditional Spiritual and Moral Values and Civil-Patriotic Education. *LUNN Bulletin*, 4 (72), 164–177. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-164-177.

1. Введение

Решение проблемы обеспечения мировоззренческого суверенитета и укрепления традиционных российских ценностей среди подрастающего поколения на сегодняшний день остается приоритетной задачей не только для педагогической системы, но и для всего современного общества (Малинин, Сороковых, Шестакова 2024а: 52). Целью представленного исследования является раскрытие причин проблем формирования у будущего учителя мировоззрения как основы его личностного стержня и способности рефлексировать и сохранять ценностно-значимые качества педагога.

Для достижения поставленной цели нам необходимо было решить следующие задачи:

1) уточнить понятие «мировоззрение будущего педагога», раскрыть специфику его формирования у современного молодого человека;

2) проанализировать исследования проблемы духовно-нравственного становления учителя иностранного языка на примере концептов «Родина», «Отечество», «патриотизм» и указать причины, связанные с проблемами и дефицитами его духовно-нравственного становления;

3) предложить комплексную программу духовно-нравственного воспитания и гражданского образования и представить результаты ее внедрения в образовательном пространстве Нижнего Новгорода.

4) выстроить стратегические задачи перспективного формирования мировоззрения студентов педагогических вузов и начинающих учителей о важности воспитания традиционных духовно-нравственных ценностей, гражданской позиции и патриотизма у современной молодежи.

Гипотеза исследования: формирование мировоззрения у будущих педагогов будет эффективным, если систематически проводить мероприятия, связанные с формированием мировоззрения и ценностными доминантами; давать им знания об истории, культуре, религии и традициях своего края / региона; системно проводить мониторинг и при выявлении проблем разрабатывать технологию, способствующую целостности формирования мировоззрения молодого человека.

Следует отметить, что на сегодняшний день вопросы формирования мировоззрения как системы взглядов и убеждений освещены в трудах В. П. Зинченко (1997), целостной философской концепции С. Л. Рубинштейна (1997). Проблематика духовно-нравственных ценностей и основ патриотического воспитания нашла отражение в исследованиях В. А. Малинина (2024), Г. В. Сороковых (2024, 2025), Н. Н. Демидовой (2025), Н. Д. Гальсковой (2025), однако проблемы формирования мировоззрения учителя на основе включения системы его взглядов, позиции и убеждений остаются до сих пор недостаточно проработанными. Научная новизна исследования заключается в том, что на основе диагностического инструментария вскрыты причины, связанные с проблемами и дефицитами

духовно-нравственного становления современного педагога. Предложена комплексная программа духовно-нравственного воспитания и гражданского образования, которая направлена на формирование мировоззрения будущего учителя и молодого специалиста.

2. Характеристика материала и методов исследования

В настоящее время в России активно продвигается идея о традиционных духовно-нравственных ценностях российского общества (Указ Президента РФ 2024). Научные методы, которые были использованы в работе, представлены как теоретическим арсеналом (анализ научно-педагогической, лингводидактической литературы, обобщение и синтез), так и эмпирическим (наблюдение, беседы со студентами и преподавателями вуза, школьными учителями, диагностика, опрос и обработка результатов). Анализ актуальной методической литературы по языковой политике (Жигалев, Прохорова 2020) показывает, что на сегодняшний день стоит одна из важнейших задач — формирование речевой культуры будущего учителя (Сороковых, Старицына, Морозова, Прибылова 2024), его методического мышления и методической культуры, системы взглядов, убеждений и ценностей (Гальскова, Орешкова 2025).

3. Результаты исследования и их обсуждение

Согласно первой задаче, нам необходимо было раскрыть понятие «мировоззрение будущего педагога», который через два-три года придет в школу и будет выполнять свои профессиональные функции. В этой связи подчеркнем значимость данного процесса, во многом определяющего успешность педагогической деятельности молодого специалиста и тем самым способствующего его личностному росту. Полагаем, что мировоззрение педагога представляет собой многомерную структуру, которая состоит из следующих компонентов.

1. Знаниевый компонент представляет собой фундаментальную основу, включает философские, психолого-педагогические, гуманистические идеи, понимание сущности духовно-нравственных и культурных традиций, которые учитель должен передавать своим ученикам в рамках учебно-познавательной и воспитательной деятельности.

2. Личностный компонент содержит внутренние убеждения, духовно-нравственные качества и гражданско-патриотическую позицию педагога, искренность и уважение во взаимодействии со школьниками разных категорий, убеждений, с несовпадающими картинками мира и т. п.

3. Рефлексивный компонент состоит из способности и готовности учителя к самоанализу, тайм-менеджменту, критической самооценке, разработке методов обучения учащихся и самопознания, понимания их соответствия заявленным духовно-нравственным ценностям в формировании мировоззрения учеников. Сложившееся мировоззрение учителя способствует критическому осмыслению

разнообразных методов и приемов создания благоприятной образовательной и развивающей среды, выбору наиболее эффективных стратегий не только обучения, но и воспитания уважительного отношения к представителям разных картин мира, гражданской позиции и патриотизма.

Подчеркнем, что мировоззрение педагога является основополагающим инструментом, с помощью которого духовно-нравственные и гражданско-патриотические ценности не только передаются, но и проживаются учителем вместе с учениками. Как считают современные исследователи, «в процессе мультилингвального обучения личность овладевает способностью рассматривать себя в качестве “проводника в мировое сообщество” и воспринимать себя как субъекта “полилога культур”, осознавать свою собственную роль и ответственность в судьбе России и других стран» (Жигалев, Прохорова 2020: 145).

Мировоззрение как важная философская категория бытия развивает профессиональную этику и культуру речевого общения учителя со всеми субъектами образовательного процесса. Важной характеристикой мировоззрения является то, что его наличие способствует постоянному стремлению к самообразованию, саморазвитию и самосовершенствованию педагога как субъекта жизнедеятельности. Мировоззрение учителя, основанное на научных знаниях, опыте и традициях, дает ему возможность критически оценивать любую ситуацию и информацию, что позволяет педагогу научить и своих учеников рефлексировать и понимать скрытый и явный ее смысл (Сороковых, Старицына, Демидова 2025: 147). Справедливо отмечено, что «педагог, обладающий высоким уровнем методических знаний и применяющий инновационные подходы, создает на уроках условия, способствующие активному усвоению материала, демонстрируя высокий уровень своей методической культуры» (Сороковых, Чалова 2025: 47). Как ключевой субъект процесса обучения, преподаватель выполняет двоякую миссию: с одной стороны, он развивает методическую культуру и служит её живым воплощением, с другой — выступает проводником ценностей и образцом отношения к разным категориям школьников. Специфика преподаваемого предмета наделяет его дополнительной ролью наставника, помогающего освоить национально-культурные ценности и поведенческие нормы различных обществ (Старицына 2020: 99).

Создание образа педагога второй четверти XXI века основывается на необходимости его формирования как транслятора культурного наследия и идеалов современного общества (Сороковых, Старицына, Морозова, Прибылова 2025: 909). Если у педагога нет четкой позиции, нет глубоких научных знаний, то ему сложно формировать свои отношения с коллегами, учениками и их родителями. Ведь только способность выстраивать индивидуальные маршруты обучения, проектировать разноуровневые дифференцированные задания с учетом языковых способностей, интересов и особенностей здоровья позволяет педагогу создавать

комфортную лингвообразовательную среду на основе принципа лингводидактической персонализации, который, как указывает С. Г. Старицына, основан на следующих положениях: 1) индивидуальный подход: право каждого ученика на персонализированную траекторию обучения с выбором темпа, объема материала и форматов заданий; особое внимание — детям-инофонам с учетом особенностей их родного языка; 2) профессионализм педагога: владение специализированными умениями проектировать учебное пространство для разных форм работы и потребностей учащихся, включая детей с низкой мотивацией; 3) методическая гибкость: способность решать нестандартные задачи в поликультурной среде, развивая собственное педагогическое кредо; 4) нравственный пример: роль учителя как морального ориентира, чьи ценности влияют на формирование разнородного коллектива учащихся (Старицына 2024: 81).

Для выявления трудностей формирования мировоззрения будущего учителя нами в 2025 году был проведен опрос, в котором приняли участие студенты различных педагогических вузов (всего 117 респондентов). Задачей такого исследования стало раскрытие и понимание сущности аксиологических доминант современного молодого человека, который выбрал профессию педагога (Гальскова, Сороковых, Орешкова 2025: 138).

Вопрос о том, что такое Отечество и есть ли разница между Родиной и Отечеством, показывает, что 53 % будущих педагогов считают, что разница есть, «но не принципиальная»; 47 % утверждают: «не знаю», «никогда не задумывался» и т. п. (Рис.).

Что такое Отечество? Есть ли разница между Родиной и Отечеством?

117 ответов

Рис. Анализ результатов ответа респондентов на вопрос «Что такое Отечество?»

Как видно из рисунка, существуют и особые мнения студентов. Приведем некоторые примеры: «Тема является слишком абстрактной и требует серьезной психологической, философской, политэкономической подготовки как у педагога, так и у аудитории...»; «Я не считаю, что чувство гордости за страну — какая-то

абсолютная истина для всех, поэтому нельзя заставлять этому учиться каждого ученика...»; «Сейчас извращенные представления о патриотизме ввиду многих событий, поэтому, думаю, эта тема, как ориентация и религия, не должна публично обсуждаться»; «Эту задачу, можно и нужно решать, просто не “вымученными” способами, которые распространены сейчас»; «Можно прививать, но не пропагандировать и навязывать. Это дело каждого, любить свою страну или нет»; «Формирование чувства гордости за страну» — это, во-первых, работа государства. Если учащийся на себе испытывает достойный уровень жизни и своими глазами видит благополучие страны и людей, которые обеспечивает государство, гордость придёт естественным образом. Во-вторых, любовь невозможно привить снаружи, это чувство идёт изнутри при взгляде на вклад родной страны в мировую культуру и науку. Этому не надо учить».

Данные ответы показывают, что, к сожалению, молодые люди являются продуктом своего времени, когда школа и вуз «оказывали образовательные услуги», когда либеральные ценности доминировали в обществе. А ведь еще патриарх отечественной педагогики К. Д. Ушинский говорил о том, что Россия не должна слепо подражать Западу и должна иметь свой традиционный путь развития (Ушинский 2004).

Одной из важнейших задач, которые стоят сегодня перед образованием, является создание концептуальных основ формирования мировоззрения, духовно-нравственных ценностей и воспитания гражданина и патриота (Малинин, Сороковых, Шестакова 2024b). В этой связи была разработана и предложена комплексная программа формирования мировоззрения учащихся на разных этапах образования, их духовно-нравственного становления и воспитания гражданской позиции.

Для формирования всех компонентов мировоззрения учащихся школы и вуза была предложена системная воспитательная и образовательная деятельность, направленная на решение поставленных задач.

Представим результаты ее внедрения в образовательном пространстве Нижнего Новгорода.

На базе школы 187 по благословению митрополита Нижегородского и Арзамасского Георгия, на основании приказа директора департамента образования администрации г. Нижнего Новгорода И. Б. Тарасовой в 2010 году был открыт Городской ресурсный центр (ГРЦ) духовно-нравственного воспитания и гражданско-патриотического образования, как городской методический кабинет по данному направлению. В известной мере это было ответом на формирующийся в обществе социальный заказ, связанный с актуализацией проблем духовно-нравственного воспитания и гражданско-патриотического образования подрастающего поколения.

Приоритетным направлением работы ГРЦ является образовательная и просветительская деятельность, которая осуществляется под руководством департамента образования и в тесной связи с Нижегородской митрополией. Совместная работа направлена на формирование мировоззрения и традиционных духовно-нравственных ценностей молодых специалистов, школьников, студентов.

Особо хотелось бы отметить дискуссионную площадку, в рамках которой обсуждались вопросы духовно-нравственного становления будущего учителя. В работе приняли участие преподаватели, аспиранты, магистранты, студенты бакалавриата педагогических вузов, молодые учителя из разных регионов (Москва, Курск, Нижний Новгород). Дискуссия на тему «Дефициты профессионально-личностного становления молодого учителя. Что делать и кто виноват?» вызвала интерес у аудитории. Доцент кафедры межкультурной коммуникации и иностранных языков Курского государственного университета А. П. Белкина рассказала о том, как на занятиях по немецкому языку они со студентами на основе интеграции региональной культуры решают воспитательные задачи. Её доклад «Региональная культура как средство воспитания гражданина и патриота» был посвящен героям Курского края — и тем, кто сражался во время Великой Отечественной войны, и тем, кто сегодня активно участвует в защите нашего приграничья. На основе сравнительно-сопоставительного анализа концептов Совесть, Душа, Родина, Воспитание в русской и западной культурах доцент Московского городского педагогического университета Н. Г. Прибылова продемонстрировала расхождение нюансов восприятия указанных категорий в отечественной и европейской лингвистике и указала, что данные слова неодинаковы в русской и западноевропейских картинах мира.

На наш взгляд, важный вклад в дело духовно-нравственного воспитания вкладывает коллектив школы № 187 Нижнего Новгорода, где открыт «Георгиевский зал — зал славы русского воинства», в котором представлены исторические экспозиции со времён Александра Невского и до военных событий наших дней. Основные идеи, которые были заложены при создании музейных экспозиций: первая — моя семья в истории страны, вторая — связь с малой родиной (Нижегородчиной). Поэтому основная часть экспонатов — это дар семей учеников, выпускников и учителей.

Так, например, в зале, посвящённом Великой Отечественной войне, находится парадный мундир, в котором прадедушка одного из выпускников школы участвовал в параде Победы на Красной площади 9 мая 1965 года. Также в одной из витрин находится парадный мундир отца профессора Мининского университета Т. В. Свадьбиной, участника парада на Красной площади 7 ноября 1941 года, с которого он был отправлен на фронт. В музее проходят не только экскурсии, но и уроки истории, литературы, основ православной культуры, окружаю-

щего мира, основ безопасности и защиты Родины для обучающихся школ Нижнего Новгорода. Кроме того, музей посетили как педагоги и обучающиеся Нижегородской области, так и педагоги Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга, Архангельска, Иркутска, Калининграда, Абхазии, Минска (Республика Беларусь), Сербии, Китая.

В. А. Сухомлинский в своём главном произведении «Сердце отдаю детям» писал: «Важную цель всей системы воспитания я видел в том, чтобы школа научила человека жить в мире прекрасного, чтобы он не мог жить без красоты, чтобы красота мира творила красоту в нём самом... Нельзя лишать ученика радостей духовной жизни. Духовная жизнь ребёнка полноценна лишь тогда, когда он живёт в мире игры, сказки, музыки, фантазии, творчества. Без этого — он засушенный цветок... Школа становится подлинным очагом культуры лишь тогда, когда в ней царят четыре культа: культ Родины, культ матери, культ родного слова и культ книги» (Сухомлинский 2016: 35–36).

Выстраивание стратегических задач перспективного формирования мировоззрения студентов педагогических вузов направлено на расширение воспитательно-образовательной деятельности. Именно поэтому на базе ГРЦ ежегодно проводятся детские рождественские чтения, где обучающиеся представляют свои исследовательские проекты. На протяжении десяти лет на базе центра реализуется проект «Русский бал», который предполагает проведение ежегодных балов (Пушкинский, Сретенский и бал Победы). Бал — это литературно-музыкальное театрализованное представление. При подготовке бала идет большая творческая деятельность всех участников образовательных отношений. Это не только обучение танцу, но и глубокое изучение истории танца, костюма, этикета, музыки, поэзии, лингвистических особенностей языка разных исторических эпох, биографий великих людей этих эпох и истории России. Такая работа способствует духовно-нравственному и гражданско-патриотическому становлению личности ученика, единению всего коллектива: учеников, учителей, родителей.

Знаниевый компонент формирования мировоззрения учащихся включает в себя научно-методическую, исследовательскую и проектную деятельность. Например, педагогом-организатором О. Ю. Серовой была составлена серия видеоуроков в рамках курса повышения квалификации (АЗ и БУКИ 2025). В 2025 году при поддержке Фонда преподобного Серафима Саровского разработан видеоурок про первую игуменью Серафимо-Дивеевского монастыря — Марию (Ушакову), что стало большим вкладом в развитие методической базы преподавания данного курса.

Личностный и рефлексивный компоненты как взаимосвязанные части формирования мировоззрения педагога находят свое отражение в результатах методической, научно-исследовательской деятельности и представлены в различных

печатных изданиях, которыми пользуются не только педагоги России, но и педагоги ближнего зарубежья. Так, например, в 2016 году на базе ГРЦ было разработано учебное пособие «Оценка эффективности духовно-нравственного развития личности обучающегося в условиях современного образования», в котором представлены модель и диагностический инструментарий для оценки сформированности данных качеств.

В современном мире, где глобализация и стандартизация культуры становятся всё более заметными, равнодушие к национальной культуре и истории может привести к постепенной утрате культурной идентичности, когда уникальные традиции и ценности заменяются универсальными, лишёнными национального колорита. Не случайно 5 ноября 2025 года президент РФ В. В. Путин на заседании Совета по международным отношениям сказал: «Русская самобытность, традиция, культура, язык государствообразующего нашего народа нуждаются в самом бережном отношении и защите. Их объединяющая роль — гарантия единства нашего многонационального уже Отечества» (Путин 2025). Именно об этом более 50 лет назад говорил К. Г. Паустовский: «Нет ничего омерзительнее, чем равнодушие человека к своей стране, её прошлому, настоящему и будущему, к её языку, быту, к её лесам и полям, к её селениям и людям, будь они гении или деревенские сапожники» (Паустовский 1962: 48).

Одним из основных направлений деятельности ГРЦ на протяжении нескольких лет является работа, связанная с языковой политикой и лингвистической безопасностью, актуальность которой подтверждается Указом Президента Российской Федерации от 11.07.2025 № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» (Указ Президента РФ 2025). В апреле 2025 года на базе ГРЦ проходил международный научно-образовательный форум «Языковая политика и лингвистическая безопасность», организованный совместно с НГЛУ им. Н. А. Добролюбова.

Работа по вопросам языковой политики проводится в тесном сотрудничестве не только с высшей школой, но и с литературно-мемориальным музеем-заповедником А. С. Пушкина «Болдино». Благодаря такому взаимодействию на базе ГРЦ был открыт Пушкинский зал, в котором представлено четыре экспозиции.

Процесс формирования мировоззрения учащихся на всех этапах образования постоянно развивается, открываются новые направления деятельности. Поэтому сегодня в структуру ГРЦ входит «Школа наставничества», в рамках которой ведётся не только большая научно-методическая работа, но и работа, связанная с повышением профессиональной компетенции молодых педагогов, оказание им помощи и поддержки в работе с современными подростками. Такая

организация деятельности по формированию убеждений, ценностей, профессионально-личностных методических умений способствует созданию условий, направленных на становление мастерства молодых специалистов.

4. Заключение

Проанализировав различные источники и проведя диагностику проблемы духовно-нравственного становления молодого специалиста, мы пришли к выводу, что полем формирования мировоззрения учителя на основе традиционных духовно-нравственных ценностей и гражданско-патриотического воспитания должна стать «экологически чистая» образовательная среда на основе антропологической и аксиологической концепций, системная работа как в процессе учебно-познавательной, так и внеурочной деятельности.

Выдвинутая в начале исследования гипотеза была подтверждена содержанием проделанной работы, а именно: диагностированием и выявлением проблем, а также предложенной комплексной программой формирования мировоззрения начинающего педагога. Доказано, что духовно-нравственное становление будущего учителя определяется развитием его внутреннего потенциала, в основе которого лежат самосознание, нравственная самореализация, самоактуализация.

Одним из способов разрешения существующих сегодня противоречий в профессионально-личностной подготовке будущего педагога должно стать изменение содержательных и процессуальных аспектов его обучения и развития.

Предложенная комплексная программа духовно-нравственного воспитания и гражданско-патриотического образования апробирована в образовательной среде Нижегородской области и имеет важные показатели динамики данного процесса.

Приведенные примеры могут быть использованы для формирования и развития ценностных доминант не только будущего учителя, но и всех субъектов образовательного процесса.

Список литературы / References

- АЗ и БУКИ и Солдат «забытой» войны: маленьким нижегородцам о Первой мировой войне / авторы-составители А. Р. Халецкая, О. Ю. Серова. Нижний Новгород: ООО Юнион Принт, 2025. [Alina R. Haleckaya, Ol'ga Yu. Serova (compil.) (2025) *AZ i BUKI i Soldat «zabytoj» vojny: malen'kim nizhegorodcam o Pervoj mirovoj vojne* (AZ and BUKI and the Soldier of the «Forgotten» War: Little Nizhny Novgorod Residents about the First World War). Nizhnij Novgorod: Union Print. (In Russian)].
- Гальскова Н. Д., Орешкова Н. Л. Аксиологическая лингводидактика в системе профессионального лингвистического образования // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Т. 30. № 3. С. 610–620. [Galskova, Natalya. D., & Oreshkova, Nadegda L. (2025) *Aksiologicheskaya lingvodidaktika v sisteme professional'nogo lingvisticheskogo obrazovaniya* (Axiological Linguodidactics in the System of Professional

- Linguistic Education). *Tambov University Review. Series: Humanities*, Vol. 30, 3, 610–620. (In Russian)].
- Гальскова Н. Д., Сороковых Г. В., Орешкова Н. Л. Исследование проблемы формирования ценностных доминант будущего учителя иностранного языка // Московский педагогический журнал. 2025. № 2. С. 133–147. [Gal'skova, Natal'ya D., Sorokovykh, Galina V., & Oreshkova, Nadegda L. (2025) Issledovanie problemy formirovaniya cennostnykh dominant budushchego uchitelya inostrannogo yazyka (A Study of the Problem of Forming the Value Dominants of a Future Foreign Language Teacher). *Moscow Pedagogical Journal*, 2, 133–147. (In Russian)].
- Жигалев Б. А., Прохорова А. А. Лингвистическая безопасность России в модусе мультилингвизма // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. Спецвыпуск. С. 139–152. [Zhigalev, Boris A., & Prohorova Anna A. (2020) Lingvisticheskaya bezopasnost' Rossii v moduse mul'tilingvizma. (Linguistic Security of Russia in the Mode of Multilingualism). *LUNN Bulletin*, Special issue, 139–152. (In Russian)].
- Зинченко В. П. Посох Осипа Мандельштама и Трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. М.: Новая школа, 1997. [Zinchenko, Vladimir P. (1997) *Posoh Osipa Mandel'shtama i Trubka Mamardashvili. K nachalam organicheskoy psihologii* (The Staff of Osip Mandelstam and the Pipe of Mamardashvili. Towards the Beginnings of Organic Psychology). Moscow: Novaya shkola. (In Russian)].
- Малинин В. А., Сороковых Г. В., Шестакова С. М. Концептуальные основы воспитания патриота и гражданина в едином образовательном пространстве // Среднее профессиональное образование. 2024а. № 1 (341). С. 51–54. [Malinin, Valerij A., Sorokovykh, Galina V., & Shestakova, Svetlana M. (2024a) Konceptual'nye osnovy vospitaniya patriota i grazhdanina v edinom obrazovatel'nom prostranstve (Conceptual Foundations for Educating a Patriot and a Citizen in a Single Educational Space). *The Journal of Secondary Vocational Education*, 1 (341), 51–54. (In Russian)].
- Малинин В. А., Сороковых Г. В., Шестакова С. М. Формирование лингвистической безопасности личности как условие воспитания молодёжи // Московский педагогический журнал. 2024b. № 3. С. 18–29. [Malinin, Valerij A., Sorokovykh, Galina V., & Shestakova, Svetlana M. (2024b) Formirovanie lingvisticheskoy bezopasnosti lichnosti kak uslovie vospitaniya molodyozhi (Formation of Linguistic Security of a Personality as a Condition for the Education of Youth). *Moscow Pedagogical Journal*, 3, 18–29. (In Russian)]. DOI 10.18384/2949-4974-2024-3-18-29.
- Паустовский К. Г. Повесть о жизни. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1962. [Paustovskij, Konstantin.G. *Povest' o zhizni* (A Story of Life). Moscow: Goslitizdat, Vol. 2. (In Russian)].
- Путин В. В. Выступление на заседании Совета по межнациональным отношениям 5 ноября 2025 г. [Электронный ресурс]. // Официальный сайт Президента РФ <http://www.kremlin.ru/>. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/78409> (дата обращения: 28.11.2025). [Putin, Vladimir V. (2025) Vystuplenie na zasedanii Soveta po mezhnacional'nym otnosheniyam 5 noyabrya 2025 g. (Speech at the Meeting of the Council on Interethnic Relations on November 5, 2025). *Official Internet Resources of the President of Russia*. Retrieved from <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/78409> (2025, November 29) (In Russian)].
- Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. [Rubinshtejn, Sergey L. (1997) *Chelovek i mir* (Man and the World). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Сороковых Г. В., Старицына С. Г., Демидова Н. Н. Воспитание у студентов культуры восприятия рекламной коммуникации (на примере военной тематики) // Казанская наука. 2025.

№ 3. С. 143–147. [Sorokovykh, Galina V., Staricyna Svetlana G., & Demidova Natal'ya N. (2025) Vospitanie u studentov kul'tury vospriyatiya reklamnoj kommunikacii (na primere voennoj tematiki) (Developing a Culture of Perception of Advertising Communications in Students (Using Military Topics as an Example). *Kazan Science*, 3, 143–147. (In Russian)].

Сороковых Г. В., Старицына С. Г., Морозова В. И., Прибылова Н. Г. Исследование проблемы речевой культуры будущего учителя как фактора формирования лингвистической безопасности образовательного пространства // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 9. Вып. 5. С. 413–422. [Sorokovykh, Galina V., Staricyna, Svetlana G., Morozova Viktoriya I., & Pribylova, Natal'ya. G. (2024) Issledovanie problemy rechevoj kul'tury budushchego uchitelya kak faktora formirovaniya lingvisticheskoy bezopasnosti obrazovatel'nogo prostranstva (Studying the Problem of the Speech Culture of the Future Teacher as a Factor in the Formation of the Linguistic Security of the Educational Space). *Pedagogy. Theory & Practice*, Vol. 9, Iss. 5, 413–422. (In Russian)]. DOI 10.30853/ped20240052.

Сороковых Г. В., Старицына С. Г., Морозова В. И., Прибылова Н. Г. Портрет современного педагога: исследование трансформации образа в мировой практике (на примере будущего учителя иностранного языка в РФ и Китае) // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 10. Вып. 7. С. 908–917. [Sorokovykh, Galina V., Staricyna, Svetlana G., Morozova Viktoriya I., & Pribylova, Natal'ya. G. (2025) Portret sovremennogo pedagoga: issledovanie transformacii obraza v mirovoj praktike (na primere budushchego uchitelya inostrannogo yazyka v RF i Kitae) (The Portrait of the Modern Educator: A Study of Image Transformation in Global Practice (Using the Example of Future Foreign Language Teachers in Russia and China)). *Pedagogy. Theory & Practice*, Vol. 10, Iss. 7, 908–917. (In Russian)]. DOI 10.30853/ped20250109.

Сороковых Г. В., Чалова О. А. Экологическая лингвообразовательная среда как необходимый компонент имиджа современного педагога // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 1 (110). С. 46–49. [Sorokovykh, Galina V., & Chalova, Olga A. (2025) Ekologicheskaya lingvoobrazovatel'naya sreda kak neobhodimyj komponent imidzha sovremennogo pedagoga (Ecological Linguo-Educational Environment as a Necessary Component of a Modern Teacher's Image). *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya*, 1 (110), 46–49. (In Russian)]. DOI 10.24412/1991-5497-2025-1110-46-50.

Старицына С. Г. Методическая готовность будущего учителя иностранного языка к реализации принципа лингводидактической персонализации // Иностранные языки в школе. 2024. № 8. С. 79–84. [Staricyna, Svetlana. G. (2024) Metodicheskaya gotovnost' budushchego uchitelya inostrannogo yazyka k realizacii principa lingvodidakticheskoy personalizacii. (Methodological Readiness of a Future Foreign Language Teacher to Implement the Principle of Linguodidactic Personalization). *Inostrannyye yazyki v shkole*, 8, 79–84. (In Russian)].

Старицына С. Г. Методическая культура учителя иностранного языка в инклюзивном пространстве // Инклюзивное иноязычное образование сегодня: проблемы и решения: Сборник статей по итогам VI заочной научно-практической конференции, Москва, 17 апреля 2020 года. Москва: Белый ветер, 2020. С. 94–100. [Staricyna, Svetlana. G. (2020) Metodicheskaya kul'tura uchitelya inostrannogo yazyka v inklyuzivnom prostranstve (Methodological Culture of a Foreign Language Teacher in an Inclusive Environment). In *Inklyuzivnoe inoyazychnoe obrazovanie segodnya: problemy i resheniya: Sbornik statej po itogam VI zaочноj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 17 aprelya 2020 goda*. (Inclusive Foreign Language Education Today: Problems and Solutions: A collection of articles from the VI correspondence scientific and practical conference, Moscow, April 17, 2020). Moscow: Belyj veter, 94–100. (In Russian)].

- Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям. М.: Концептуал, 2016. [Suhomlinskij, Vasilij A. (2016) *Serdce otdayu detyam* (I Give My Heart to Children). Moscow: Konceptual. (In Russian)].
- Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации до 2030 г.» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015> (дата обращения: 29.11.2025). [*Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 07.05.2024 g. № 309 «O nacional'nyh celyahrazvitiya Rossijskoj Federacii do 2030 g.»* (Decree of the President of the Russian Federation “On the national development goals of the Russian Federation until 2030”. Retrieved from <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015> (2025, November 29) (In Russian)].
- Указ Президента Российской Федерации от 11.07.2025 № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507110017> (дата обращения: 29.11.2025). [*Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 11.07.2025 № 474 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj yazykovej politiki Rossijskoj Federacii»* (Decree of the President of the Russian Federation. “On Approval of the Fundamentals of the State Language Policy of the Russian Federation”. Retrieved from <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507110017> (2025, November 29) (In Russian)].
- Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. М.: Фаир-Пресс, 2004. [Ushinskij, Konstantin D. (2004) *Chelovek kak predmet vospitaniya. Opyt pedagogicheskoy antropologii* (Man as a Subject of Education: An Experience of Pedagogical Anthropology). Moscow: Fair-Press. (In Russian)].

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

УДК 821.161.1 : 81.25

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-178-190

КОНЦЕПЦИЯ ПУШКИНСКОГО ТВОРЧЕСТВА В ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ТРУДАХ А. ЛЮТЕРА: ИЗ ИСТОРИИ ВОСПРИЯТИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ГЕРМАНИИ

Ю. Н. Варпаева, А. А. Логинова

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00706, <https://rscf.ru/project/24-28-00706/>.

В статье рассмотрены аспекты концепции творчества А. С. Пушкина в «Истории русской литературы» (1924), написанной переводчиком, преподавателем, немецким славистом и библиографом Артуром Лютером. Артур Лютер был хорошо знаком с русской культурой и литературой, занимался ими как переводчик и преподаватель. Его желанием было установить взаимопонимание между русским и немецким читателем. В этом отношении его труд представляет собой уникальный опыт понимания литературы другого народа «изнутри» и передачи этого «внутреннего» видения через привычные и близкие «внутренние» образы немецкой литературы. Творчество А. С. Пушкина представлено в книге объективно и беспристрастно, выделены основные этапы его творчества, дана характеристика художественной ценности и значимости его произведений в России. Биография поэта проливает свет на изменение его мировоззрения, отдельно рассматриваются темы поэта и толпы, поэта в искусстве, что сопровождается цитированием профессионально выполненных стихотворных переводов, а не подстрочным прозаическим переводом, как в монографии А. Брюкнера «Русская литература в историческом развитии» (1905). Сопоставление с книгой А. Брюкнера проводится в статье и по другим параметрам: отношение к лирике, драматургии, исторической прозе А. С. Пушкина. А. Брюкнер дает внешний взгляд на личность и творчество русского поэта с позиции европоцентричного сознания, что зачастую приводит к искажению фактов или неверной их интерпретации. Книга А. Лютера не имеет таких недостатков, так как автор долгое время жил в России, получил там образование и занимался просветительской деятельностью в сфере русско-немецких и немецко-русских культурных связей. В настоящее время концепция пушкинского творчества А. Лютера остается актуальной как для русско-, так и для немецкоязычных читателей.

Ключевые слова: А. Лютер; А. Брюкнер; А. С. Пушкин; рецепция творчества А. С. Пушкина за рубежом; немецкоязычная славистика; концепция пушкинского творчества.

Цитирование: Варпаева Ю. Н., Логинова А. А. Концепция пушкинского творчества в просветительских трудах А. Лютера: из истории восприятия русской литературы в Германии // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 4 (72). С. 178–190. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-178-190.

The Conception of Pushkin's Art in Arthur Luther's Educational Writings: A Chapter in the German Reception of Russian Literature

Yulia N. Varpaeva, Aleksandra A. Loginova

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

This article examines aspects of Alexander S. Pushkin's works as analyzed by translator, teacher, German Slavist, and bibliographer Arthur Luther, author of *The History of Russian Literature*, published in 1924 in Leipzig. Luther was deeply familiar with Russian culture and literature through his work as a translator and educator, aiming to foster mutual understanding between Russian and German readers. His approach represents a distinctive attempt to comprehend the literature of another nation "from within" and to convey this perspective through culturally familiar German literary concepts. Luther's work presents Pushkin objectively, highlighting the major stages of his career and evaluating the artistic significance of his oeuvre in Russia. The poet's biography illuminates shifts in his worldview, examines themes such as the poet and society, and emphasizes the role of the poet in art, supported by professional verse translations rather than the interlinear prose translations used in Aleksander Brückner's *A Literary History of Russia* (1905). Comparisons with Brückner reveal that his Eurocentric approach sometimes led to distortions, whereas Luther's extended residence and professional engagement in Russia allowed him to offer a more accurate and nuanced perspective. Today, Luther's insights remain relevant for both Russian- and German-speaking audiences.

Key words: Arthur Luther; Aleksander Brückner; Alexander S. Pushkin; reception of Pushkin's works abroad; German-language Slavic studies; conception of Pushkin's art and life.

Citation: Varpaeva, Yulia N., & Loginova, Aleksandra A. (2025) The Conception of Pushkin's Art in Arthur Luther's Educational Writings: A Chapter in the German Reception of Russian Literature. *LUNN Bulletin*, 4 (72), 178–190. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-178-190.

1. Введение

Немецкая пушкинистика, оформившаяся в своих основных идеях уже к середине XIX века, в начале века XX совершила новый существенный шаг к вдумчивому осмыслению творчества русского поэта в работах слависта, переводчика, библиографа Артура (Федоровича) Лютера. Его можно назвать фигурой, связующей русскую и немецкую культуры. Он родился в Орле в 1876 г. в семье преподавателя древних языков. Его семья в трех поколениях жила в России, но происходила от рода известного немецкого реформатора Мартина Лютера. Безусловно, А. Лютер прекрасно владел как немецким, так и русским языком, а также еще

несколькими, в том числе французским, на котором он осуществлял свою корреспонденцию с Российской империей в Первую мировую войну. А. Лютер учился в русской гимназии в Орле, в 12 лет напечатал первое стихотворение, затем окончил историко-филологический факультет Московского университета с дипломом 1-й степени. На него повлияли преподаватели университета, представители культурно-исторической школы, такие как Николай Ильич Стороженко (1836–1906), шекспировед, профессор кафедры всеобщей литературы, и Матвей Никанорович Розанов (1858–1936), историк литературы, приват-доцент Московского университета по кафедре истории западноевропейских литератур, создатель романо-германских отделений на Высших женских курсах.

Именно воздействие Н. И. Стороженко определило выбор А. Лютером преподавательской стези. А. Лютер стал преподавать русский и немецкий языки в гимназии и училище. Благодаря протекции М. Н. Розанова его пригласили преподавать историю западноевропейской литературы сначала на Высших женских курсах, а потом в Московском университете. Помимо преподавательской деятельности, А. Лютер занимался рецензиями на театральные постановки, писал путевые очерки о путешествии по Германии, Австрии, Швейцарии и Италии (1897), сотрудничал с немецкими изданиями в Германии, например с журналом «Литературное эхо» (*Das literarische Echo*). Он первым рассказал в немецкой печати о Брюсове, Бальмонте и Блоке (см. [Харер 2004]). С другой стороны, он печатался в немецкоязычных изданиях в России, например в «С.-Петербургской газете» (*St. Petersburger Zeitung*), открыв в ней литературное приложение *Montagsblatt*, в котором помещал статьи о русской и немецкой литературе.

Эти статьи (о Пушкине, Гоголе, Горьком, Андрееве, Толстом и др.) стали основой его книги «История русской литературы» (*Die Geschichte der russischen Literatur*), впервые изданной в Лейпциге в 1924 г. Помимо этого, А. Лютер выступал с публичными лекциями о литературе в немецких культурных объединениях в России, стал основателем «Литературно-драматического общества» (1904), возглавлял «Московский немецкий союз» (1908). В 1905–1906 гг. благодаря знакомству с В. Брюсовым он сотрудничал с русскими журналами «Весы» и «Русская мысль», в которых печатал статьи о современной немецкой литературе, а также о писателях-юбилярах (Ф. Геббеле, Г. Клейсте). К этому же времени относится и начало переводческой деятельности А. Лютера: русское издание романа Ф. М. Клингера «Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад».

Таким образом, А. Лютер — многосторонне развитый, эрудированный, одаренный преподаватель, лингвист и филолог, прекрасно ориентировавшийся как в русской, так и в немецкой литературе и культуре, обладавший развитым чувством языка. Он видел себя, безусловно, преподавателем Московского университета, так как собирался вести семинар по сравнительной грамматике германских языков. Для подготовки к нему он был командирован в Германию на лето 1914 г. Но его поездка совпала с началом Первой мировой войны, и он

не смог вернуться в Россию. Дальнейшая его судьба складывалась исключительно в Германии. Ему удалось установить сотрудничество в области книгоиздательства в Лейпциге, он стал редактором книг отдела славянских языков и литератур, а также современной немецкой литературы.

В 1920-х гг. А. Лютер смог издать переводы сочинений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева и др., сопровождая их собственными предисловиями и комментариями. Частично эти переводы он осуществлял сам. Кроме произведений русской классики, он знакомил немецкого читателя с творчеством советских писателей (Горького, Леонова, Бабея, Эренбурга) и представителей русской эмиграции (Мережковского, Ремизова). Последний с большой теплотой относился к А. Лютеру и даже представил его к посвящению в шуточный Обезьяний Орден («Кавалер Обезьяньего знака I степени с дупляным крылышком»), тем самым подчеркнув значимость заслуг А. Лютера перед русской литературой (помимо прочего, Лютер перевел на немецкий язык «Легенды и рассказы» А. Ремизова).

Действительно, А. Лютер много и плодотворно работал — в том числе выпустил в издательстве *Insel* антологию русских переводов немецкой поэзии. Когда же в 1924 г. вышло первое издание его «Истории русской литературы», один из экземпляров он послал А. Ремизову. Напряженная творческая деятельность не прекращалась ни в 30-е, ни в 40-е гг. XX в. После окончания Второй мировой войны А. Лютер читал лекции по современной русской литературе в Марбургском университете, где была открыта славянская кафедра.

Умер А. Лютер в Баден-Бадене в 1955 г. рядом с виллой Тургенева — писателя, с которым был связан местом рождения. В своих «Воспоминаниях» он причисляет себя к немцам, таким образом, можно считать, что сам себя он определял с точки зрения немецкой идентичности. С позиции немецкого культурного сознания он и написал «Историю русской литературы», адресуя ее прежде всего немецкому читателю.

2. Характеристика материала и методов исследования

Основным материалом исследования стала книга А. Лютера «История русской литературы» (*Geschichte der russischen Literatur*), не переведенная на русский язык. Для сопоставления была использована хронологически близкая к ней монография польско-немецкого ученого А. Брюкнера «Русская литература в историческом развитии» (*Geschichte der russischen Literatur*).

В качестве теоретической базы были взяты, во-первых, отечественные историко-литературные работы, касающиеся вопросов межлитературных связей и рецепции А. С. Пушкина на Западе: М. П. Алексеева (Алексеев 1937), Ю. Д. Левина и Ю. М. Лотмана (Левин, Лотман 1966), А. Л. Григорьева (Григорьев 1977), В. И. Кулешова (Кулешов 1977), В. А. Аветисяна (Аветисян 1995), А. Г. Волховской (Волховская 2019), С. Б. Королевой (Королева 2024); а во-вторых, фундаментальные труды по теории рецепции (Потебня 1976; Jauf 1987; Мукаржовский

1994) и по герменевтическому подходу в литературоведении (Лихачев 1968; Гадамер 1988).

3. Результаты исследования и их обсуждение

В главе монографии, посвященной Пушкину, А. Лютер, как и А. Брюкнер в своей «Русской литературе в историческом развитии», отмечает высокий статус и исключительное значение творчества Александра Сергеевича для русской литературы и культуры: «В лице Александра Пушкина литературный мир наконец обрел своего великого классического поэта. Его упоминают в одном ряду с Гёте и Шекспиром. В Западной Европе это высокое место до сих пор не полностью осознано, и существует тенденция видеть в Пушкине лишь предшественника великих мастеров середины XIX века. Это, однако, несправедливо по отношению к нему, ибо по гениальности он намного превосходит всех своих прекрасных последователей, которые немислимы без него» / «In der Person Alexander Puschkins wurde den Ruffen endlich ihr grosser klassischer Dichter geschenkt. Sie nennen ihn in einem Atem mit Goethe und Shakespeare. In Westeuropa hat man diese hohe Einschätzung noch immer nicht recht begriffen können und ist geneigt, Puschkin nur als Vorläufer der grossen Meister der Jahrhundertmitte anzusehen. Man tut ihm damit aber Unrecht, denn an Genialität überragt er ganz gemiss alle feine Nachfolger, die ohne ihn überhaupt nicht denkbar sind» (Luther 1924: 146)¹. Однако, как и А. Брюкнер, А. Лютер отмечает, что А. С. Пушкин больше был наблюдателем эпохи, а не находился в центре происходящих событий: «Puschkin dagegen stand nicht im Mittelpunkt des reichbewegten Lebens seiner Zeit, sondern betrachtete es nur aus der Ferne» (Ibid: 146).

В отличие от А. Брюкнера, который как бы «игнорирует» широко известное выступление Ф. М. Достоевского «Речь о Пушкине» и не ссылается на него при рассмотрении творчества поэта, хотя влияние его ощутимо при обсуждении «Евгения Онегина» и образа Татьяны Лариной, А. Лютер сразу упоминает великого русского писателя во вступлении к главе: «Достоевский видел коренную черту Пушкина в его приспособляемости, в способности всецело проникаться духом ушедших эпох и чужих народов, и именно эта черта, по мнению Достоевского, делала его русским национальным поэтом. Ибо универсальность, способность воздать должное каждому народу и каждой эпохе, выйти за рамки национального и временного, перейдя к вечно-человеческому, была для Достоевского определяющей чертой русской души, самой сутью её великой всемирно-исторической миссии» / «In der Wandlungsfähigkeit, dem Vermögen, sich ruckhaltlos in den Geist vergangener Zeiten und fremder Völker zu versenken, sah Dostojewskijs den Grundzug von Puschkins Wesen, und eben dieser Zug machte ihn nach Dostojewskij Meinung zum russischen Nationaldichter; denn die Universalität, die Fähigkeit,

¹ Перевод здесь и далее наш. – Ю. В.

jedem Volk und jeder Zeit gerecht zu werden, durch das nationale und Zeitliche zum Ewig-Menschlichen durchzubringen, war für Dostojewskij der Hauptzug der russischen Seele, die Gemahrl ihrer großen weltgeschichtlichen Sendung» (Ibid).

Пушкин, по мнению А. Лютера, является подлинным национальным поэтом России, так как только в его творчестве находят совершенное воплощение настоящая жизнь народа, его природные дарования и характерные черты. В то же время А. Лютер называет А. С. Пушкина основоположником поэтического реализма, течения, которое не просто копирует действительность и идеализирует ее, а одухотворяет и поэтически преображает. В этом отношении, по мнению А. Лютера, Пушкин сопоставим с великим Гёте, каким бы странным ни показалось это сравнение западноевропейскому читателю. Русского поэта чаще сравнивают с Байроном (А. Брюкнер в своей монографии называет Пушкина «русским Байроном» [Brückner 1909: 169]), однако А. Лютер с этим не согласен: «Сопоставление Пушкина и Гёте может показаться западноевропейцам странным; параллель между Пушкиным и Байроном проводится легче, но это лишь показывает, как мало знают и понимают великого русского поэта. Ибо если что-то и поразительно в Пушкине, так это скорость, с которой он превзошел Байрона. Он был не титаном, а олимпийцем, как Гёте; его глубинной сущностью была гармония, но потребовалось много времени, чтобы эта гармония проявилась, потому что внешние условия, в которых проходило его развитие, были слишком неблагоприятны. Тем не менее, кроме Гёте, едва ли найдется другой поэт, в котором субъективность чувства и объективность изображения, чрезвычайно богатая внутренняя жизнь и необычайно зоркий взгляд на красочные явления внешнего мира сочетались бы так гармонично, как в Пушкине» / «Die Nebeneinanderstellung Puschkin — Goethe mag dem Westeuropäer seltsam scheinen; eher schon zieht man die Parallele Puschkin — Byron, zeigt damit aber nur, wie wenig man den großen russischen Dichter kennt und versteht. Denn wenn etwas erstaunlich ist bei Puschkin, so ist es die Schnelligkeit, mit der er Byron überwand. Er war kein Titane, sondern ein Olympier wie Goethe; sein innerstes Wesen war Harmonie, aber es dauerte lange, bis diese Harmonie zum Durchbruch kam, denn die äußeren Verhältnisse, unter denen seine Entwicklung vor sich ging, waren zu ungünstig. Dennoch gibt es außer Goethe kaum einen zweiten Dichter, in dem Subjektivität des Empfindens und Objektivität der Darstellung, ein überaus reiches Innenleben und ein ungemein scharfer Blick für die bunten Erscheinungen der Außenwelt sich so harmonisch paarten wie bei Puschkin» (1924: 146).

При описании биографии Пушкина А. Лютер первым упоминает факт происхождения поэта от Абрама Петровича Ганнибала, особо делая акцент на унаследованный им от прапрадеда «пылкий» (*leidenschaftliche*) темперамент (Luther 1924: 147), в то время как А. Брюкнер указывал сначала на древний боярский род со стороны отца, который позволил Пушкину включить своих предков в действующие лица исторической драмы «Борис Годунов», а затем на родство с арапом Петра Великого (Brückner 1909: 170). Много внимания уделяет А. Лютер

лицейским годам поэта, особо отмечая его литературный вкус и начитанность, удивительную способность к разноплановому творчеству: от анкреонтических песен, романтических баллад в духе Оссиана, чувствительных стихов про лунный свет (*Mondscheinverse*) до патриотических од, эпиграмм и сатир против угрюмых филистеров и плохих стихотворцев (рифмоплетов-метроманов). Крестными отцами Пушкина в поэзии А. Лютер называет Державина, Богдановича, Жуковского и Батюшкова, а также отмечает влияние французских писателей (Лафонтена, Грекура, Парни, Вольтера).

А. Лютер не останавливается подробно на лицейской лирике Пушкина, ее гражданском значении, как это было у А. Брюкнера. Он сразу переходит к освещению первого крупного произведения — сказочно-героической поэмы «Руслан и Людмила», называя ее «сказочным эпосом» (*Märchenepos*). Отмечая, что поэма написана в иронически-фривольном тоне, он проводит параллели подобной обработки материала с «Обероном» Виланда и «Душенькой» Богдановича. А. Брюкнер тоже упоминает «Душеньку» при анализе «Руслана и Людмилы», но сравнивает произведение с поэмами Ариосто, а ее фривольный дух — с французской страстностью (наваянной, видимо, сочинениями Вольтера и Парни). Именно здесь А. Брюкнер пишет о том, что в жилах Пушкина кипит африканская кровь. Оба исследователя отмечают изящество и легкость пушкинского слога: ласкающая приятность стиха, благозвучие языка, изящество и богатство образов (А. Брюкнер), грация, неопишное благозвучие, смелость фантазии, юношеское озорство (А. Лютер).

А. Лютер отмечает как литературные («Арзамас»), так и тайные общества («Зеленая лампа»), в которых состоял Пушкин, указывает на причины так называемой южной ссылки поэта. Подробно перечисляет А. Лютер места его пребывания (Екатеринослав, Кишинев, Одесса, Крым, Кавказ), а также упоминает увлечение Пушкина Байроном с его «мировой скорбью» и «пресыщенностью». Творческой рецепцией Байрона, как отмечает А. Лютер, стали поэмы «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан» и «Цыганы», в последней из которых произошел перелом в мировоззрении поэта, так как главный герой Алеко показан как эгоистичный тоскующий человек (*Weltschmerzer*), от которого после его поступка отворачиваются цыгане, представители естественного, чистого по духу народа.

Следующая ссылка — в Михайловское — с особенным тщанием описывается А. Лютером. У него появляется интересная аналогия, связанная с немецкой культурой: «И Михайловское приобрело для него такое же значение, как итальянское путешествие для Гёте, с той разницей, что он не нашел свой идеал в античности, а решительно обратился к национальному искусству. Этому способствовал не только Шекспир, на которого указывает его биограф Анненков, и не только тщательное изучение источников для трагедии «Борис Годунов», вдохновленной Шекспиром и приблизившей его к духу русской старины, но, прежде всего, непосредственное общение с народом. Он не только просил старую Арину Родионовну

рассказывать ему сказки и петь песни, как в детстве, но и ходил в народ, подобно Мартину Лютеру, “посмотреть, что они говорят на самом деле”, наблюдал за крестьянами за работой и праздниками, собирал народные песни и пословицы» / «Und Michajlowskoje gewann für ihn eine ähnliche Bedeutung wie die italienische Reise für Goethe, mit dem Unterschied, dass er sein Ideal nicht in der Antike fand, sondern sich entschlossen der nationalen Kunst zuwandte. Dazu verhalfen ihm nicht nur Shakespeare, auf den sein Biograph Annenkow hinweist, und nicht nur die gründlichen Quellenstudien, die er zu seiner durch Shakespeare angeregten Tragödie „Boris Godunow“ trieb und die ihm den Geist der russischen Vergangenheit nahebrachten, sondern vor allem die unmittelbare Berührung mit dem Volke. Nicht bloß von der alten Arina Rodionowna ließ er sich, wie in der Kindheit, Märchen erzählen und Lieder vorsingen; er ging auch, wie Martin Luther, unter die Leute, „um ihnen auf das Maul zu sehen“, beobachtete die Bauern bei ihrer Arbeit und ihren Festen, sammelte Volkslieder und Sprichwörter» (Luther 1924: 150).

Сравнение с итальянским путешествием Гёте, приведшим к возникновению знаменитого веймарского классицизма, и отношением к простому народу Мартина Лютера, выдающегося реформатора, красноречиво само по себе, но также это важно для объяснения выдающихся сторон личности русского поэта через знакомые и близкие европейскому (немецкому) читателю соответствия.

Исторически объективно показаны А. Лютером отношения Пушкина с царем. Он не называет его, подобно А. Брюкнеру, прославителем жандармерии или консерватором, примирившимся с самодержавием, подстроившим под нужды царизма свой талант. Это видно в характеристике исторической драмы «Борис Годунов», которую А. Лютер рассматривает только с позиции литературной значимости: «Он [народ] представлен во всех своих сословиях и группах, от боярина до нищенствующего монаха, и каждый персонаж, даже самый маленький, выглядит индивидуальным и ярким. Здесь мы видим, чему Пушкин научился у Шекспира. У каждой из этих фигур есть своя особенность, свои ясно обозначенные черты, но все вместе они образуют единое целое — народ. Помимо грибоедовской комедии нравов, Пушкин делает решительный шаг к народной драме. Он показывает нам кусочек русского прошлого с такой реалистичностью, с какой не справлялся ни один поэт до него, — и всё же мы воспринимаем это прошлое как живое настоящее. Ведь яркость и достоверность своих народных сцен Пушкин черпал не только из древнерусских летописей, которые он так усердно изучал, и не только из Шекспира; лишь потому, что он сам узнал и полюбил народ в годы изгнания, он смог изобразить его таким образом» / «Es ist in all seinen Klassen und Gruppen vertreten vom Bojaren bis zum Bettelmönch, und jede, auch die kleinste Episodenfigur wirkt individuell und lebendig. Hier zeigt sich, was Puschkin von Shakespeare gelernt hat. Jede dieser Gestalten hat ihre Eigenart, ihre scharf ausgeprägten Züge, alle zusammen aber bilden sie eine Einheit, eben das Volk. Über die Gesellschaftskomödie Gribojedows hinaus macht Puschkin den entscheidenden Schritt zum Volksdrama. Er zeigt

uns ein Stück russischer Vergangenheit, so wirklichkeitsgetreu, wie es keinem Dichter vor ihm gelang, - und doch empfinden wir diese Vergangenheit als lebendige Gegenwart. Denn die Lebendigkeit und Echtheit seiner Volksszenen hat Puschkin nicht nur aus den von ihm so fleißig studierten altrussischen Chroniken, nicht nur von Shakespeare; nur weil er selbst in den Jahren der Verbannung das Volk kennen und lieben gelernt hatte, konnte er es so darstellen» (Luther 1924: 153). А. Лютер не только подчеркивает литературные достоинства произведения, но и пишет о критическом восприятии его современниками. Основу его исследовательского метода прежде всего составляет историческая объективность.

Наиболее значительным произведением Пушкина А. Лютер называет роман в стихах «Евгений Онегин». Главный герой — разочарованный в себе и окружающем мире человек. Но это уже не тип Чайльд-Гарольда Байрона, а лишь «москвич в Гарольдовом плаще». Больше внимание уделяется, как и у А. Брюкнера, образу Татьяны Лариной (в чем сказывается, по всей видимости, влияние «Пушкинской речи» Достоевского): «Пушкинская Татьяна — один из самых прекрасных и трогательных образов не только русской, но и мировой литературы. Она неисчерпаема, как и любой образ, созданный великим поэтом с полной самоотдачей и полным использованием своего мастерства. И она тоже стоит в авангарде, казалось бы, бесконечного ряда женских образов русской литературы. Впервые в русской литературе одаренный, но слабый мужчина противопоставляется столь же одаренной, но сильной женщине. Таким образом, Пушкин обратился к проблеме национального характера, оставившей глубокий след в последующей отечественной литературе (Т. Коммихау). Тип женщины, который так любили великие русские поэты позднейшего времени, тип, прославивший русскую женщину во всем мире, — это тип Татьяны» / «Puschkins Tatjana ist eine der schönsten und rührendsten Gestalten nicht nur der russischen, sondern der Weltliteratur, unerschöpflich, wie jede Gestalt, die ein großer Dichter mit voller Hingabe, mit Einsatz seines ganzen Könnens schafft. Und auch sie steht an der Spitze einer schier endlosen Reihe von Frauengestalten der russischen Literatur. Zum ersten Mal im russischen Schrifttum ist hier der begabte, aber schwache Mann dem ebenso begabten, aber starken Weibe gegenübergestellt. Puschkin hat damit ein Problem nationalen Wesens aufgegriffen und behandelt, das in der heimischen Literatur der Folgezeit tiefe Spuren hinterlassen hat (Th. Commichau). Der Frauentypus, den die großen russischen Dichter der späteren Zeit uns so lieben gelehrt haben, der den Ruhm der russischen Frau durch die ganze Welt getragen hat, ist der Tatjana-Typus» (Luther 1924: 155–156).

Удивительной русской женщиной, которая оказала огромное влияние на жизнь и творчество поэта, как отмечает Лютер, стала его жена Наталья Гончарова. В отличие от А. Брюкнера, который лишь обмолвился о ней в конце своего очерка, А. Лютер дает подробные сведения об истории сватовства поэта, силе его чувства, необыкновенной красоте его избранницы. Он связывает события личной жизни поэта с его творческим вдохновением: «Среди всего этого поражает

творческая энергия Пушкина. Его прекрасные, поистине народные сказки, до сих пор любимые всеми русскими детьми, появляются в годы его супружества, как и повесть “Дубровский”, своеобразный, истинно русский аналог повести Клейста “Михаэль Кольхаас”» / «Erstaunlich bleibt bei alledem die Schaffensfreudigkeit Puschkins. In die Jahre seiner Ehe fallen seine wunderschönen, echt volkstümlichen Märchen, heute noch eine Lieblingslektüre aller russischen Kinder, ferner die Novelle „Dubrowskij“, ein eigenartiges, echt russisches Seitenstück zu Kleists „Michael Kohlhaas“» (Luther 1924: 155–159). Отсылка к Г. Клейсту — находка самого Лютера: в России о сходстве этих произведений Пушкина и Клейста впервые написал Б. Пастернак в 1940-х гг.

Особое внимание уделяется в «Истории...» А. Лютера поэме «Медный всадник», которая понимается им в русле философского осмысления противоборства между природой и человеком. В отличие от А. Брюкнера, А. Лютер не упоминает ни предысторию создания произведения, ни полемику Пушкина с Мицкевичем, но при этом упоминает тот факт, что Николай I не разрешил ее печатать и она впервые была опубликована в посмертном собрании сочинений, составленном Жуковским.

При этом А. Лютер подчеркнуто отмежевывается от тех, кто считает А.С. Пушкина политизированным писателем и, отмечая стихотворение 1831 г. «Клеветникам России», пишет в связи с его содержанием (фактически по-своему интерпретируя «русскую идею» Достоевского — в том ее виде, в котором она была высказана в «Пушкинской речи»), что у России есть особая задача, или миссия (*Aufgabe*): объединить и примирить между собой народы, которыми она правит (Luther 1924: 160).

Отмечая и комментируя различные проявления гражданской мысли Пушкина, А. Лютер большим достоянием мировой культуры считает тему свободы искусства — то, каким образом она освещается в творчестве Пушкина: «Пафос свободы искусства, которую мы сегодня рассматриваем как одно из величайших достижений Пушкина, подвергся критике не только со стороны его современников, но и со стороны некоторых историков литературы XX века» / «Dieses Eintreten für die Freiheit der Kunst, indem wir heute mit eines der größten Verdienste Puschkins sehen, wurde ihm nicht nur von den Zeitgenossen, sondern auch noch von manchen Literarhistorikern des 20» (Luther 1924: 160).

В связи с темой искусства А. Лютер осмысляет пушкинские «Египетские ночи» как горькое высказывание поэта о себе и «толпе», воспринимающей его как своего слугу, как источник удовольствия: «Самое горькое и невыносимое зло для поэта — его профессия и ее наименование, которым он заклемен и от которого он никогда не сможет избавиться. Публика смотрит на него как на свою собственность; по мнению дворян, он рождён для их пользы и удовольствия» / «Das bitterste und unerträglichste Übel für den Dichter ist sein Beruf und der Name, mit dem er gebrandmarkt ist und den er nie los wird. Das Publikum sieht ihn als sein

Eigentum an; nach der Meinung der Herrschaften ist er zu ihrem Nutzen und ihrem Vergnügen geboren» (Luther 1924: 162).

В Пушкине А. Лютер видит не только великого поэта, но и талантливейшего прозаика. В частности, о повести «Капитанская дочка» (эпизод захвата Белогорской крепости мятежниками) он замечает следующее: «...Все эти маленькие, смешные люди считают совершенно естественным погибнуть, но не присягнуть на верность мятежнику Пугачеву и идут на смерть как истинные герои, но без всякого героического жеста. Нет ничего более безжалостного и в то же время более трогательного, чем сцена в седьмой главе, где Пугачев допрашивает защитников крепости, а адъютант спокойно говорит ему: “Ты нам не царь, ты разбойник и самозванец, дядюшка”. Лишь несколько сцен в “Севастополе” и “Войне и мире” Льва Толстого можно сравнить с гениальной повестью Пушкина» / «Alle diese kleinen, lächerlichen Menschen halten es für selbstverständlich, lieber zu sterben als dem Rebellen Pugatschow den Treueeid zu leisten, und gehen als wirkliche Helden, aber ohne jede heroische Geste in den Tod. Es gibt nichts Unpathetischeres und dennoch Ergreifenderes als die Szene im siebenten Kapitel, wo Pugatschow die Verteidiger der Festung verhört und der Adjutant ihm in aller Ruhe sagt: “Du bist unser Zar nicht, du bist ein Räuber und Betrüger, Onkelchen”. Nur noch einzelne Szenen in Leo Tolstojs “Sewastopol” und „Krieg und Frieden” lassen sich mit Puschkins Meisternovelle vergleichen» (Luther 1924: 162).

В книге А. Лютера «История русской литературы», в отличие от монографии А. Брюкнера, нет примысливаний, связанных с вхождением в академический дискурс имагологического мифа о России, при этом мы видим отчетливую ориентацию на культурное сознание именно немецкого читателя, попытку объяснения русских реалий через понятные немцу образы и персоналии. В то же время, стремясь представить читателю строгий очерк творчества великого русского поэта, А. Лютер выражает сочувственное отношение к поэту и благоговейное — к его творчеству, выделяет в нем темы, которые представляются ему самому и его читателю наиболее значимыми. Фактически Лютер осмысляет пушкинское творчество, исходя из двойной перспективы немецкой и русской культуры (взгляд «снаружи» становится или совмещается со взглядом «изнутри»), в то время как А. Брюкнер, обладая не менее обширными знаниями, остается носителем европейского и европоцентричного сознания.

Представляется, что переводческая (то есть посредническая) деятельность во многом способствовала формированию этой двойной перспективы. В списке русских авторов, к чьему творчеству А. Лютер обращался в своих переводах, — А. Н. Радищев, Н. М. Карамзин, А. С. Грибоедов, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, Н. С. Лесков, М. Е. Салтыков-Щедрин, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, А. Н. Островский, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов, Л. Н. Толстой, Л. Н. Андреев, И. А. Бунин, Д. С. Мережковский, А. М. Ремизов, И. С. Шмелев. У Пушкина он перевел

повесть «Капитанская дочка», роман «Дубровский» и шесть сказок. Плодотворность, многоаспектность и разносторонность переводческой деятельности А. Лютера не могла не быть основана на искреннем интересе к русской литературе и культуре, глубококом ее знании и свободном владении русским языком.

4. Заключение

Книга А. Лютера — значимый научно-просветительский труд, нацеленный на популяризацию русской литературы в немецкоязычной среде и формирование двойной перспективы на духовный мир русской культуры, — стала вехой на пути осмысления немецким читателем истории, форм существования и особенностей содержания русской литературы. Как отмечено в рецензии на нее известного критика и философа Ф. А. Степуна (бывшего гимназического ученика А. Лютера), выход «Истории...» Лютера в свет оказался очень своевременным культурным событием, так как в Германии, при всем интересе к России, к началу 20-х гг. XX века не знали никого из русских писателей и поэтов, кроме Достоевского, Толстого и Тургенева.

Справедливыми и сегодня видятся смысловые акценты, расставленные в этой рецензии: книга Лютера «пронизана живым, чутким и внутренне-русским отношением к нашей литературе», «нигде не соскальзывает в то типичное непонимание России, которое сквозит во всех иностранных исследованиях ее духовного облика», а посему дает необходимое представление о «древности, богатстве, полноте и многообразности русского духовного творчества» (Степун 1925).

Список литературы / References

- Аветисян В. А.* К вопросу о рецепции Пушкина в Германии // Пушкин: исследования и материалы / под ред. М. П. Алексеева. СПб.: Наука, 1995. Т. 15. С. 155–160. [Avetisyan, Vladimir A. (1995) K voprosu o recepcii Pushkina v Germanii (On the Question of Pushkin's Reception in Germany). In Alekseev, Mihail P. (ed.) *Pushkin: issledovaniya i materialy* (Pushkin: Research and Materials). St. Petersburg: Nauka, Vol. 15, 155–160. (In Russian)]
- Алексеев М. П.* Пушкин на Западе // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Вып. 3. С. 104–152. [Alekseev, Mihail P. (1937) Pushkin na Zapade (Pushkin in the West). In *Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii* (Pushkin: Chronicles of the Pushkin Committee) / USSR Academy of Sciences. Institute of Literature. Moscow — Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Issue 3, 104–152 (In Russian)].
- Волховская А. Г.* Творчество А. С. Пушкина в критике и литературоведении Испании 1840-х — 1980-х гг.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. [Volkhovskaya, Anna G. (2019) *Tvorchestvo A. S. Pushkina v kritike i literaturovedenii Ispanii 1840-h — 1980-h gg.* Dis. ... kand. filol. nauk. (The Work of A. S. Pushkin in Criticism and Literary Criticism of Spain in the 1840s — 1980s. PhD Thesis in Philology). Moscow, 2019. (In Russian)].
- Гадамер Г.-Г.* Истина и метод: основы философской герменевтики / пер. с нем. М.: Прогресс, 1988. [Gadamer, Hans-Georg (1988) *Istina i metod: osnovy filosofskoj germenevtiki* (Truth

and Method: Foundations of Philosophical Hermeneutics) / translated from German. Moscow: Progress. (In Russian)].

Григорьев А. Л. Русская литература в зарубежном литературоведении. Ленинград: Наука Ленингр. отд-ние, 1977. [Grigoriev, Alexey L. (1977) *Russkaya literatura v zarubezhnom literaturovedenii* (Russian Literature in Foreign Literary Studies). Leningrad: Nauka Leningr. otd-nie. (In Russian)].

Королева С. Б. Морис Бэринг и А. С. Пушкин: перевод и проблемы формирования литературного канона // Имагология и компаративистика. 2024. № 22. С. 88–113. [Koroleva, Svetlana B. (2024) *Moris Bering i A. S. Pushkin: perevod i problemy formirovaniya literaturnogo kanona* (Maurice Baring and A. S. Pushkin: Translation and Problems of Literary Canon Formation). *Imagology and Comparative Studies*, 22, 88–113. (In Russian)].

Кулешов В. И. Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (первая половина). Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. [Kuleshov, Viktor I. (1977) *Literaturnye svyazi Rossii i Zapadnoj Evropy v XIX veke (pervaya polovina)* (Literary Connections between Russia and Western Europe in the 19th Century (First half)). 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. (In Russian)].

Левин Ю., Лотман Ю. Восприятие лирики Пушкина в Германии: рецензия на издание: Raab H. Die Lyrik Puškina in Deutschland (1820–1870). Berlin, 1964 // Русская литература. 1966. № 2. С. 250–253. [Levin, Yury, & Lotman, Yury. (1966) *Vospriyatie liriki Pushkina v Germanii: recenziya na izdanie: Raab H. Die Lyrik Puškina in Deutschland (1820–1870)* (The Perception of Pushkin's Lyrics in Germany: Review of the Edition: Raab H. Die Lyrik Puškina in Deutschland (1820–1870)). Berlin, 1964. *Russian Literature*, 2, 250–253. (In Russian)].

Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74–87. [Likhachev, Dmitry S. (1968) *Vnutrennij mir hudozhestvennogo proizvedeniya* (The Inner World of a Work of Art). *Voprosy literatury*, 8, 74–87 (In Russian)].

Мукаровичский Я. Исследования по эстетике и теории искусства / пер. с чеш. М.: Искусство, 1994. [Mukařovský, Jan (1994) *Issledovaniya po estetike i teorii iskusstva* (Studies in Aesthetics and Theory of Art) / translated from Czech. Moscow: Art. (In Russian)].

Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. [Potebnya, Aleksandr A. (1976) *Estetika i poetika* (Aesthetics and Poetics). Moscow: Iskusstvo. (In Russian)].

Степун Ф. А. [Рец.] А. Luther. Geschichte der russischen Literatur. Bibliographisches Institut. Leipzig, 1924 // Современные записки. 1925. № XXVI. С. 479–482. [Stepun, Fedor A. (1925) [Review] A. Luther. Geschichte der russischen Literatur. Bibliographisches Institut. Leipzig, 1924. *Sovremennye zapiski*, XXVI, 479–482. (In Russian)].

Харер К. Тройные почести. А. Ф. Лютер и его «Воспоминания». Перевод Марины Кореневой // Звезда. 2004. № 9. С. 159–168. [Harer, Klaus. (2004) *Trojnye pochesti. A. F. Lyuter i ego «Vospominaniya»* (Triple Honors. A. F. Luther and His Memories). Translated by Marina Koreneva. *Zvezda*, 9, 159–168. (In Russian)].

Jauß H. R. (1987) *Die Theorie der Rezeption — Rückschau auf ihre unerkannte Vorgeschichte*. Konstanz: Universitätsverlag Konstanz. (In German).

Источники языкового материала / Language material resources

Brückner, Alexander. (1909) *Geschichte der russischen Literatur. Zweite Ausgabe*. Leipzig: C. F. Amelangs Verlag. (In German).

Luther, Arthur. (1924) *Geschichte der russischen Literatur*. Leipzig. (In German).

УДК 821.161.1 : 81.25

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-191-206

ПЕРЕВОДЫ М. БЭРИНГА В «АНТОЛОГИИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ» С. БАУРА: ВЫБОР РЕДАКТОРА, ВЫБОР ПЕРЕВОДЧИКА

С. Б. Королева, Е. В. Васильев

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00706, <https://rscf.ru/project/24-28-00706/>.

В статье исследуются принципы отбора произведений и их переводов для «Антологии русской поэзии» (*A Book of Russian Verse*) под редакцией С. М. Баура (С. М. Bowra) — первой антологии русской лирики на английском языке, изданной для англоязычного интеллектуала в 1940-е годы. Цель статьи — охарактеризовать концепцию русской литературы, представленную в книге, определить степень воздействия на нее трудов М. Бэринга (M. Baring) и Д. С. Мирского (D. S. Mirsky) и описать связь ее основных положений с общими интерпретативными признаками переводов Бэринга, включенных в книгу. Актуальность исследования обусловлена современным запросом на научное осмысление истории и содержательных особенностей восприятия русской литературы за рубежом. Основным материалом исследования послужил сборник русской лирики под редакцией С. М. Баура и труды М. Бэринга и Д. С. Мирского по истории русской литературы. В основу методологии исследования лег синтез литературоведческих методов: сравнительно-исторического, герменевтического и рецептивного с теорией перевода. Основным результатом исследования стали следующие выводы: а) Концепция русской литературы, изложенная в Предисловии к «Антологии русской поэзии» под редакцией Сесила Баура и подтвержденная ее структурой и содержанием, синтезировала этнокультурную интерпретацию русской литературы (М. Бэринг) с интерпретацией культурно-эстетической (Д. С. Мирский); б) русская поэзия в «Антологии» представляла своеобразным проявлением национального духа и одновременно отдельной сферой творчества, пути которого были предопределены гением Пушкина; в) один из основных путей был проложен, как это представлено в Предисловии и структуре книги, «Пророком» Пушкина. При этом перевод Бэринга, использованный в Антологии, задавал стихотворению неправославное библейски-ветхозаветное звучание и, как и другие его переводы из Пушкина, глубоко изменял смысловое поле исходного текста: с одной стороны, замещал изображение духовно-эмоциональных состояний лирического героя узкой религиозной их интерпретацией, с другой же, — двигался от синергично-диалогических отношений в сторону принципиальной монологичности.

Ключевые слова: С. М. Баур; М. Бэринг; «Антология русской поэзии»; интерпретация; концепция русской поэзии; перевод.

Цитирование: Королева С. Б., Васильев Е. В. Переводы М. Бэринга в «Антологии русской поэзии» С. Баура: выбор редактора, выбор переводчика // Вестник Нижегородского государственного

лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 4 (72). С. 191–206. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-191-206.

**M. Baring's Translations in *A Book of Russian Verse* by C. Bowra:
Editorial and Translation Choices**

Svetlana B. Koroleva, Evgenij V. Vasil'ev

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

This article explores principles of selecting works and their translations for *A Book of Russian Verse*, edited by C. M. Bowra, the first anthology of Russian lyric poetry in English published for English-speaking intellectuals in the 1940s. The article aims to characterize the concept of Russian literature presented in the book, assess the influence of M. Baring's and D. S. Mirsky's scholarship on its construction, and analyze the relationship between the anthology's interpretive framework and Baring's translations included in the book. The relevance of this research lies in the ongoing scholarly interest in understanding how Russian literature has been perceived abroad. The primary material consists of Bowra's anthology and the works of Baring and Mirsky on Russian literary history. Methodologically, the study combines comparative, cultural, and hermeneutic approaches from literary studies with translation theory. The study arrives at several key conclusions: (a) The concept of Russian literature presented in Bowra's introduction to *A Book of Russian Verse*, and reflected in the anthology's structure and content, synthesizes Baring's ethnocultural interpretation with Mirsky's cultural and aesthetic perspective; (b) Russian poetry in the anthology is portrayed as both a unique expression of the national spirit and an independent sphere of creativity, with Pushkin's genius defining its trajectory; (c) even though, according to the anthology's Introduction and its structure, one of the main trajectories in the development of Russian poetry was defined by Pushkin's poem *The Prophet*, Baring's translation of *The Prophet* exemplifies how his approach imparted a non-Orthodox biblical tone, simultaneously narrowing the depiction of the lyrical hero's spiritual and emotional states into a religiously framed interpretation and shifting the work's dialogical dynamics toward the dominance of a single subject.

Key words: C. M. Bowra; M. Baring; *A Book of Russian Verse*; interpretation; conception of Russian poetry; translation.

Citation: Koroleva, Svetlana B., & Vasil'ev, Evgenij V. (2025) M. Baring's Translations in *A Book Of Russian Verse* by C. Bowra: Editorial and Translation Choices. *LUNN Bulletin*, 4 (72), 191–206. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-191-206.

1. Введение

Антология русской поэзии (*A Book of Russian Verse*) под ред. С. Баура (C. Bowra) впервые увидела свет в 1943 г. Выпустило ее одно из центральных лондонских издательств (Macmillan and Co) в серии, рассчитанной на относительно широкую (интеллектуальную) аудиторию: *The heritage of symbolism. FROM VIRGIL TO MILTON*. Об основной цели публикации (просветительской по своему характеру) сказано вполне определенно в кратком комментарии-предисловии к ее второму изданию. При этом формулировка цели, явственно отражая

горизонт читательских ожиданий, ориентирована на сформированные у английского (англоязычного) читателя представления о вершинных творениях русской литературы: «Долгое время существовала потребность в антологии лучшей русской поэзии в хороших английских переводах, и книга является ответом на этот запрос <...> Русская поэзия малоизвестна в Англии, соответственно книга призвана познакомить английского читателя с авторами, которые в своей стране считаются по крайней мере равными ее великим романистам» (Здесь и далее перевод (если не указано иное) наш. – С. К.) / *An anthology of the best Russian poetry in good English translations has long been needed, and this book is an attempt to supply this need <...> Russian poetry is not well known in England, and it is hope that this book will make more familiar authors who in their own country are regarded as at least the peers of the great novelists* (Bowra 1947: flyleaf). Русская поэзия, по замыслу редактора и издателя, должна вслед за прозой русских писателей XIX века явить английскому (англоязычному) читателю своеобразие и величие русской культуры.

Эта антология была первым сборником русской лирической поэзии в английских переводах и выдержала четыре переиздания, последнее из которых появилось в 1976 г. Ее редактором и составителем стал известный английский переводчик (в том числе с русского), «выдающаяся фигура в академической жизни Оксфордского университета» (*a prominent figure in academic life at Oxford University* [Davidson 2009: 42]), автор многочисленных критических статей о русских поэтах С. М. Баура (Сесил Бауэра). В книгу вошла избранная лирика 27 русских поэтов XIX – начала XX вв. (до 1920-х годов), включая Пушкина (36 стихотворений и фрагментов из поэм), Лермонтова (22), Тютчева (10), Некрасова (6), Фета (9), Сологуба (4), Брюсова (5), Блока (17), Есенина (3), Маяковского (1). Количество отобранных стихотворений в его соотношении с именами избранных авторов свидетельствует о своеобразной концепции русской поэзии, сформированной в сознании редактора-составителя. Эту концепцию он изложил в объемном предисловии к этой книге.

Книга, составленная Баура, никогда не становилась объектом научного осмысления ни с позиции рецептивной эстетики, ни с точки зрения межлитературных связей. Между тем ее издательская история, равно как очевидная продуманность и своеобразие ее концепции, заслуживают исследовательского внимания в контексте изучения английского канона русской литературы и истории его формирования.

2. Характеристика материала и методов исследования

Основным материалом исследования послужил сборник русской лирики под редакцией С. М. Баура: его вводные части (*Preface* и *Introduction*), его структура и содержание, а также тексты Пушкина, данные в переводе М. Бэринга.

Использовались в качестве опорного материала и труды М. Бэринга и Д. С. Мирского по истории русской литературы, особенно в том, что касается пушкинского творчества.

Что касается опорных научных трудов и методов, вошедших в методологию исследования, то теоретической основой исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых в области теории перевода (см.: [Комиссаров 2002; Модестов 2010]), рецептивной эстетики (см.: [Потебня 1976; Iser 1978]), герменевтики (см.: [Лихачев 1968; Гадамер 1988]) и сравнительно-исторического метода в литературоведении (см.: [Григорьев 1977; Лотман 1995; Лейтон 1999]).

3. Результаты исследования и их обсуждение

Уточняя цель издания книги и редакторский замысел, Баура указывает, что основной своей задачей считает дать «репрезентативную выборку» (*a representative selection*) лирических стихотворений русских поэтов в «верных и поэтичных» переводах (*as faithful and as readable as can be found* [Bowra 1947: v]). Вместе с тем он детально поясняет свои взгляды на историю и своеобразие форм и основного содержания русской поэзии.

Отталкиваясь от мысли о том, что вся она начинается с Пушкина и около 1922 года совершает резкий скачок в сторону от основного вектора своего развития, Баура подробно останавливается на описании этого вектора. В предложенном им взгляде на причины и основные компоненты содержательного своеобразия русской поэзии обнаруживаются явные следы влияния этнокультурной концепции поэзии, изложенной в научно-просветительских трудах Мориса Бэринга. О неслучайности этого сходства прямо свидетельствует акцентное указание его имени первым в числе имен авторов, чьи переводы были использованы в антологии.

О русской литературе М. Бэринг (Maurice Baring) — английский дипломат, журналист, писатель, переводчик, составитель антологии русской поэзии на русском языке (*The Oxford book of Russian Verse*, 1925) — написал две разные по своим задачам и принципам составления книги: книгу — подступ к проблеме «Вехи русской литературы» (*Landmarks in Russian literature*, 1910) и более подробный «Очерк истории русской литературы» (*Outline of Russian literature*, 1914). Концепция русской поэзии, в общих чертах изложенная в «Вехах» и более содержательно в «Очерке», была воспроизведена им десятилетием позже в развернутом предисловии к «Оксфордской антологии» (*The Oxford book of Russian Verse*, 1925), выдержавшей за период 1920-х–1970-х годов восемь репринтов и переизданий (1st edition: 1942, 1944; 2nd edition: 1948, 1953, 1958, 1961, 1966, 1971).

Суть этой концепции определяется распознаванием в ней черт имманентного реализма (позитивизма), по наблюдениям М. Бэринга, свойственного русскому национальному характеру, — черт, о которых тот подробно рассуждает

в книгах «Русский народ» (*The Russian People*, 1911) и «Истоки России» (*The Mainsprings of Russia*, 1914). Уже в «Вехах русской литературы», стремясь определить и пояснить отличительные черты русской литературы для себя и англоязычного читателя, Бэринг исходит из общего утверждения о том, что вся русская поэзия «основана на выраженном здравом смысле, вся пропитана им» (*is based on and saturated with sound common sense*) и что в этом она не похожа на поэзию ни немецкую, ни английскую, ни французскую (Baring 1912: 25). В качестве ярчайшего примера Бэринг указывает на «величайших русских поэтов» (*the greatest Russian poets*) Пушкина и Лермонтова: в отличие от признанных поэтов-романтиков Шелли или Мюссе, они не возводят башни отвлеченных размышлений и не адресуют своему читателю революционно-мятежные призывы / *no Russian Romantic poet would have ever tried to reach the dim pinnacles of Shelley's speculative cities, and no Russian Romantic poet would have uttered a wild cry of revolt such as Musset's Rolla*, но «извлекают поэзию из обыденности» / *extract poetry from the daily life*. Пушкин же находит для этого извлечения «сбалансированную до совершенства» (*perfectly balanced*) форму, интуитивно спаянную со здравым смыслом (*this sense of balance and proportion blent with a rooted common sense*) (Baring 1912: 27).

Из оценок и описаний «пушкинской» главы бэринговского «Очерка русской литературы» рождается синтез этнокультурной интерпретации пушкинского творчества с культурно-эстетическим подходом к художественному слову — синтез, в котором творчество Пушкина в целом предстает уникальным проявлением гения русского народа и в котором, наряду с характеристиками «поэт обыденной действительности» (*a poet of everyday life*) и «все-обнимающей человечности» (*all-embracing humanity*)¹, ключевым становится определение «великий художник» (*a great artist*), «влюбленный в красоту» (*a lover of the beautiful*) (Baring 1915: 96, 98).

Этнокультурное толкование «человечного реализма» Пушкина в «Очерке» и «Вехах» Бэринга на смысловом уровне смыкается с его высказываниями о русском национальном характере в «Истоках России» и «Русском народе». В первой из этих книг Бэринг указывает на здравый смысл (*common sense*), жизнерадостность и чувство юмора (*cheerfulness; good humour*) как на черты, присущие русскому крестьянину (Baring 1914: 60). Во второй отмечает, что свойственный ему здравый смысл, проявляемый в смекалке (*shrewdness*) и практическом чутье (*practical sense*), является лишь формой общего «духа позитивизма и реализма» (*spirit of positivism and realism*), свойственного русскому народу (Baring 1911: 53).

С другой стороны, для него очевидно, что реализм в русском человеке сочетается с адаптивностью (*all-round adaptability*) и человечностью (*humane*)

¹ Здесь Бэринг прямо ссылается на Достоевского и его идею всечеловечности русского человека.

(Baring 1914: 40), равно как с чрезвычайной одаренностью энергией (*extra flip of energy*). Неслучайно в «Очерке» он открыто соглашается с Достоевским в том, что «способность понять всех и каждого» (наравне с чувством реальности) делает Пушкина поэтом «глубоко русским» (*this capacity for understanding everything and everybody, which makes him so profoundly Russian*) (Baring 1915: 96).

Следуя за М. Бэрингом и в основных элементах его этнокультурной концепции, и в самой логике ее изложения, С. Баура в своем предисловии сравнивает русскую поэзию с европейской (английской, итальянской, французской) и указывает на «более мягкую» интонацию (*its tones are quieter*), приглушенные оттенки (*its colours more subdued*), меньшую авантюренность, дерзость в выборе предмета изображения (*its subjects less adventurous*) (Bowra 1947: xiii). «Даже в XIX веке мир, изображенный в русской поэзии, намного спокойнее и ближе к обыденности, чем мы могли бы ожидать в век Шелли и Гюго» / *even in the nineteenth century the world revealed in Russian poetry is much quieter, much closer to common life, than we should expect in the age of Shelley and Hugo* (Ibid.), — поясняет автор-составитель.

В то же время как переводчик с длительным опытом работы над поэтическими произведениями разных национальных литературных и культурных традиций, он указывает на «адаптивность, разнообразие и выразительность» (*adaptability and variety and expressiveness*) (Bowra 1947: xiv) самого русского языка; подчеркивает, что «по своей природе» тот «из всех европейских языков, может быть, наиболее предрасположен к поэзии» / *Russian is perhaps of all European languages the most gifted by nature for poetry* (Bowra 1947: xv). В целом в предисловии к составленной им антологии русской поэзии С. Баура излагает собственную, оригинальную позицию, во многом основанную на синтезе двух основополагающих для англоязычной славистики концепций пушкинского творчества — М. Бэринга и Д. С. Мирского — и в то же время обобщающую опыт собственной переводческой деятельности.

Баура обнаруживает в истории русской поэзии не только проявление духа русского народа, но и масштабное влияние пушкинского гения: «Русская поэзия в большой степени создана девятнадцатым веком и даже одним человеком» / *Russian poetry is largely the creation of the nineteenth century and even of a single man*, — так начинается его Введение (*Introduction*) (Bowra 1947: xiii). Продолжается же оно уточнением: «Русская поэзия <...> едва ли не всем обязана Пушкину. <...> если мы знаем Пушкина, мы знаем отличительные признаки [всей] русской поэзии» / *Russian poetry, as we know it, owes an incalculable debt to Pushkin. <...> if we know Pushkin, we know the peculiar qualities of Russian poetry*) (Ibid.). В представлении о решающем воздействии пушкинского творчества на пути развития русской поэзии Баура оказывается близок не М. Бэрингу, а другому своему предшественнику по линии изучения истории русской поэзии и литературы в целом —

Д. С. Мирскому, «главному спецу по русской литературе для англоязычного мира» (Ефимов 2019).

В его трудах (в первую очередь в статье «Пушкин», написанной для «Славянского обозрения» (*Pushkin*, 1923), а также в монографиях «Пушкин» (*Pushkin*, 1926) и «История русской литературы» (*A History of Russian Literature*, 1926)) поэт предстает гением, связанным отнюдь не с русским народным сознанием (ср.: «нелепица говорить о Пушкине как о продукте русского народа» (Мирский 2014: 59)²), но с высокой дворянской культурой, и при этом вся послепушкинская культура оказывается озаренной им, его поэтикой, в том числе и его особенным реализмом. В векторе именно такого толкования роли Пушкина в русской культуре Мирский характеризует поэта как «последний цвет <...> специфической цивилизации, <которая> зачата Петром Великим <...> и начала разлагаться при Николае I» (Там же: 58). И уточняет: «Гений Пушкина был создан высокой и специфической космополитической цивилизацией русского дворянства» (Там же: 59). Все последующее развитие русской литературы Мирский соотносит с присущим «Евгению Онегину» особенным реализмом, синтезирующим поэтизацию действительности с верностью ее изображения (см.: [Mirsky 1926: 88]).

К общим особенностям содержания русской поэзии Баура относит в первую очередь «живое восприятие человечности», внимание к душе, к внутренней жизни человека (ср.: *The Russian poets, like the Russian novelists, have a lively understanding of many kinds of humanity <...> the soul, <...> the fundamental, unchanging nature behind it [the external circumstance]. <...> this profound interest in human life* [Bowra 1947: xv–xvi]). И называет в числе произведений, в которых впервые определилась эта особенность, пушкинские «Я вас любил...» и «Письмо Татьяны».

Выделяет Баура и противоборство сердечной, телесной и душевно-духовной жизни как важнейший предмет изображения в русской поэзии — противоборство, в котором «наслаждение умалется и сдерживается ощущением греха» (*The claims of the heart, or of the flesh, are countered by the claims of the soul; the sense of pleasure is haunted and corrected by a sense of sin* [Bowra 1947: xvii]). И указывает в связи с этим утверждением на стихотворение «Воспоминание» Пушкина как ее (этой особенности) ярчайшее проявление и литературный источник (фундамент).

Проницательно выделяет переводчик-составитель среди принципиальных особенностей русской поэзии «присутствие иного мира», смыкающееся с «любовью к Господу» и «мистической концепцией жизни», как то, что выделяет русскую поэзию, характеризует ее национальное своеобразие (*In the Russian soul the love of God is a natural counterpart to the loves of men <...> This sense of another world may at times take special forms <...> a mystical conception of life, and from this*

² Перевод с английского работ Мирского в этой книге осуществлен М. В. Ефимовым.

few Russian poets are very far [Bowra 1947: xvii]). В качестве ярчайшего примера и основного источника поэтических воплощений этого вектора Баура приводит пушкинского «великолепного» (*magnificent*) «Пророка».

Именно с «Пророка» Пушкина вся русская поэзия начинается в книге Баура: это стихотворение стоит первым и открывает собой всю антологию; заканчивает же (и ожидаемо) пушкинскую часть «Памятник». Автором перевода «Пророка», выбранного для публикации редактором, является М. Бэринг; автором перевода «Памятника» стал сам Баура.

Бэринговский перевод пушкинского «Пророка» первоначально был опубликован в книге «Потерянные лекции» (*Lost lectures; or, The fruits of experience...*, 1932); в 1933 г. напечатан в двенадцатом томе «Славянского и восточноевропейского обозрения» (*Slavonic and East European Review*), а в юбилейном 1937 году воспроизведен в этом журнале снова (а также в последней книге Бэринга (*Have You Anything to Declare? A Notebook with Commentaries*, 1937)). И хотя этот перевод не вошел во влиятельное англоязычное издание пушкинских сочинений под редакцией А. Ярмолинского и не стал первым переводом пушкинского «Пророка» на английский язык³, он занял свою нишу в истории англоязычных переводов из Пушкина, на что указывает его воспроизведение (с историко-биографическим комментарием) в выпуске журнала «Честертон Ревью» (*The Chesterton Review*) за февраль-май 2000 г. и в современном электронном издании пушкинского собрания сочинений в переводах на английский язык (Pushkin 2022–2023).

Кроме того, этот перевод стал единственным из всех бэринговских переводов из Пушкина, вошедшим в его последнюю книгу, и оказался для переводчика и писателя текстом «длиною в жизнь». Путь к нему был намечен Бэрингом еще в 1914 г. в упомянутом выше «Очерке истории русской литературы». Отмечая в ней необыкновенную значимость этого стихотворения как «вершины, которой Пушкин достиг лишь однажды» (*a height to which Pushkin only attained once*) и как шедевра мировой поэзии, в котором величие образов и грандиозная гармония звучания удивительным образом воплощают и мильтоновский дух, и экспрессивность Данте (*It is Miltonic in conception and Dantesque in expression*) (Baring 1915: 88), Бэринг приводит текст в собственном прозаическом переложении. «Пророком» фактически завершается в книге рассказ о пушкинском творчестве,

³ А. Ярмолинский перечисляет пять переводов пушкинского «Пророка», осуществленных до М. Бэринга; все они относятся к периоду 1890-х – 1920-х годов: это переводы Ф. П. Марчанта (F. P. Marchant) для «Англо-русского литературного общества» (*The Anglo-Russian Literary Society*, 1898), М. Дж. Уокера (M. G. Walker) для «Свободной России» (*Free Russia*, 1899), Э. Хита (E. Heath) для «Журнала Скрибнера» (*Scribner's Magazine*, 1903), У. Э. Дрейка (W. A. Drake) для «Гомилетического обзора» (*Homiletic Review*, 1925) и Э. Р. Форсайта (A. R. Forsyth) для «Славянского обозрения» (*Slavonic Review*, 1925). Кроме отмеченных в этом списке следует назвать перевод Б. Дойча, впервые опубликованный в антологии «Современная русская поэзия» (*Modern Russian Poetry. An Anthology*, 1921) и вошедший во все издания пушкинского собрания сочинений под ред. А. Ярмолинского (начиная с издания 1936 г.). См.: (Yarmolinsky 1937: 10).

поскольку далее следует лишь немногословное описание «катастрофы» (*catastrophe*) 1837 года и обобщающие тезисы о значении и особенностях пушкинского гения. Более того, это единственное стихотворение, которое Бэринг включает в свой сорокапятистраничный рассказ о Пушкине, воспроизводя его содержание целиком.

Характеристика «Пророка» как шедевра мировой литературы и прозаический перевод даются и в бэринговском предисловии к оксфордской антологии русской поэзии на русском языке. Именно с «Пророка» в этой книге начинается раздел, посвященный пушкинским стихотворениям. Таким образом, все остальные опубликованные в ней пушкинские стихотворения (как и вся русская поэзия в антологии Баура) стоят под знаком «Пророка», то есть под знаком образов поэта-пророка и внутреннего пути от поэзии к поэзии-пророчеству как пути мучительного преображения. Не случайно в список отобранных для публикации в бэринговской антологии пушкинских произведений попали «Молитва» («Отцы пустынноики и жены непорочны...»), две «Элегии» («Я пережил свои желанья...» и «Безумных лет угасшее веселье...»), «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день...»), «Красавица» — стихотворения, воссоздающие внутреннюю жизнь глубокой, поэтической души, в которой стремление к тому, чтобы «мыслить и страдать», совмещается с «сердечными угрызеньями» и чуткостью к «божественному глаголу» и в которой из мелькающего калейдоскопа различных чувств и настроений складывается облик удивительно искренней и возвышенной души.

Бэринг в разное время перевел все упомянутые выше пушкинские стихотворения и опубликовал их в 1931 г. в сборнике своих переводов из Пушкина. В антологии же Баура в бэринговском переводе даны, кроме «Пророка», еще 5 пушкинских произведений. В них поэт предстает перед английским читателем не только в глубоких философско-религиозных раздумьях (как в обеих «Элегиях» и «Молитве»), но и в состоянии переживаний, связанных с любовью к женщине и благоговением перед женской красотой («Для берегов отчизны дальней...» и «Красавица»).

В целом антология Баура, представив образцы любовной, пейзажной, гражданской, религиозно-философской лирики Пушкина, осветила пушкинское творчество не менее полно, чем антология Бэринга, но несколько иначе — и, разумеется, для другого читателя⁴. В бэринговскую антологию вошли «Анчар», «Пир Петра Великого», отрывки из «Полтавы», «Бориса Годунова» и «Скупого рыцаря» — тексты, сложно освещающие проблему власти, поднимающие вопросы философии истории на русском материале; более того, в книге акцент

⁴ Антология Бэринга, составленная из стихотворений в оригинале (т. е. на русском языке), предназначалась, очевидно, для «русских факультетов» Великобритании. Книга же Баура — для более широкой читательской аудитории.

явственно сделан не на любовной, пейзажной или гражданской лирике Пушкина (хотя образцы этих направлений здесь представлены), но на религиозно-философских темах, включая тему поэтического творчества. В сборнике же Баура представлена исключительно пушкинская лирика⁵, и в ней переводчик-составитель находит ту «любовь к своей стране» (*this love of their country*) — ее удивительному «бескрайнему пейзажу» (*that illimitable landscape*) и ее «страстной душе» (*that passionate soul*), — которая делает поэта столь глубоко русским и которая становится залогом эталонности его творчества в русской поэзии (Bowra 1947: xix–xx). Несколько схематизируя, можно утверждать, что если в книге Бэринга пушкинская поэзия явлена как одно из высочайших достижений мировой культуры, то в сборнике Баура лирика Пушкина представлена как источник и гениальное проявление именно русской поэзии.

Попытка Баура отразить в сборнике доминантные темы русской поэзии и одновременно показать ее содержательное своеобразие нашла отражение в том числе в выборе редактором переводов из Пушкина, осуществленных М. Бэрингом. В них в целом прослеживается установка на внутреннюю (смысловую) и внешнюю (в поэтической форме) точность в воссоздании исходного текста — обусловленная, по всей видимости, как переводческими принципами, так и позицией преклонения перед эстетическим совершенством и содержательной глубиной переводимых текстов. И однако в каждом из осуществленных Бэрингом переводов прослеживается тенденция к изменению смысловой ткани пушкинских произведений — тенденция, связанная, с одной стороны, с интерпретацией внутренних, духовно-эмоциональных состояний, изображенных в них, в исключительно религиозном русле; с другой же — с уходом от семантики синергийно-диалогических отношений. И тому, и другому можно найти рациональное объяснение как в плане биографическом (Бэринг в 1909 г. принял католичество и был всю оставшуюся жизнь привержен католической вере), так и в плане общекультурном (идея синергийного взаимодействия укоренена, как известно, именно в православном мировоззрении).

Так, пушкинский «Пророк» начинается с описания ситуации духовного перепутья, то есть стремления и одновременно сомнения. Это архетипическая ситуация вопроса-выбора, на онтологическую глубину которой поэт только намекает: «Духовной жаждою томим, / В пустыне мрачной я влачился...» (Пушкин 1959: 148). В переводе Бэринга тонкий пушкинский символизм «духовной жажды» замещается символизмом с более определенными — религиозными, христианскими — очертаниями: в нем говорится об «изнемогающей душе, жаждущей [Божьей] благодати» (*fainting soul athirst for Grace*) (Bowra 1947: 1). Несмотря на то, что за существительным *grace* в английском языке закреплено несколько значений, написание его с заглавной буквы указывает на единственно

⁵ «Письмо Татьяны» вполне вписывается в этот ряд.

возможное в контексте: «Божья благодать» (см.: *approval or kindness, especially (in the Christian religion) that is freely given by God to all humans* [Cambridge Dictionary a]).

Заключительные же четыре строки пушкинского «Пророка» в прочтении Бэринга кардинально расходятся с исходным текстом — до такой степени, что пересоздают всю концепцию пушкинского образа поэта-пророка. Стихотворение Пушкина оканчивается словами Господа, адресованными преображенному поэту и точно определяющими его пророческое служение:

Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнишь волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей (Пушкин 1959: 149).

Поэт, прошедший мучительное духовное и телесное преображение в ответ на свой внутренний призыв, в результате этого преображения обретший обостренные телесные и духовные чувства и способность «исполниться» Божьей «волей», призван к служению своим «глаголом» — своим поэтическим даром. «Огненная» символика в Библии шире обличительной. Столь же расширительно следует понимать и призвание поэта-пророка: это призвание к служению словом, приобщенным Истине, доходящим до сердца, выжигающим самой своей божественной природой нечистоту в нем и раздувающим огонь божественной любви (Москвин 2016). Иными словами, призыв Господа «Глаголом жги сердца людей» подразумевает не просто пророческий дар, но дар художественного слова, что особенно очевидно в контексте поэтической полемики Пушкина с «пророками» Ф. Н. Глинки, В. Г. Кюхельбекера и Н. М. Языкова (см.: [Сурат 1995; Артамонова 2014; Королева 2019]).

Отношения между Божьей волей и поэтическим «глаголом», обозначенные в финале пушкинского текста, — особый вариант синергийных, взаимонаправленных действий человека и «мира горнего». Заключительные строки перевода Бэринга значительно упрощают пушкинскую концепцию поэта-пророка: они замещают отношения синергийного взаимодействия между «глаголом» поэта и «волей» Господа отношениями повеления — исполнения. Вместо образа человека, творящего свое поэтическое слово с опорой на дарованную Господом способность знать, воспринимать и транслировать Вышнюю волю, в них создан образ человека-сосуда, человека-инструмента в руках Божиих:

*Arise, and let My voice be heard,
Charged with My will go forth and span
The land and sea, and let My word
Lay waste with fire the heart of man* (Bowra 1947: 1).

В формальном плане основное изменение касается присутствия местоимения «Мой» (соотносящегося с Господом): однократному его употреблению в исходном тексте соответствует три случая использования в переводе: Господь в версии Бэринга говорит поэту не только о Своей воле (*My will*), которая должна «охватить землю и море» (*the land and sea*), но и Своим голосе (*My voice*), который должен быть всем «слышен» (*be heard*), и о Своем слове (*My word*), которое должно «предавать огню сердца людей» (*Lay waste with fire the heart of man*). Поэт у Бэринга, проходя все «пушкинские» стадии мучительного преобразования, в конечном итоге перестает быть поэтом, но становится, скорее, ветхозаветным пророком, несущим людям Волю и Слово Господа.

Слово *Grace* появляется у Бэринга и в интерпретации стихотворения «Отцы пустынные и жены непорочны...»: характеристика *отсутствия* («непорочны») замещается в его версии признаком *присутствия* (Божьей благодати): *full of Grace*, тем самым широкая семантика духовной и физической чистоты заменяется на религиозно окрашенную семантику полноты приобщенности божественному. Более того, переводчик присваивает стихотворению название «Молитва» / *A Prayer*, предопределяя тем самым значительное сужение его смыслового поля (Bowra 1947: 11). Для пушкинского текста принципиальна диалогическая необъяснимость ситуации: лирического героя чудесным образом влечет к себе одна из сложенных «отцами пустынниками» молитв — та, которая читается во все дни Великого Поста (за исключением субботы и воскресенья) и которую когда-то сложил преподобный Ефрем Сирин, один из Отцов Церкви, богослов и поэт. Название «Молитва» снимает момент диалогичности, как и момент чудесной синергичности духовных устремлений лирического героя и духовно-эмоционального строя молитвы Ефрема Сирина.

Семантика чудесно-синергичной духовно-эмоциональной встречи уточнена в стихотворении Пушкина глаголами и глагольными сочетаниями, описывающими воздействие молитвы на лирического героя в православном русле: она «умиляет» его и «крепит неведомою силой» (Пушкин 1959: 456). Подобренные Бэрингом эквиваленты вместо православной семантики предлагают значения, связанные либо с общей способностью воздействовать на внутренний мир человека, либо влиять на него магическим образом. Так, глаголу «умиляет» в форме настоящего времени в значении (обычно, всегда, постоянно) «трогать нравственно, возбуждать нежные чувства, любовь, жалость» (см.: [Даль 2006]), «вводит в состояние глубокого, просветленного чувства смирения, сердечной мягкости и благодарности» (см.: [Старк 1982: 193]) — в переводе соответствует глагол *moved* — «тронула» в форме прошедшего времени в значении однократного эмоционально-духовного воздействия в самом широком спектре значений (ср: *caused someone to have strong feelings, such as sadness, sympathy, happiness, or admiration* [Cambridge Dictionary b]). Глагольное же сочетание «крепит неведомою силой» прочитывается Бэрингом как «наводит (на слабую душу) животворные чары» (*breathe on the*

faint soul a vital spell [Bowra 1947: 11]). В переводе сохраняется семантика чудесного, но при этом она вписана в поле магического и, следовательно, одностороннего влияния, а не религиозно-синергического вопросно-ответного взаимодействия, как в оригинале.

Движение к более узкой религиозной трактовке сюжета и одновременно к большей монологичности и смысловой завершенности текста прослеживается и в бэринговском переводе «Для берегов отчизны дальней...». Так же, как в случае с «Отцами-пустынниками...», Бэринг присваивает пушкинскому неназванному произведению наименование — здесь, правда, весьма условное: «К...» (*To...*), и однако прямо указывающее (в отличие от текста-оригинала) на интимно-личный характер содержания, подчеркивающее момент автобиографичности в нем. Замена в переводе глаголов несовершенного вида в форме прошедшего времени, передающих мучительную длительность действий в прошлом, формами простого прошедшего времени, обозначающими чередование однократных действий, акцентирует событийность, а не процессуальность (как у Пушкина): «покидала», «плакал», «старались», «молил» (Пушкин 1959: 326) — *went, shed, tried, cried* (Bowra 1947: 13). При этом строки «Томленье страшное разлуки / Мой стон молил не прерывать» (Пушкин 1959: 326), не имеющие религиозной окраски у Пушкина, Бэринг трактует в строго религиозном ключе: в его переводе душа обращается к Небу с просьбой не оканчивать агонию расставания (*“End not, ” my soul to Heaven cried, / The parting’s dreadful agony!*) [Bowra 1947: 13]).

Своеобразно прочитывает Бэринг и последние строки пушкинского произведения, выражающие состояние ожидания встречи за гробом: «А с ними поцелуй свиданья... / Но жду его; он за тобой...» (Пушкин 1959: 326). Это состояние тонко балансирует на грани религиозно-мистического чувства и любовно-элегического настроения, что связано с ситуативным контрастом смерти возлюбленной и жизни любви (ожидания нового свидания и поцелуя). Это гармоническое равновесие связано с выделением поцелуя как грамматического субъекта, соединяющего подразумеваемое «я» с «тобой». У Бэринга религиозно-мистическое чувство преобладает над любовно-элегическим: хрупкое пушкинское равновесие нарушено словом «воскрешение» (или «воскрешающий»): *Gone is the resurrection kiss...* / «Ушел в небытие воскрешающий поцелуй», — так в переводе передана строка о поцелуе свиданья. Кроме того, столь ожидаемый лирическим героем поцелуй не соединяет «я» с «тобой» в последней строке перевода, но предназначен только «мне». Монологическим «мною», а не диалогическим «тобой» оканчивается перевод Бэринга: *I wait for it. It is for me* / «Я жду его. Он для меня» (Bowra 1947: 13).

4. Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что «Антология русской поэзии» под редакцией Сесила Баура имела не только явственно выраженную

просветительскую направленность, но и вполне определенную концепцию истории и содержания русской поэзии. В этой концепции этнокультурная интерпретация русской литературы, изложенная в трудах М. Бэринга, была синтезирована с интерпретацией культурно-эстетической, оформившейся у другого предшественника Баура — Д. С. Мирского; при этом суждения предшественников были восприняты Баура опосредованно, с опорой на собственный переводчески-языковой опыт.

В концепции С. Баура, изложенной в этой первой англоязычной антологии русской поэзии, русская литература представляла в сравнении с литературой западноевропейской особым проявлением национального духа (отмеченным чертами сдержанности, лаконичности, приглушенности интонаций, возвышенной поэтичности и одухотворенности при одновременном внимании к обыденной реальности) и в то же время целостным движением человеческого, творческого духа, пути которого были предопределены гением Пушкина. Один из основных путей (или же основной, судя по положению стихотворения в структуре книги) был проложен, как это представляло в Предисловии и структуре Антологии, «Пророком» Пушкина, с его вниманием к проникновению горнего мира в мир человеческий, земной, к мучительному преображению поэта на путях приобщения божественному. При этом перевод Бэринга, использованный в Антологии, задавал стихотворению неправославное библейски-ветхозаветное звучание и, как и другие его переводы из Пушкина, опубликованные в книге, глубоко изменял смысловое поле исходного текста. С одной стороны, переводы Бэринга замещали тонкое изображение духовно-эмоциональных состояний лирического героя более узкой религиозной их интерпретацией; с другой стороны, они двигались от изображения синергийно-диалогических отношений между лирическим героем и миром в сторону принципиальной их монологичности.

Список литературы / References

- Артамонова Л. А., Карпенко Г. Ю. Мотив преобразования в стихотворении А. С. Пушкина «Пророк» и в рассказе Ф. М. Достоевского «Мужик Марей» // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 1. С. 140–145. [Artamonova, Ludmila A., Karpenko, Gennadiy Yu. (2014) Motiv preobrazhenija v stihotvorenii A. S. Pushkina «Prorok» i v rasskaze F. M. Dostoevskogo «Muzhik Marei» (The Motif of Transfiguration in A. S. Pushkin's poem "The Prophet" and in F. M. Dostoevsky's story "The Peasant Marey"). *Vestnik of Samara State University*, 1, 140–145. (In Russian)].
- Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1988. [Gadamer, Hans-Georg. (1988) *Istina i metod: Osnovy filosofskoi germenevtiki* (Truth and Method: Foundations of Philosophical Hermeneutics). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Григорьев А. Л. Русская литература в зарубежном литературоведении. Ленинград: Наука Ленингр. отд-ние, 1977. [Grigoriev, Alexey L. (1977) *Russkaya literature v zarubezhnom*

literaturovedenii (Russian Literature in Foreign Literary Studies). Leningrad: Nauka Leningr. otd-nie. (In Russian)].

- Ефимов М. В. Весьма мучительное свойство. К 80-летию гибели Д. П. Святополк-Мирского // Звезда. 2019. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2019/6/vesma-muchitelnoe-svoystvo.html?ysclid=lvq7gwiyv928437608> (дата обращения: 04.02.2025). [Efimov, Mihail V. (2019) Ves'ma muchitel'noe svoystvo. K 80-letiju gibeli D. P. Sv'atopolk-Mirskogo (A Very Painful Quality. On the 80th Anniversary of the Death of D. P. Svyatopolk-Mirsky). *Zvezda*, 6. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2019/6/vesma-muchitelnoe-svoystvo.html?ysclid=lvq7gwiyv928437608> (2025, February 4). (In Russian)].
- Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002. [Komissarov, Vilen N. (2002) *Sovremennoye perevodovedeniye* (Modern Translation Studies). Moscow: ETS. (In Russian)].
- Королева С. Б. Пророческая тема в стихотворении А. С. Пушкина «Пророк»: диалог с традицией и эпохой // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 61. С. 206–225. [Koroleva, Svetlana B. (2019) Prorocheskaya tema v stihotvorenii A. S. Pushkina «Prorok»: dialog s tradiciej i epochoj (The Prophetic Theme in A. S. Pushkin's Poem "The Prophet": Dialogue with Tradition and Era). *Tomsk State University Journal of Philology*, 61, 206–225. (In Russian)].
- Лейтон Л. Пушкин в англоязычном мире // Вестник Российской академии наук. 1999. Т. 69. № 2. С. 135–139. [Leighton, Lauren G. (1999) Puskin v angloyazychnom mire (Pushkin in the English-Speaking World). *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 69 (2), 135–139. (In Russian)].
- Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74–87. [Likhachev, Dmitry S. (1968) Vnutrenniy mir khudozhestvennogo proizvedeniya (The Inner World of a Work of Art). *Voprosy literatury*, 8, 74–87. (In Russian)].
- Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя. Статьи и заметки. 1960–1990. «Евгений Онегин»: Комментарий. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 1995. [Lotman, Yury M. (1995) *Pushkin: Biografija pisatel'a. Stat'i i zametki. 1960–1990. "Yevgeny Onegin": Kommentarij* (Pushkin: A Writer's Biography. Articles and Notes. 1960–1990. "Eugene Onegin": Commentary). St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, (In Russian)].
- Мирский Д. О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. М.: Новое литературное обозрение, 2014. [Mirsky, Dmitry. (2014) *O literature i iskusstve: Stat'i i retsenzii 1922–1937* (On Literature and Arts: Essays and Reviews of 1922–1937). Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russian)].
- Модестов В. С. Теория и практика художественного перевода: учебное пособие. Москва: Высшая школа, 2010. [Modestov, Valery S. (2010) *Teoriya i praktika hudozhestvennogo perevoda: uchebnoe posobie* (Theory and Practice of Literary Translation: A Study Guide). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Москвин Г. В. Пророк: таинство преображения и жажда истока (пророческая тема в поэзии А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова) // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. А. Лобачевского. 2016. № 2. С. 240–245. [Moskvin, Georgy V. (2016) Prorok: tainstvo preobrazhenija i zhazhda istoka (prorocheskaja tema v poezii A. S. Pushkina i M. Ju. Lermontova) (The Prophet: The Sacrament of Transfiguration and the Thirst for the Source (The Prophetic Theme in the Poetry of A. S. Pushkin and M. Yu. Lermontov)). *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*, 2, 240–245. (In Russian)].
- Сурат И. «Твое пророческое слово...» // Новый мир. 1995. № 1. С. 236–239. [Surat, Irina (1995). «Tvoye prorocheskoye slovo...» ("Your Prophetic Word..."). *Novyj Mir*, 1, 236–239. (In Russian)].

- Старк В. П. Стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны...» и цикл Пушкина 1836 г. // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1982. Т. 10. С. 193–203. [Stark, Vadim P. (1982) Stihotvorenie «Otsy pustynniki i zheny neporochny...» i tsykl Pushkina 1836 g. (The Poem “The Desert Fathers and the Immaculate Wives...” and Pushkin’s 1836 Cycle). *Pushkin: Issledovaniya i materialy* (Pushkin: Research and Materials). Leningrad: Nauka. Leningr. otdelenie, Vol. 10, 193–203. (In Russian)].
- Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. [Potebnya, Aleksandr A. (1976) *Estetika i poetika* (Aesthetics and Poetics). Moscow: Iskusstvo. (In Russian)].
- Baring, Maurice. (1912) *Landmarks in Russian Literature*. New York: The Macmillan Co.
- Baring, Maurice. (1914) *The Mainsprings of Russia*. London: Thomas Nelson and Sons.
- Baring, Maurice. (1915) *An Outline of Russian Literature*. New York: H. Holt and Co; London: Williams and Norgate.
- Baring, Maurice. (1911) *The Russian People*. London: Methuen and Co.
- Davidson, Pamela C. (2009) M. Bowra’s “Overestimation” of Pasternak and the Genesis of Doctor Zhivago. In Fleishman, Lazar. (ed.) *The Life of Boris Pasternak’s Doctor Zhivago*. Stanford: Stanford Slavic Studies, 42–69.
- Iser, Wolfgang. (1978) *The Act of Reading: a Theory of Aesthetic Response* (tr. from German). Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Mirsky, Dmitry S. (1926) *Pushkin*. London: G. Routledge and Sons, LTD. New York: E.P. Dutton and Co.
- Pushkin, Alexander (2022–2023). Collected Works: Parallel Russian Text and English Translation / Ed. by Eugene Gorny. *Russian Virtual Library*, Vol. 1. Retrieved from <https://rvb.ru/pt/pushkin/0420b-en.html> (2025, March 14).
- Yarmolinsky, Abraham. (ed.) (1937) *Pushkin in English: A list of works by and about Pushkin* / comp. by the Slavonic div. New York: The New York publ. Libr.

Словари / Dictionaries

- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах. М.: РИПОЛ классик, 2006. Том 4: Р – Я. [Dahl, Vladimir I. (2006) *Tolkovyi slovar’ zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* (Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vol.). Vol. 4: R – Ya. Moscow: RIPOL klassik. (In Russian)].
- Cambridge Dictionary a. Grace. In *DictionaryCambridge.org*. Retrieved from <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/grace?ysclid=mi7aj33hk7498507546> (2025, August 12).
- Cambridge Dictionary b. Move. In *DictionaryCambridge.org*. Retrieved from <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/move?ysclid=mi7civ4nx8908516801> (2025, August 12).

Источники языкового материала / Language material resources

- Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 томах. Т. 2. Стихотворения 1823–1836. М.: ГИХЛ, 1959. [Pushkin, Alexander S. (1959) *Sobranie sochinenij: v 10 tomah. T. 2. Stihotvoreniya 1823–1836* (Collected Works: in 10 vol. Vol. 2. Poems of 1823–1836). (In Russian)].
- Bowra, Cecil M. (ed.) (1947) *A Book of Russian Verse*. London: MacMillan and Co LTD.

ХРОНИКА

IV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РОМАНО-ГЕРМАНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ» И XXXVII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РАПАЛ

25–27 сентября 2025 г. в Минске прошло сразу два больших научных события, объединенных тематически и организационно: IV Международная научная конференция «Романо-германские литературы: традиции и современность» и XXXVII Международная научная конференция Российской ассоциации преподавателей английской литературы (РАПАЛ), посвященная 100-летию со дня рождения Н. П. Михальской. В организации этих соотнесенных между собой конференций, проведенных на базе Белорусского государственного университета, деятельное участие в качестве официального соорганизатора принимал Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова.

25 сентября стал днем пленарных заседаний, включивших в состав выступлений как собственно научные доклады, так и торжественные речи, посвященные памяти большого ученого, основателя Российской ассоциации преподавателей английской литературы, почетного профессора Московского педагогического государственного университета Нины Павловны Михальской. Открывая первое пленарное заседание, заведующая кафедрой всемирной литературы Московского педагогического государственного университета Марина Ивановна Никола высказала несколько принципиально важных суждений. В ее речи прозвучал тезис об уникальности Н. П. Михальской как человека, в котором гармонично сочетались научная одаренность, внутренняя организованность и наделенность природной энергией, что позволило ей одновременно быть прекрасным лектором, глубоким ученым и (в качестве заведующей кафедрой и декана) успешным организатором научной и учебной деятельности.

Марина Ивановна справедливо подчеркнула, что современное наследие Нины Павловны — это не только учебники, статьи и монографии, но и РАПАЛ, и многочисленные ее ученики, в первую очередь — те, кто под ее руководством защитил кандидатскую или докторскую диссертацию, а это около 70 работ. М. И. Никола определила роль Н. П. Михальской в развитии изучения зарубежной литературы в России и в связи с созданным ею (в соавторстве) учебником по истории английской литературы — учебником, впервые представившим «целостный и системный» взгляд на английскую литературу как важную часть мировой культуры; и в установлении более тесных, чем прежде, контактов с зарубежными коллегами. На роль Нины Павловны в интенсификации обменов между

белорусскими и российскими специалистами по истории английской и американской литературы указал в своем докладе независимый исследователь Юрий Викторович Стулов.

В торжественных речах профессора Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина Наталии Леонидовны Потаниной, профессора Уральского федерального университета Ольги Григорьевны Сидоровой, заслуженного профессора Пермского государственного национального исследовательского университета Бориса Михайловича Проскурнина прозвучали слова глубокой благодарности в адрес Н. П. Михальской как мудрого учителя и масштабного ученого, определившего пути развития российской науки об английской литературе на годы и десятилетия вперед. В то же время в докладе Б. М. Проскурнина были озвучены результаты нового исследования в области типологических сходжений между образами *femme fatale* в английской и русской литературах эпохи классического реализма (У. М. Теккерей и И. С. Тургенев).

Доклады остальных участников пленарных заседаний первого дня работы объединенных конференций были посвящены аспектам истории зарубежной литературы и межнациональных литературных связей, в разработку которых внесли неоценимый вклад труды Нины Павловны Михальской.

Руководитель Центра современных компаративных исследований Российского государственного гуманитарного университета, главный редактор «Вопросов литературы» Игорь Олегович Шайтанов в своем выступлении осветил черты поэтики Шекспира, обнаруживаемые в хронике «Ричард II» (повторы, игра слов, «метафизическая» стилистика, риторика королевских покоев), а также те пути, которыми шли русскоязычные переводчики при передаче этих особенностей средствами русского языка. Прокомментировал докладчик и некоторые результаты собственной переводческой работы с шекспировским текстом, отметив, что перевод уже был опубликован.

Доклад декана факультета гуманитарных наук Высшей школы экономики в Нижнем Новгороде Марины Владимировны Цветковой был посвящен творчеству ирландского поэта Пола Деркана и образу России в его поэтическом сборнике «Возвращаясь домой в Россию» (*Going Home to Russia*, 1987). Марина Владимировна убедительно доказывает, что этот образ «работает» на антитезе со сложившимися о нашей стране западными стереотипами, что параллели между Ирландией и Россией становятся важнейшим лейтмотивом книги и что в целом восприятие русского в книге амбивалентно: русские представляются открытыми, внутренне религиозными, чистыми в своих помыслах людьми, тогда как советская политика рисуется областью агрессивного доминирования и репрессий.

Имагологические аспекты изучения художественного текста были освещены и в отдельных секционных докладах: Т. Г. Теличко представила результаты исследования образа межкультурного диалога в романе Дж. М. Кутзее «Поляк»; С. В. Логиш проследила «русский след» в творчестве Томаззо Ландольфи;

А. Ю. Курмелев проанализировал содержание концептов русского культурного мира в пьесе Теннесси Уильямса «Записная книжка Тригорина». И. Г. Прудюс осветила роль и содержание ималогических аспектов в графическом романе Ю. Виле и Л. Итагаки «Сибирские хайку». В докладе Т. М. Хацкевич «Восточноевропейский Другой в английской литературе» была осуществлена попытка представить некоторые результаты обобщений, относящихся к воплощению образов носителей восточноевропейских культур в современной английской литературе (Д. Коу, О. Мэннинг, А. Торп).

В докладе Елены Николаевны Черноземовой получил продолжение вектор научных исследований, обозначенный Н. П. Михальской в сфере изучения взаимосвязей между литературой и другими видами искусства. Е. Н. Черноземовой были изложены результаты размышлений над способами воздействия литературных образов обездоленного детства (созданных Ч. Диккенсом и В. Гюго) на сюжеты, сфокусированные на образах детей-сирот и нищих, неприютных детей, в европейской живописи последней трети XIX в. Тема синтеза искусств получила развитие и в выступлении профессора Белорусского государственного педагогического университета Татьяны Евгеньевны Комаровской. Оно было посвящено художественной роли экфрасиса в романах американской писательницы Мэри Гордон; в фокусе исследовательского внимания оказался биографический контекст и роман «Любовь моей юности».

Проблема взаимоотношения литературы и живописи, литературы и фотографии оказалась наиболее актуальной в рамках двух конференций. Рассмотрению разных аспектов этой проблемы были посвящены секционные доклады Т. А. Полуэктовой («Фотография VS оригинал: границы репрезентативности в романе Хоуэллса *The Magic of a Voice*»), Н. С. Тушкиной («Творчество Гертруды Стайн и французский кубизм»), А. Ю. Перевезенцевой («Образ Винсента Ван Гога и творчество художника в романе А. С. Байетт «Живая вещь»»), И. А. Новокрещенных («Графика Обри Бердсли и эпоха 1890-х годов в художественно-эстетической критике Уиндема Льюиса»), Н. В. Копытко («Функции экфрасиса в рассказах Дж. К. Оутс из сборника «Прекрасные дни»).

Более широко в аспекте темы искусства эта проблема была рассмотрена в докладе Л. Ф. Хабибуллиной («Тема искусства в романе А. Торпа «Правила перспективы»»). Освещению вопроса взаимодействия искусств как идеи, движущей действие романов Анри Бошо «Эдип, путник» и «Антигона», был посвящен доклад Ю. А. Марининой. Взаимодействие литературы с иными видами искусства в ракурсе вопроса о вхождении музыкальных образов в художественный текст (и наоборот) был раскрыт в докладе Е. Р. Ивановой «Роль музыкального экфрасиса в романе Д. Мейсона «Настройщик»», а также в ряде других сообщений.

Результаты исследований О. Г. Сидоровой и Н. А. Развадовской, озвученные на одном из секционных заседаний, соотносились с обозначенной общей

проблемой в ракурсе киноверсий классических произведений английской литературы: романов Дж. Остин (доклад О. Г. Сидоровой) и трагедии У. Шекспира «Ромео и Джульетта» (доклад Н. А. Развадовской).

Пленарный доклад профессора Московского городского педагогического университета Майи Геннадиевны Меркуловой представил результаты исследования поздней драматургии Бернарда Шоу в аспектах жанра, поэтики и идейно-философского содержания. Майя Геннадиевна убедительно показала, что в настоящее время поздняя драматургия Шоу изучается преимущественно в контексте современных подходов к изучению литературы: рецептивного и имагологического.

Жанровая проблематика художественной литературы в тесной связи с признаками поэтики и идейно-философского содержания стала предметом рассмотрения в секционных докладах Н. С. Шалимовой («Роман инициации в динамике литературного процесса США»), Н. Л. Сержант («Жанровая атрибуция современного американского романа о подростках»), А. А. Никулиной («Проблема идентичности в современном английском историческом романе»), В. Ю. Назаренко («Разнообразие современного китайского детектива»), М. К. Меньшиковой («Жанровый потенциал драматургии Карла Иммермана»), М. В. Лариной («Роман взросления в современной немецкой прозе»), О. А. Королевой («Специфика жанровой природы произведения Т. Пратчетта “Финт”»), Л. В. Сапегинной («“Утопия-авеню” Дэвида Митчелла как вариация жанра KÜNSTLERROMAN»); З. Р. Зиннатуллиной («Трансформация жанра детектива в романах Таны Френч»).

В заключительном докладе пленарных заседаний объединенных конференций — выступлении заведующей научно-исследовательской лабораторией Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова Светланы Борисовны Королевой — был впервые поставлен вопрос о соотнесенности поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник» с рядом «венецианских» произведений лорда Байрона. Светлана Борисовна предложила считать образно-мотивный комплекс, возникающий в «венецианских» произведениях Байрона в связи с именем «Венеция», венецианским текстом. Определив основные составляющие байроновского венецианского текста, а также закрепленные в русской культуре (в том числе у Пушкина) ко времени создания «Медного всадника» «венецианские мотивы», ученый сформулировал тезис о многоаспектной соотнесенности поэмы Пушкина с венецианским текстом Байрона. В том числе в докладе была доказана значимость «венецианских элементов» поэмы «Паломничество Чайльд-Гарольда», сюжета и образов трагедии «Марино Фальеро», а также концепции мировой истории, нашедшей свое выражение в различных байроновских высказываниях о Венеции, для оформления в пушкинской поэме культурно-исторической концепции послепетровской государственности и для формирования в нем образа Петербурга.

Проблема восприятия и преобразования традиций в национальных литературах, и в частности восприятия европейской литературы в русской, стала предметом активного обсуждения и в рамках секционных заседаний: в докладах А. Е. Сьяновой — об античном наследии в творчестве Р. М. Рильке; Н. М. Шахназарян — о функциях и художественно-смысловой нагрузке спенсеровой строфы в поэзии английских романтиков; М. С. Рогачевской — о традициях антиутопии в феминистском романе С. Ньюман; Н. М. Ильченко — о диалоге русских поэтов с Э. Т. А. Гофманом касательно сюжетной ситуации «старый дож / молодая догаресса»; А. А. Исаевой — о восприятии «мысли семейной» Л. Н. Толстого в романе Роже Мартен дю Гара «Семья Тибо»; О. М. Вальной — об О. Уайльде и русских мыслителях.

Наконец, общее внимание участников конференций традиционно привлек неисчерпаемый вопрос о вхождении библейского текста в произведения разных эпох и направлений. Рассмотрению этой проблемы в контексте творчества конкретных авторов или же традиций были посвящены доклады М. В. Яценко («Культурно-исторические аспекты рецепции Библии в древнеанглийской традиции»), Е. Р. Коновалова («Библейский текст в романе Леона Блуа «В отчаянии»), А. С. Камаевой («Библейский контекст стихотворения Теодора Тагера “Lilie”»), В. А. Бячковой («Переосмысление истории библейской Вирсавии Томасом Гарди и Зои Хеллер»).

Упомянутые две конференции, проведенные в Белорусском государственном университете 25–27 сентября 2025 г., стали масштабным международным научным событием. В его насыщенной академической программе нашли отражение традиционные направления литературоведческих исследований в отношении истории национальных литератур и межлитературных связей, равно как и актуальные междисциплинарные векторы изучения художественных текстов, такие как имагологический и интермедиаальный (интерсемиотический). В 2026 году ежегодная конференция Российской ассоциации преподавателей английской литературы запланирована к проведению в Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н. А. Добролюбова. Основным организатором выступит научно-исследовательская лаборатория «Фундаментальные и прикладные исследования аспектов культурной идентификации» НГЛУ.

С. Б. Королева

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Балаганов Дмитрий Владимирович, Российский государственный гуманитарный университет, доктор филологических наук, Москва, Россия, dmitryrus@yandex.ru

Бухаров Валерий Михайлович, доктор филологических наук, профессор, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, vmbukharov@lunn.ru

Васильев Евгений Вадимович, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, evvasilev@lunn.ru

Варпаева Юлия Николаевна, кандидат филологических наук, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, unbuchilina@lunn.ru

Дмитриева Елена Николаевна, доктор педагогических наук, профессор, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, eldmitrieva@yandex.ru

Иванов Андрей Владимирович, доктор филологических наук, профессор, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, holzmann2014@yandex.ru

Князева Елена Георгиевна, доктор филологических наук, профессор, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия, dmitryrus@yandex.ru

Королева Светлана Борисовна, доктор филологических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, sbkoroleva@lunn.ru

Логинова Александра Александровна, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, alloginowa-lunn@mail.ru

Малинин Валерий Анатольевич, доктор педагогических наук, доцент Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Нижний Новгород, Россия, school-23@bk.ru

Малыгин Виктор Трофимович, доктор филологических наук, профессор, Владимирский институт развития образования им. Л. И. Новиковой, Владимир, Россия, vigo33@mail.ru

Митина Марина Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, mvmitina@lunn.ru

Молодцов Илья Алексеевич, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Нижний Новгород, Россия, ilya.molodtsov.98@mail.ru

Нгуен Тхань Шон, аспирант, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, nthanhsonhuflis@mail.ru

Никифорова Вера Валерьевна, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, vera-shatokhina91@mail.ru

Петров Вадим Игоревич, иерей, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, vadim.i.petrov@spbu.ru

Петрова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, o.v.petrova.nn@gmail.com

Пивень Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, irene.nikitina@gmail.com

Родионова Мария Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, maria.y.rodionova@gmail.com

Сороковых Галина Викторовна, доктор педагогических наук, профессор, Государственный университет просвещения, Москва, Россия, sorokovykh@mail.ru

Сухотина Валерия Юрьевна, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия, suhotinavu@tolstovsky.ru

Туча Александра Александровна, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, tuchaaleksandra@gmail.com

Тырыгина Валентина Алексеевна, доктор филологических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, vatyrygina@lunn.ru

Чайка Ксения Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, kvchayka@lunn.ru

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова»

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н. А. Добролюбова

Выпуск 4 (72)

Редакторы:
Н. С. Чистякова
В. М. Цымбалова

Компьютерная верстка
С. В. Туманов

Подписано в печать 27.12.2025. Дата выхода в свет 30.12.2025.
Формат 60×90 1/16. Печ. л. 13,4. Тираж 500 экз.
Свободная цена. Заказ № 11825.

Адрес редакции, издателя, типографии:
603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а

Подписной индекс в электронном каталоге Почта России: ПН269